

ISSN 2713-0622

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

**Russian Journal of
DEVIANT BEHAVIOR**
Scientific and Theoretical
Issues

TOM
vol. **3 № 3 / 2023**

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том 3 № 3
2023

**Russian Journal
of Deviant Behavior**
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 3 № 3
2023

Российский девиантологический журнал

Научно-теоретический журнал

Том 3 № 3 2023

«Российский девиантологический журнал» – периодическое сетевое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных исследований по девиантологии (девиантному поведению). Дисциплинарное поле журнала – психология, педагогика, право (криминология, уголовное право, уголовно-исполнительное право), медицина, социология.

В «Российском девиантологическом журнале» публикуются результаты оригинальных фундаментальных и прикладных научных исследований по вопросам девиантного поведения.

Цели журнала:

- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными специалистами в области девиантологии;
- знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области девиантологии, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем девиантологии междисциплинарного характера, касающихся психологии, педагогики, права, социологии, медицины;
- поддерживать молодое поколение ученых.

Журнал принимает к опубликованию материалы по следующим научным специальностям:

- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования
- 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология
- 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Метаданные статьи публикуются на русском и английском языках. Редакция журнала ориентируется на географическое разнообразие авторского состава журнала и приглашает к опубликованию новых оригинальных исследований в области девиантологии как российских, так и иностранных авторов. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить читательскую аудиторию и усилить влияние исследований в мировом научном сообществе.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Требования к статьям. Критериями отбора статей являются соответствие профилю журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях. Направляя статью в редакцию, автор соглашается на редакторскую правку материала. Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы «Антиплагиат». Плата за публикацию статей отсутствует. Поступившие в редакцию статьи регистрируются. Датой регистрации считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее регистрации считается день получения окончательного текста. Поступившие в редакцию статьи рецензируются. Редакция оставляет за собой право на литературное редактирование статьи.

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов «Российского девиантологического журнала» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Л. М. Букина, Г. В. Лукьянова, А. Н. Великих.

Дизайн и верстка – С. Н. Горбунова.

ISSN 2713-0622 (online)

Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет МВД России.

Журнал издается с января 2021 года.

Финансирование издания журнала осуществляется за счет средств учредителя журнала – Санкт-Петербургского университета МВД России.

Периодичность – 4 номера в год.

Сайт: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Адрес учредителя и издателя: 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Тел. +7 (812) 730-26-96

Russian Journal of Deviant Behavior
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 3 N° 3 2023

“**Russian Journal of Deviant Behavior**” is an international online peer-reviewed publication in the field of interdisciplinary research in deviancy. The journal publications combine the insights of psychology, pedagogy, law (criminology, criminal law, penal law), medicine and sociology.

The journal “Russian Journal of Deviant Behavior” publishes the results of original basic and applied researches in the field of deviancy.

The journal aims:

- to bring together scientists and practitioners researching into relevant issues of deviant behavior;
- the journal makes every effort to disseminate research findings as well as to integrate scientific research in the field of deviant behavior
- the journal's priority is to support young scholars.

The journal accepts materials for publication in the following scientific specialties:

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of vocational education
- 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology
- 5.3.9. Legal Psychology and Security Psychology
- 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Language and geography of the journal. The main language of the journal is Russian. Metadata articles are published both in Russian and English. The editorial board of the journal focuses on the geographical diversity of the authors and invites both Russian and foreign authors to publish new original research in the field of deviancy. Articles of foreign authors are published in English, which makes it possible to expand the readership and strengthen the influence of research in the world scientific community.

The journal is open access. All articles are freely available to readers immediately after publication. Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in Ulrich's Periodicals Directory.

Editorial and publishing policies. The main criteria for the manuscript selection is compliance with the profile of the journal, relevance and validity of the results. Submission of a manuscript implies that the work described has not been published before; that it is not under consideration for publication anywhere else. The journal does not tolerate plagiarism in any form to prevent publication malpractice. There are no fees payable to submit or publish in this journal. If you have been invited to revise and resubmit your paper, you should follow instructions provided by the editor in their decision email. All manuscripts undergo review. The editors reserve the right to stylistic editing. Manuscripts not accepted for the publication will not be returned.

Reference to the scientific-theoretical journal “Russian Journal of Deviant Behavior” is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors – G. N. Golyadkin, L. M. Bukina, G. V. Lukyanova, A. N. Velikh.
Design and layout – S. N. Gorbunova

ISSN 2713-0622 (online)

Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
The journal has been published since January, 2021.

The publication of the journal is financed at the expense of the founder of the journal - Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Frequency - 4 issues per year.

Website: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Postal address: 1 Letchika Pilyutova Street, St.Petersburg, Russian Federation, 198206

Phone +7 (812) 730-26-96

Главный редактор

Реан А. А., доктор педагогических наук, профессор, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель научно-координационного совета РАО по вопросам семьи и детства, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, заведующий кафедрой психологии воспитания и профилактики девиантного поведения МПГУ (Россия, Москва)

Редакционная коллегия

Бавсун М. В. – председатель редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе (Россия, Санкт-Петербург)

Каверина Л. В. – ответственный секретарь редакционной коллегии, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Базаров Т. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Баранов А. А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета (Россия, Ижевск)

Гайдамашко И. В. – доктор психологических наук, доцент, Российская академия образования (РАО) (Россия, Москва)

Гаррисон Е. – доктор, профессор (США, Вашингтон)

Гейжан Н. Ф. – доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гилинский Я. И. – доктор юридических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург)

Гогиберидзе Г. М. – доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (Россия, Москва)

Горелов А. А. – доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гундур Р. – доктор криминологии, Университет Флиндерс (Центр политики и исследований в области преступности) (Австралия, Аделаида)

Дозорцева Е. Г. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии МГППУ, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста ГНЦССП имени В. П. Сербского (Россия, Москва)

Злоказов К. В. – кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Змановская Е. В. – доктор психологических наук, профессор, Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р. – доктор педагогических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Караяни А. Г. – доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Кириллова Т. В. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России (Россия, Москва)

Клейменов М. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

Лясковска К. – доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет (Польша, Белосток)

Костромина С. Н. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Пудовочкин Ю. Е. – доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (Россия, Москва)

Рыбников В. Ю. – доктор медицинских наук, доктор психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины имени А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Ситников В. Л. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Стрельникова Ю. Ю. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Тесленко А. Н. – доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор, директор Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Центр ювенологических исследований) (Казахстан, Кокшетау)

Федотов С. Н. – доктор психологических наук, профессор, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, Москва)

Хусаинова С. В. – доктор психологических наук, Институт педагогики, психологии и социальных проблем (заместитель директора по науке, ведущий научный сотрудник) (Россия, Казань)

Шестаков Д. А. – доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ, профессор, председатель Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург)

Яворчикова Я. – PhD, университет Матвея Бела (Словакия, Банска-Бистрица)

Editor-in-chief

A. A. Rean, Doctor of Pedagogy, Professor, Chairman of the Scientific Coordination Council of the Russian Academy of Education (RAO) on Family and Childhood Issues, Dr.Sci. (Pedagogy), Member of Russian Academy of Education, Head of Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research Moscow Pedagogical State University. Head of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior of MPGU, (Russia, Moscow)

Editorial Board

Bavsun M. V. – Chairman of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Science and Research of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Kaverina L. V. – Executive Secretary of the Editorial Board, PhD in Philology, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Bazarov T. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University (Department of Social Psychology, professor) (Russia, Moscow)

Baranov A. A. – Doctor of Psychology, Professor, Udmurt State University (director Department of Developmental Psychology and Differential Psychology,) (Russia, Izhevsk)

Gaidamashko I. V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Russian Academy of Education (RAO) (Russia, Moscow)

Garrison E. – Doctor of Education, Professor, (USA, Washington)

Geyzhan N. F. – Doctor of Pedagogy, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gilinskiy Ya. I. – Doctor of Law, Professor, Herzen University (Russia, St. Petersburg)

Gogiberidze G. M. – Doctor of Pedagogy, Professor, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow)

Gorelov A. A. – Doctor of Pedagogy, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gundur R. – Doctor of Criminology, Flinders University (the Center for Crime Policy and Research) (Australia, Adelaide)

Dozortseva E. G. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Child and Adolescent Psychology of the Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry (Russia, Moscow)

Zlokazov K. V. – PhD in Psychology, Associate Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Zmanovskaya E. V. – Doctor of Psychology, Professor, Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Illakavichus M. R. – Doctor of Pedagogy, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Karayani A. G. – Doctor of Psychology, Professor, (Russia, St. Petersburg)

Kirillova T. V. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)

Kleimenov M. P. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)

Kostromina S. N. – Doctor of Psychology, Professor, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

Lyaskovska K. – Doctor of Law, Professor, University of Bialystok (Poland, Bialystok)

Pudovochkin Yu. E. – Doctor of Law, Professor, Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow)

Rybnikov V. Yu. – Doctor of Medical Sciences, Doctor of Psychology, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy Head of Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Sitnikov V. L. – Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Strelnikova Yu. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Fedotov S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

Teslenko A. N. – Doctor of Pedagogy, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Center for Juvenile Research) (Kazakhstan, Kokshetau)

Khusainova S. V. – Doctor of Psychology, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Deputy Director for Science, Leading Researcher) (Russia, Kazan)

Shestakov D. A. – Doctor of Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Chairman of St. Petersburg International Criminological Club (Russia, St. Petersburg)

Javorchikova J. – PhD, Matej Bel University (Slovakia, Banska Bystrica)

Содержание

Слово главного редактора

Реан А. А.	268

Антропология девиантного поведения

Калашникова Т. В., Калашникова М. М. Дореволюционный опыт воспитательной работы с несовершеннолетними женского пола с девиантным и делинквентным поведением в России.....	270

Психологические исследования девиантного поведения

Усачева И. В., Паршутин И. А. Ценностные ориентации курсантов МВД России как регулятор личностной агрессивности.....	281
Чимаров С. Ю. Зарубежный опыт исследования предметного поля психологии гемблинг-аддикции личности современного цифрового мира.....	290
Фам Вьет Кхоа. Особенности профессиональной идентичности вьетнамских работников поколения Z, окончивших высшие учебные заведения.....	304

Психологическая коррекция девиантного поведения

Плоткина Л. Н., Бураков В. Н. Девиантное поведение и его профилактика путем формирования нравственной основы жизнедеятельности.....	313

Правовое противодействие девиантному поведению

Тамбовцев А. И. Девиации как гипотетическая основа негласно-конспиративного сегмента оперативно-розыскной деятельности (на примере легендированных объектов).....	324

Криминологические исследования девиантного поведения

Стебенева Е. В. Феномен коррупции в социальной матрице современного общества.....	335
У Цзели, Мяо Ин. Вмешательство и реагирование на интернет-зависимость несовершеннолетних с позиции общественной полиции.....	351

Сообщения о научных событиях

Каверина Л. В., Жаворонкова А. А. «Российская девиантологическая панорама: теория и практика» (Обзор второй международной научно-практической конференции).....	358

Обзоры, рецензии

Буткевич С. А. Девиантология: перспективные направления научных исследований крымских ученых.....	366

Contents

Editor-in-Chief's word

Rean A. A.	268

Anthropology of deviant behavior

Kalashnikova T. V., Kalashnikova M. M. Pre-revolutionary experience of educational work with girls' delinquency in Russia.....	270

Psychological research of deviant behavior

Usacheva I. V., Parshutin I. A. Value orientations of cadets of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a regulator of personal aggression.....	281

Chimarov S. Yu. Foreign experience of studying the subject field of psychology of gambling addiction of personality of the modern digital world.....	290

Pham Viet Khoa. Peculiarities of professional identity of Vietnamese employees of generation Z who graduated from higher education institutions.....	304

Psychological correction of deviant behavior

Plotkina L. N., Burlakov V. N. Deviant behavior and its prevention through the formation of a moral basis for life activity.....	313

Legal counteraction to deviant behavior

Tambovtsev A. I. Deviations as a hypothetical basis of the secret-conspirational segment of operative-investigation activity (on the example of legendary / undercover objects).....	324

Criminological research of deviant behavior

Stebeneva E. V. The phenomenon of corruption in the social matrix of modern society.....	335

Wu Jieli, Miao Ying. Intervention and Responding to Internet Addiction of Minors Under the Perspective of Community Policing.....	351

Reports on scientific events

Kaverina L. V., Zhavoronkova A. A. «Russian Deviantological Panorama: Theory and Practice» (Review of the Second International Scientific and Practical Conference).....	358

Reviews

Butkevich S. A. Emerging trends in deviantology in the Crimea.....	366

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-3-268-269

Уважаемые читатели!

Представляю вашему вниманию очередной номер «Российского девиантологического журнала».

В раздел «Антропология девиантного поведения» редакционная коллегия включила статью, посвященную изучению дореволюционного опыта воспитательной работы с несовершеннолетними женского пола с девиантным и делинквентным поведением в России. В ходе исследования авторы приходят к выводу, что несмотря на незначительное количество воспитательно-исправительных учреждений, в России был богатый опыт воспитательной работы с несовершеннолетними женского пола с девиантным и делинквентным поведением, который основывался как на передовых теоретико-практических идеях организации перевоспитания несовершеннолетних преступников за рубежом, так и на отечественных психолого-педагогических инновациях.

Раздел «Психологические исследования девиантного поведения» открывает статья «Ценностные ориентации курсантов МВД России как регулятор личностной агрессивности», в которой представлены результаты исследования взаимосвязи ценностных ориентаций и уровня агрессивности курсантов МВД России. Авторами определена иерархическая структура ценностей, которая предупреждает проявления агрессивности в курсантской среде и выявлена специфическая система межличностных отношений курсантов с высоким уровнем личностной агрессивности. Обнаруженная взаимосвязь ценностных ориентаций курсантов с показателями межличностных отношений в служебном коллективе позволяет скорректировать процесс овладения профессией и минимизировать риски возникновения девиантного поведения в профессиональной деятельности.

Соотношению азартных игр и соответствующей им игровой зависимости индивидуума, предопределяющей психофизиологическое состояние его организма и возводящей его в разряд проблемного игрока, посвящена следующая статья раздела. На основе анализа зарубежной литературы по проблеме гемблинг-аддикции в условиях нарастающей тенденции к дигитализации общества и индивидуального сознания отдельных людей автор акцентирует внимание на некоторых положениях вводимых им в научный оборот источников, представляющих интерес как в теоретическом плане, так и с позиций их практической востребованности, с учетом уточнения арсенала психодиагностического инструментария, имеющего рекомендательное значение для различных категорий практикующих специалистов. По мнению автора, нашедшие отражение в статье психологические рецепты авторитетных представителей зарубежной науки позволят отечественным специалистам внести необходимые коррективы в части организации своей деятельности по нейтрализации негативных последствий от проблемного участия гемблеров как в офлайн-, так и в онлайн-азартных играх.

Исследователь из Вьетнама сосредоточил внимание на изучении особенностей профессиональной идентичности вьетнамских работников поколения Z, окончивших высшие учебные заведения. Автором описаны и проанализированы результаты эмпирического исследования по используемым методикам, обсуждена тенденция смены работы и выявлены её причины (желание испытать себя, уделять приоритетное внимание собственному развитию, желание в самоутверждении перед обществом, работать в условиях активного рынка труда, найти баланс между работой и личной жизнью). Обнаружены связи между статусами профессиональной идентичности и смысловыми ориентациями поколения Z.

Статья, посвященная изучению проблемы девиантного поведения молодежи в условиях активной модернизации и трансформации современного российского социума, предлагается вниманию читателей в разделе «Психологическая коррекция девиантного поведения». Авторы статьи актуализируют проблемы профилактики девиантного поведения среди подростков и молодежи, обозначают причины возникновения и формы проявления девиантного поведения в среде современных молодых людей.

Интересный взгляд на девиации как гипотетическую основу негласно-конспиративного сегмента оперативно-розыскной деятельности (на примере легендированных объектов) представлен автором статьи в рубрике «Правовое противодействие девиантному поведению». Исследователь указывает, что современная оперативно-розыскная деятельность имеет в своем правовозащитном арсенале разнообразный функционально-правовой

инструментарий, негласно-конспиративная часть которого во многом сходна с древнейшими социально-психологическими девиациями общества в целом и отдельных индивидов – обманом и мимикрией, но направлена на достижение социально-гуманистических целей общества. На основе сравнительного и содержательного анализа некоторых выдержек из классического произведения «Золотой теленок» и сопоставления их с положениями современного российского оперативно-розыскного законодательства, научными воззрениями на проблематику ОРД и складывающейся оперативно-розыскной практикой автор выделяет основные особенности такого средства оперативно-розыскной деятельности, как «легендированный объект», и рассуждает о его генезисе, предназначении, современном состоянии и перспективах использования в решении задач оперативно-розыскной деятельности.

Автор следующего исследования предпринята попытка осмысления феномена коррупции через совокупность различных научных подходов и ее место в социальной системе современного общества (социальной матрице). Представленный в статье дискурс мнений ученых на коррупцию как феномен и неизбежную составляющую всех социальных институтов, обоснованная авторская позиция определения сущности коррупции как социокультурного феномена вносят вклад в фундаментальное знание о рассматриваемом явлении и его роли в развитии, трансформации общественных отношений и иных явлений.

Авторский коллектив из Китайской Народной республики исследовал особенности вмешательства и реагирования на интернет-зависимость несовершеннолетних с позиции общественной полиции. Так, авторы утверждают, что с ростом популярности использования Интернета среди несовершеннолетних в Китае все больше и больше несовершеннолетних пользуются им чрезмерно и даже становятся зависимыми от него. Общественная полиция, как важная сила совместного управления сообществом, играет незаменимую роль во вмешательстве и реагировании на поведение несовершеннолетних, связанное с интернет-зависимостью. В практике работы полиции с населением установлено, что предотвращение и подавление интернет-зависимости несовершеннолетних также требует обмена информацией, координации и совместного управления множеством социальных субъектов.

Раздел «Сообщения о научных событиях» включает обзор второй международной научно-практической конференции «Российская девиантологическая панорама: теория и практика», прошедшей под эгидой «Российского девиантологического журнала» в сентябре 2023 года. В форуме приняли участие более 100 человек из 49 организаций России и зарубежья. Результатом работы конференции стало обсуждение академических и прикладных проблем девиантного поведения, обобщение и распространение передовых методологий, методик и опыта исследователей девиаций, развитие и укрепление взаимодействия ученых и практиков.

Рубрика «Обзоры, рецензии» знакомит читателей с перспективными девиантологическими направлениями научных исследований ученых Крымского филиала Краснодарского университета МВД России.

**Главный редактор – доктор педагогических наук, профессор,
Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Председатель научно-координационного совета РАО по вопросам семьи
и детства, Директор Центра социализации, семьи и профилактики
асоциального поведения Московского педагогического государственного
университета, заведующий кафедрой психологии воспитания
и профилактики девиантного поведения МПГУ
А. А. Реан**

УДК 37.013.46

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-3-270-280

Дореволюционный опыт воспитательной работы с несовершеннолетними женского пола с девиантным и делинквентным поведением в России

Татьяна Витальевна Калашникова

Академия ФСИН России
(Рязань, Россия)
tana-ka58@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0131-5824

Мария Михайловна Калашникова

Академия ФСИН России
(Рязань, Россия)
maria-ka@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5550-5290

Аннотация

Введение. Категория несовершеннолетних осужденных женского пола малочисленна, однако, по мнению специалистов и практических работников, она является одной из сложных при организации воспитательной работы. Внимание на это было обращено еще в дореволюционный период при организации первых специализированных учреждений для данной категории лиц. Несмотря на незначительное количество воспитательно-исправительных учреждений, в России был богатый опыт воспитательной работы с несовершеннолетними женского пола с девиантным и делинквентным поведением, который основывался как на передовых теоретико-практических идеях организации перевоспитания несовершеннолетних преступников за рубежом, так и на отечественных психолого-педагогических инновациях.

Цель статьи является раскрытие на основе архивных материалов, исследований историков дореволюционного опыта организации воспитательной работы в первых специализированных учреждениях для нищенствующих, бродяжничающих, а также совершивших преступления несовершеннолетних женского пола.

Методология, методы и методики. В исследовании применялись общенаучные методы исследования, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных, в частности, анализ литературных источников, непосредственно связанных с предметом исследования, изучение архивных материалов. Методология исследования опирается на характеристики девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних.

Результаты. Первый приют был открыт в 1873 г., всего их в России было четыре и только Болшевский (Яковлевский) приют был в полной мере специализированным. В работе с воспитанницами были эффективно объединены два зарубежных типа перевоспитания несовершеннолетних преступников: семейный подход к организации жизни воспитанников и деление воспитанников на классы, разряды по успехам в обучении и поведении. В России главной целью воспитательного воздействия в приютах было духовно-нравственное воспитание подопечных, которое реализовывалось через школьное обучение, трудовое, религиозное направления. Эффективность воспитательной работы основывалась на использовании классификации воспитанниц на группы

по разным критериям (возрасту, особенностям поведения, характера, успехам в учебе и труде) и мотивации исправления воспитанниц (денежные вознаграждения, переход из низших групп в высшие с улучшенными условиями жизни в приюте, досрочное освобождение из приюта). Обязательное обучение ремеслам было направлено на возможность последующего трудоустройства воспитанниц после выхода из приюта. Была разработана и реализована идея патроната, опирающаяся как на знания индивидуально-психологических особенностей воспитанниц, так и степени исправления к моменту выхода из приюта.

Научная новизна. Полученные данные расширяют представление об опыте воспитательной работы с несовершеннолетними женского пола с девиантным и делинквентным поведением в дореволюционный период России.

Практическая значимость. Полученные в ходе исследования результаты представляется возможным использовать в процессе обучения курсантов образовательных организаций высшего образования МВД и ФСИН России.

Ключевые слова

несовершеннолетние женского пола, воспитательно-исправительные приюты, патронат, обучение, духовно-нравственное воспитание, семейная система

Для цитирования: Калашникова, Т. В., Калашникова, М. М. (2023). Дореволюционный опыт воспитательной работы с несовершеннолетними женского пола с девиантным и делинквентным поведением в России. *Российский девиантологический журнал*, 3 (3), 270–280. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-270-280.

Original paper

Tatiana V. Kalashnikova

Academy of the Federal
Penitentiary Service of Russia
(Ryazan, Russia)
tana-ka58@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0131-5824

Maria M. Kalashnikova

Academy of the Federal
Penitentiary Service of Russia
(Ryazan, Russia)
maria-ka@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5550-5290

Pre-revolutionary experience of educational work with girls' delinquency in Russia

Abstract

Introduction. The category of convicted girls is not numerous. According to specialists and practitioners, it is one of the most difficult groups in terms of educational training. This fact was underlined in the pre-revolutionary period when organizing the first specialized institutions for this category of people. Even despite the insignificant number of educational and correctional institutions, Russia had a fairly rich experience of educational work with delinquent girls, which was based both on advanced theoretical and practical ideas of organizing the re-education of juvenile offenders abroad and national psychological and pedagogical innovations.

The purpose of the article is to reveal pre-revolutionary experience (based on of archival materials) of organizing educational work in the first specialized institutions for beggars, vagrants, as well as young female convicts.

Methodology, methods and techniques. General scientific research methods aimed at collecting, analyzing, systematizing and generalizing data, in particular, the analysis of literary sources directly related to the subject of the study, the study of archival materials were used. The research methodology is based on the characteristics of deviant and delinquent behavior of minors.

Results. The first orphanage was opened in 1873. There were four of them in Russia, and only the Bolshevsky (Yakovlevsky) orphanage was fully specialized. Two foreign types of re-education of juvenile delinquents were effectively combined in the work with female inmates: the family approach to the organization of the life of inmates and the splitting of inmates into classes and grades according to their achievements in education and in terms of their behavior. In Russia, the key goal of educational work in orphanages was spiritual and moral upbringing of children, which was implemented through school education, labour and religion.

The effectiveness of educational work was based on classification of female trainees into groups according to different criteria (age, behavioral and character features, progress in studies and work) and motivation to reform the orphanages (monetary rewards, passing from lower to higher groups with better living conditions in the centre, early release from the orphanage). The compulsory vocational training was aimed at helping the girls to find employment after leaving the orphanage. The idea of patronage was developed and implemented, based both on the knowledge of the girls' individual and psychological characteristics and the degree of rehabilitation by the moment of their leaving the orphanage.

Scientific novelty. The findings broaden the understanding of educational work with deviant girls in the pre-revolutionary period of Russia.

Practical significance. The results can be used in the course of training of cadets of educational institutions of higher education of the Ministry of Internal Affairs and the Federal Penitentiary Service of Russia.

Keywords

female minors, educational and correctional orphanages, patronage, education, spiritual and moral education, family system

For citation: Kalashnikova, T. V., Kalashnikova, M. M. (2023). Pre-revolutionary experience of educational work with girls' delinquency in Russia. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (3), 270–280. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-270-280.

Введение

Историографическое изучение вопроса воспитательной работы с несовершеннолетними женского пола с девиантным и делинквентным поведением в России, возможностей их исправления и ресоциализации, особенно в случаях совершения ими преступлений, позволило наблюдать отсутствие должного к ним внимания в России, начиная с дореволюционного периода до современного этапа. Это объясняется относительно низким удельным весом преступности несовершеннолетних женского пола как в преступности несовершеннолетних, так и в общей преступности.

В дореволюционный период известный в России юрист, специалист по уголовному праву и уголовной политике С. К. Гогель в целях анализа причин детской преступности в Санкт-Петербурге изучил попечительские книги пяти попечителей (Е. И. Чичагова, В. В. Клименталь, В. П. Семенов, А. П. Удрис, Н. О. Цикив) детского суда за 1910 г., работу которого возглавлял мировой судья Н. А. Окунев. Выяснилось, что «из общего числа обвиняемых 1155 – девочек всего 117, или 11 проц.; таким образом женская преступность в детском возрасте еще меньше, чем во взрослом...» (Гогель, 1911).

Статистические данные по количеству осужденных в России показывают, что с 1917 г. по 1935 г. упоминаний о несовершеннолетних осужденных нет, с 1952 г. количество несовершеннолетних осужденных дается недифференцированно, без учета несовершеннолетних осужденных женского пола (Лунеев, 2005). В прошедшей переписи 2009 г. переписные листы были заполнены на каждого несовершеннолетнего, отбывающего наказание или содержащегося в СИЗО или ПФРСИ, поэтому стало возможным установить, что несовершеннолетние осужденные женского пола составляют 8 % от числа всех несовершеннолетних осужденных (Селиверстов, 2018).

По статистическим данным ФСИН России на начало 2023 г., женщины составляют всего 7,2 % от численности осужденных. Воспитательных колоний для несовершеннолетних женского пола две (Новооскольская и Томская-2) из общего количества – 13. Однако, несмотря на то что исторически данная категория осужденных малочисленна, по мнению специалистов и практических работников, она является одной из сложных при организации воспитательной работы. Внимание на это было обращено еще в дореволюционный период при организации первых специализированных учреждений для данной категории лиц.

До 1873 г. несовершеннолетних женского пола, совершивших преступление, направляли в тюрьмы для взрослых преступниц, в монастыри или передавали на попечительство в земские управы. О направлении несовершеннолетних преступников в монастыри официально объявлено в Указе Сената от 23 августа 1742 г. В Уложении 1845 г. для несовершеннолетних преступников обозначено несколько типов наказаний, в том числе помещение их в монастырь или в смиренный дом на срок от 5 до 8 лет. Однако, например, попытки превращения северных женских монастырей Архангельской и Вологодской епархий в колонии для несовершеннолетних преступниц встречали противодействие со стороны их игумений. Так, монахиня Евфимия (Пащенко, игумения Свято-Троицкого Шенкурского женского монастыря Рафаила) свой отказ принять несовершеннолетнюю Марию Завьялову объясняла тем, что в монастыре нет свободной кельи, куда можно было бы ее поместить, охраны, которая смогла бы предотвратить ее побег, а нахождение в монастыре юной воровки-рецидивистки нарушит «благополучие монастыря» (Монахиня Евфимия (Пащенко), 2007).

До Судебной реформы 1864 г. в России «без всякого вызова со стороны Правительства, даже без особого на то разрешения в законе» (Шимановский, 1884) были открыты частные воспитательные заведения для нравственно испорченных детей, в основном мужского пола. По данным М. В. Шимановского, это воспитательные заведения в Нарве с 1848 г., в Ревеле с 1850 г., приют при Симоновском монастыре в Москве с 1863 г., исправительная школа для малолетних арестантов при Московском обществе распространения полезных книг с 1864 г., а также специализированный приют для «нравственно испорченных» девочек в Санкт-Петербурге с 1864 г.

”

Воспитательное воздействие реализовывалось через физическое, религиозно-нравственное, умственное и трудовое направление перевоспитания

“

В Уложении 1866 года в отношении несовершеннолетних преступников закреплено их направление в исправительные приюты. Количество воспитательно-исправительных приютов с 12 увеличилось к 1903 г. до 48, а к 1917 г. их было более 90. Однако для несовершеннолетних женского пола их было только четыре. Знакомство с их деятельностью позволит понять особенности воспитательной работы с данной категорией несовершеннолетних с девиантным и делинквентным поведением.

Методология, методы и методики

В работе применялись общенаучные методы исследования, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных, в частности, анализ литературных источников, непосредственно связанных с предметом исследования, изучение архивных материалов. Методология исследования опирается на характеристики девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних.

Результаты

В 1873 г. в Саратовском (Галкинском) приюте имени М. Н. Галкина-Враского было открыто отделение для девочек на десять человек, изолированное от мальчиков. Однако этот приют сложно назвать специализированным для несовершеннолетних женского пола, так как ежегодно их количество уменьшалось и к 1887 г. составило всего три воспитанницы. Так, в течение года – с 14 марта 1886 г. по март 1887 г. – в приют не поступило ни одной воспитанницы (Лаврентьев, 2010; Лаврентьев, Косырев, 2020). Это стало причиной упразднения должности воспитательницы женского отделения. За воспитанницами осуществляла надзор кастелянша, а учебно-воспитательную работу проводил священник приюта. Об особенностях учебно-воспитательной работы в Галкинском приюте можно судить по данным отчета о работе приюта за 1891 г. (Отчет по Саратовскому «Галкинскому» учебно-исправительному приюту за 1891 год, 1892).

Воспитанники приюта делились на семьи трех типов: первая – лучшая, вторая – средняя и третья – худшая. Каждая семья была под наблюдением и воспитанием воспитателя, а в помощь ему был представлен дядька из отставных унтер-офицеров или фельдфебелей. В лучшей семье у воспитанников было много привилегий, опосредованных отсутствием надзора: можно было летом ловить рыбу, зимой – кататься на коньках, воспользоваться правом сокращения срока пребывания в приюте. В семье среднего типа вся деятельность воспитанников была под надзором воспитателя и дядьки, не было права на сокращение срока пребывания в приюте. В семье худшего типа воспитанники постоянно находились под надзором персонала приюта. Вновь прибывшие в приют помещались в среднюю семью. По результатам наблюдения за поведением воспитанника, изучения характера его определяли или в семью первого, или третьего типа.

В 1891 г. из приюта было выпущено 40 воспитанников и только три девочки: две из семьи первого типа и одна из семьи третьего типа. Краткая характеристика воспитанницы Шалаевой, представленная в отчете, позволяет понять критерии ее определения в семью третьего типа. Воспитанница попала в приют по приговору мирового судьи за кражу. До приюта вела свободную жизнь, работала швеей в модном магазине, «привыкла гулять по бульварам и садам». Режим дня приюта ее тяготил, воспитатели отмечали «непристойные манеры поведения и речи». Поэтому когда мать девочки привезла справку о том, что ей уже 19 лет и мировой судья принял решения отправить ее к матери, то все воспитатели были рады, так как переживали за неблагоприятное влияние этой воспитанницы на девочек «женской семьи».

Воспитанниц в приюте обучали грамоте, девочки умели писать и читать, знали общеупотребительные

молитвы. Трудовое воспитание было направлено на обучение «шитью белья на машинках и руках и вязанию чулок», починку белья. Летом воспитанницы занимались сельскохозяйственным трудом.

В 1874 г. был открыт специализированный *воспитательно-исправительный приют для девочек – Большевский*. В целях достижения эффективности деятельности приюта учредители ознакомились с особенностями организации воспитательной работы подобных заведений для несовершеннолетних мужского пола, в частности, исправительного Рукавишниковского приюта, Саратовского (Галкинского) приюта.

Одним из попечителей приюта был Сергей Павлович Яковлев (1839–1906) – государственный и общественный деятель, книгоиздатель, литератор, журналист, благотворитель (Калашникова, Т. В., Калашникова, М. М., 2022). Он посвятил часть своей жизни делу исправления, воспитания и образования несовершеннолетних женского пола с девиантным и делинквентным поведением, поэтому в 1900 г. Большевский приют был назван Яковлевским.

С. П. Яковлев подготовил и опубликовал в Москве в своей типографии «Печатня С. П. Яковлева» в 1874 г. устав Большевского воспитательно-исправительного приюта, который стал основой для подготовки в последующем уставов воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних преступниц. Возраст принимавшихся в приют девочек был от 4 до 14 лет, находиться в приюте они могли до 16 лет, в особых случаях – до 18 лет. В уставе обозначено, что в приюте используется семейная система воспитания. Все девочки должны делиться на семьи по возрасту, семья в 20 детей должна проживать в отдельном спальном помещении, принимать пищу в отдельной столовой, работать в отдельной мастерской. Надзор за каждой семьей ведет особая надзирательница. Все семьи собираются вместе при богослужениях и играх (Большевский ремесленно-исправительный приют для нищенствующих девочек (Моск. уезд), 1884). Кроме устава С. П. Яковлевым была разработана инструкция смотрительницы приюта, в которой указывалось на наличие в приюте строгих правил поведения и режима (от подъема до отбоя) (Большевский ремесленно-исправительный приют для нищенствующих девочек (Моск. уезд), 1884).

Цель нравственного исправления воспитанниц приюта реализовывалась через трудовое воспитание (земледелие и огородничество, животноводство, ремесленничество, самообслуживание), учебный процесс (обучение письму, чтению, арифметике, Закону Божьему). В приюте были введены также занятия по пению с организацией в последующем хора. При организации учебы активно использовался метод взаимного обучения (Большевский ремесленно-исправительный приют для нищенствующих девочек (Моск. уезд), 1884).

Обозначенные в уставе приюта принцип семейного воспитания и метод взаимного обучения позволяют предположить, что С. П. Яковлев был знаком с передовым опытом воспитательной работы с несовершеннолетними в России. Это, во-первых, опыт земледельческой колонии под руководством Я. И. Герда, в которой он, как специалист по организации Ланкастерских школ взаимного обучения, внедрил в 1819 г. метод взаимного обучения в школе г. Гомеля для мальчиков-сирот (Кара, 2015). Во-вторых, опыт Петербургской земледельческой воспитательной колонии для малолетних правонарушителей мужского пола, созданной в 1871 г. под руководством А. Я. Герда, в которой использовался семейный тип организации жизни воспитанников.

”

Рамки воспитательной работы были расширены с разработкой и реализацией идеи патроната, основывающейся на том, что девочкам намного сложнее, чем мальчикам, в силу половых и психологических особенностей, начать самостоятельную жизнь после выхода из приюта. При этом обращалось внимание на знания индивидуально-психологических особенностей воспитанниц, степени исправления к моменту выхода из приюта

“

С. П. Яковлев систематически публиковал отчеты о деятельности приюта, об опыте работы с несовершеннолетними женского пола с девиантным и делинквентным поведением. В 1895 г. на страницах журнала «Тюремный вестник» он поднимал вопрос о незначительном количестве воспитательно-исправительных приютов для девочек, доказывая необходимость содержать в приютах как преступниц, так и беспризорных, нищенствующих девочек. При этом С. П. Яковлев подчеркивал, что приюты, во избежание отрицательного влияния несовершеннолетних преступниц на иных девочек, должны выполнять воспитательную функцию, а не карательную (Яковлев, 1895). С. П. Яковлев отстаивал передовые идеи работы с несовершеннолетними преступницами в ходе работы как отечественных съездов представителей воспитательно-исправительных заведений в России, так и Международных тюремных конгрессов. На первой Международной гигиенической выставке 1876 г. в Брюсселе С. П. Яковлев представлял

опыт организации Болшевского приюта. Эксперты, рассмотрев представленные материалы (план здания приюта, устав, отчет о деятельности приюта), присудили «бронзовую медаль за устройство и содержание приюта» (Болшевский ремесленно-исправительный приют для нищенствующих девочек (Моск. уезд), 1884).

Все это способствовало влиянию опыта работы с несовершеннолетними девочками в Болшевском приюте на организацию подобных воспитательно-исправительных учреждений в России.

В ноябре 1890 г. был открыт приют для девочек Варшавским обществом земледельческих колоний и ремесленных приютов в усадьбе Пуца под Варшавой, а в декабре 1891 г. в приют была принята первая воспитанница (Захаров, 1898). К 1898 г. в приюте находилось 16 воспитанниц в возрасте от 11 до 16 лет. Из-за недостатка помещений в приют принимались только девочки, совершившие преступления. На сложность воспитательной работы с ними указывают данные о количестве и видах взысканий. Так, за 1894 г. на воспитанниц было наложено 97 взысканий, а в 1896 г. – 95 взысканий, среди которых выговоры, лишение права переписки и свидания с родными, лишение права возделывать свой садик, ограничение денежных наград, заключение в карцер, в том числе в темный карцер, и др. (Отчет о деятельности общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1894 год, 1895). Возникшие сложности в воспитательной работе, связанные с отрицательно направленным поведением воспитанниц, побудили руководство приюта через Комитет Варшавского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов обратиться в Министерство внутренних дел с просьбой о дополнении параграфа 19 устава приюта для девочек следующим содержанием: «введение в число наказаний для воспитанниц содержания на хлеб и воду на срок не свыше 3 дней и наказания розгами в количестве до 20 ударов» (Устав исправительно-воспитательного приюта для девочек, при С.-Петербургском дамском благотворительно-тюремном комитете, 1894, с. 468). Предложение о телесных наказаниях не было принято как противоречащее законодательству России, в котором были упразднены телесные наказания для осужденных женщин.

Персонал приюта состоял из смотрительницы, надзирательницы и воспитательницы. Воспитанницы обучались рукоделию (починка белья, вязание), ведению хозяйства (приготовление пищи, стирка белья, поддержание порядка в помещениях), кулинарии (приготовление пищи, выпекание хлеба), сельскохозяйственным работам (уход за домашним скотом и птицей, садоводство). За хорошее поведение и добросовестный труд воспитанницы поощрялись денежными премиями (Отчет о деятельности Варшавского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за

1896 год, 1898). В работе с девочками по их исправлению использовалась Студзенецкая воспитательная система, разработанная для мальчиков (Захаров, 1898). Все воспитанницы делились на семейства или отделения, за каждым закреплялся воспитатель. Обязательным было обучение в школе, которое рассматривалось как средство исправления. В число изучаемых предметов включались Закон Божий, русский и польский язык, арифметика и особые предметные беседы, в ходе которых обсуждались вопросы по истории, географии, естествознанию. По поведению все воспитанницы делились на четыре класса. Вновь прибывшие зачислялись в первый класс. За свой труд воспитанницы получали денежное вознаграждение, величина которого соответствовала номеру класса: от одной копейки до четырех. Деньги зачислялись на специальные книжки и воспитанницы могли ими пользоваться в зависимости от своего класса по поведению. Чем выше класс, тем большим количеством средств могли распоряжаться воспитанницы. В приюте возможны были кратковременные отпуска воспитанниц для посещения родителей (Захаров, 1898). Главной целью приюта для девочек была подготовка «хороших сельских хозяек и служанок», что предоставляло им возможность трудоустройства в будущей жизни.

В феврале 1895 г. в Санкт-Петербурге был открыт исправительно-воспитательный приют для несовершеннолетних преступниц имени императора Александра III в целях их перевоспитания, обучения по курсу начальных училищ с изучением основ домашнего хозяйства и ремесел. В уставе приюта цель обозначена как содействие исправлению нравственности и улучшению участи несовершеннолетних женского пола, впавших в преступления (Устав исправительно-воспитательного приюта для девочек, при С.-Петербургском дамском благотворительно-тюремном комитете, 1894).

Предполагалось содержать в приюте 15 девочек в возрасте от 13 до 15 лет. В 1897 г. возможности приюта были увеличены до 30 человек, а к 1912 г. – до 125 человек. Так, в 1897 г. в приюте было 20 воспитанниц, направленных по приговору суда (Сведения о деятельности, состоящего под высочайшим покровительством исправительно-воспитательного приюта для девочек, 1902). В отчете о деятельности приюта за 1896 г. дана подробная социально-демографическая характеристика воспитанниц.

Возраст – от 11 (одна девочка) до 18 лет (одна девочка). В основном возраст девочек от 14 до 16 лет. Преимущественно это городские жители (19 человек) и одна девочка из сельской местности. В полной семье воспитывались 8 человек, в неполной – 10, с отцом и мачехой – одна девочка и одна девочка была сиротой. Работали до момента осуждения 14 воспитанниц (прислуга, на фабрике, занятие ремеслом). До поступления в приют одна девочка была безграмотной, одна умела читать,

семь знали цифры, четыре – молитвы, десять умели читать и писать, две знали ремесла, три знали ремесла плохо. Для 18 девочек это была первая судимость, для одной – вторая и для одной – третья. Время нахождения в приюте – не менее одного года и только до 18 лет.

В приюте были особые требования к персоналу. Так, надзирательница, а затем и ее помощница должны были иметь педагогическое образование. В приюте был образован Попечительный совет для решения вопросов по воспитательной части, педагогической и патронату. В его состав входили директриса с помощницами, секретарь, врач, надзирательница и законоучитель. В случае необходимости могли приглашаться и преподаватели приюта. В приюте был специальный служитель, в обязанности которого входила доставка воспитанниц в приют после решения суда, во избежание ее официальной этапной пересылки.

Воспитательное воздействие реализовывалось через физическое, религиозно-нравственное, умственное и трудовое направление перевоспитания (Устав исправительно-воспитательного приюта для девочек, при С.-Петербургском дамском благотворительно-тюремном комитете, 1894). Воспитанницы получали знания по чтению, письму, арифметике, Закону Божию. Также с ними проводились беседы по основам истории, естествознания и географии России. В рамках трудового воспитания девочки обучались ремеслам (вязание платков крючком, машинному вязанию чулок, шитью на машинке и на руках), у них развивали умения вести домашнее хозяйство (стирка, глажение, приготовление пищи), навыки сельскохозяйственных работ (работа в саду, огороде, уход за домашними животными). Воспитанницы обучались церковному пению, которое рассматривалось как важное средство морального воздействия на них.

Предметы рукоделия воспитанниц шли на продажу, часть денег помещалась на сберегательную книжку воспитанницам, чтобы после выхода из приюта они могли бы организовать свою жизнь.

Использовалось деление воспитанниц по возрасту, а также на группы по критерию поведения и успехов в труде – система разрядов: первый – высший, второй и третий. Так, в 1897 г. в первом разряде было 9 воспитанниц, во втором – 6 и в третьем – 5. Положительная мотивация при этом поддерживалась за счет выдачи марок. Каждый день воспитанница могла получить одну марку за хорошее поведение и одну за работу (в противном случае марки не выдавались). За месяц воспитанница должна была получить 170 марок, чтобы перейти в высший разряд, если она получала 150 марок, то переводилась в низший разряд (Занозина, Адаменко, 2010). Досрочного освобождения из приюта можно было добиться при наличии 1000 марок и возраста 16–17 лет. В приюте использовались и различные меры наказания: выговоры, публичный выговор с занесе-

нием на черную доску, привлечение к хозяйственным работам сверх очереди, одиночное заключение на срок до 3 дней в светлое или темное отдельное помещение, а также заключение в отдельное особое помещение на срок не более одного месяца.

В 1898 г. был образован Кубанский исправительный приют при Кубанском попечительском комитете о тюрьмах, находившийся в ведении Общества исправительных приютов. В приюте было организовано два отделения. Первое – мужское для 60 человек несовершеннолетних преступников, а также нищих и бесприютных подростков. Их обучали грамоте по программе начальных народных училищ и ремеслам – сапожное, столярно-токарное и слесарное. Второе – женское отделение на 10 человек для несовершеннолетних преступниц, которым давались знания по программе начальных народных училищ, а также по какому-либо ремеслу. Директором попечительного комитета по тюрьмам и учредителем исправительного приюта был Аким Дмитриевич Бигдай (1855–1909), который разработал проект о помощи монастырям в выполнении возложенных на них обязанностей по перевоспитанию несовершеннолетних, совершивших преступления. В результате при Кубанском исправительном приюте в 1898 г. было организовано отделение при монастырях для религиозно-нравственного исправления малолетних преступников (Немашкалов, Простяков, 2023). При Черноморском Екатерино-Лебяжьем Николаевском мужском монастыре был открыт приют для мальчиков, а при Черноморской Марие-Магдалинской женской обители – приют для девочек. Выбор обители был не случайным: еще в 1862 г. в обители было 40 девочек, которые воспитывались в православной традиции, включавшей в себя духовно-нравственное просвещение и обучение всем видам женского рукоделия (Немашкалов, Шебзухова, 2022). Обитель имела опыт школьного образования воспитанниц. К 1893 г. в обители было 50 девочек, после ее посещения епископом Ставропольским и Екатеринодарским Агафодором (в миру Павел Флегонтович Преображенский (1837–1919)) была открыта школа грамотности, положительные отзывы о работе которой представлены в отчетах о состоянии церковно-приходских школ Ставропольской епархии (Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Ставропольской епархии за 1894–1895 учебный год, 1896).

Именно с учетом имеющихся воспитательно-образовательных традиций в Черноморской Марие-Магдалинской женской обители и был организован исправительный приют для несовершеннолетних женского пола, совершивших преступления, первоначально в количестве 25 человек. Приют располагался в отдельном доме в центральной части обители, также для девочек было выделено помещение для школы (Белова, 2021). Воспитанницы объединялись в группы, отдельные от

детей сирот, надзор за которыми вели специальные сестры, назначаемые настоятельницей обители. Воспитанницы были одеты в однообразную одежду, которую получали от обители, обучались в школе грамоте и всем ремеслам, которые были в обители. К 1912 г. в обители содержалось 32 девочки, которые обучались в школе, занимались рукоделием и домашним хозяйством (Лаврентьев, Косырев, 2020).

”

В дореволюционный период в России, несмотря на все сложности, была создана и применена практически система воспитательной работы с несовершеннолетними женского пола с девиантным и делинквентным поведением, которая была признана мировой общественностью

“

Выводы

В дореволюционный период в России был весьма богатый опыт воспитательной работы с несовершеннолетними женского пола с девиантным и делинквентным поведением, несмотря на незначительное количество специализированных воспитательно-исправительных учреждений для них. Этот опыт основывался как на передовых теоретико-практических идеях организации перевоспитания несовершеннолетних преступников за рубежом, так и на отечественных психолого-педагогических инновациях. Существующие за рубежом два типа систем перевоспитания малолетних преступников (Захаров, 1898) были эффективно объединены в работе с девочками-преступницами. От франко-швейцарского типа был использован семейный подход к организации жизни воспитанников, а от бельгийско-ирландского – деление воспитанников на классы, разряды по успехам в обучении и поведении.

Главной целью воспитательной работы в приютах было нравственное воспитание подопечных, которое реализовывалось через школьное обучение (с учетом возрастных особенностей девочек и уровня их знаний), трудовое (земледелие и огородничество, животноводство, ремесленничество, самообслуживание),

религиозное (изучение Закона Божия, хоровое пение) направления. Эффективность воспитательной работы основывалась на использовании классификации воспитанниц на группы по разным критериям (возрасту, особенностям поведения, характера, успехам в учебе и труде) и мотивации исправления воспитанниц (денежные вознаграждения, переход из низших групп в высшие с улучшенными условиями жизни в приюте, досрочное освобождение из приюта).

Рамки воспитательной работы были расширены с разработкой и реализацией идеи патроната, основывающейся на том, что девочкам намного сложнее, чем мальчикам, в силу половых и психологических особенностей, начать самостоятельную жизнь после выхода из приюта. При этом обращалось внимание на знания индивидуально-психологических особенностей воспитанниц, степени исправления к моменту выхода из приюта. Обязательным было обучение воспитанниц ремеслам, выбор которых предполагал учет местных возможностей в целях не только организации обучения, но и последующего трудоустройства воспитанников после выхода из приюта (Калашникова, Т. В., Калашникова, М. М., 2022). Так, в Болшевском приюте в 1877 г. воспитанниц стали обучать шелкомотальному ремеслу и наиболее прилежные воспитанницы могли после выхода из приюта получить работу на фабрике В. Г. Сапожникова (Болшевский ремесленно-исправительный приют для нищенствующих девочек (Моск. уезд), 1884). С 1891 г. на выпускной экзамен приглашались депутаты Московской ремесленной управы, которые воспитанницам, успешно прошедшим экзамен и заслуживающим звание мастериц, выдавали свидетельство, позволяющее открыть свое дело. Воспитанницы исправительно-воспитательного приюта для несовершеннолетних преступниц имени императора Александра III обучались машинному вязанию гамаш, получали заказы на шитье гамаш с трикотажной фабрики «Гронроз» (Керзум, Лейкинд, Северюхин, 2016). Воспитанницам исправительно-воспитательного приюта в усадьбе Пуца под Варшавой давали знания для реализации себя в будущем в качестве «хороших сельских хозяек и служанок».

Таким образом, в дореволюционный период в России, несмотря на все сложности, была создана и применена практически система воспитательной работы с несовершеннолетними женского пола с девиантным и делинквентным поведением, которая была признана мировой общественностью. Так, в 1890 г. делегаты Международного пенитенциарного конгресса (Санкт-Петербург, 15–24 июня) посетили Болшевский исправительный приют для ознакомления с опытом воспитательной работы по исправлению несовершеннолетних правонарушительниц в России. Жизненность этой системы доказывает то, что в после-революционной России в исправительных заведени-

ях для несовершеннолетних осужденных женского пола (названных первоначально воспитательно-трудовые колонии, а в настоящее время – воспитательные колонии), все обозначенные в ней направления

воспитания (трудовое, физическое, нравственное, обучение) эффективно применялись. На современном этапе и идеи религиозного воспитания вновь стали актуальными.

Список литературы

- Белова, Н. А. (2021). Воспитательно-исправительные учреждения для несовершеннолетних женского пола в России во второй половине XIX - начале XX века. *Ведомости уголовно-исполнительной системы*, 1 (224), 18–30.
- Большевский ремесленно-исправительный приют для нищенствующих девочек (Моск. уезд): очерк деятельности приюта с основания оною по 1 января 1884 года* (1884). О-во для поощрения трудолюбия в Москве. Большев. исправит. приют для нищенствующих девочек. Москва: печатня С. П. Яковлева, 1876-1890.
- Гогель, С. К. (1911). Детская преступность в Санкт-Петербурге в 1910 году, по данным попечителей детского суда. *Право. Еженедельная юридическая газета*, 20, 1167–1178.
- Занозина, В. Н., Адаменко, Е. А. (2010). *Благотворительность и милосердие. Рубеж XIX-XX веков*. Санкт-Петербург: Лики России.
- Захаров, А. (1898). Студзенец и Пуца. *Тюремный вестник*, 4, 165–177.
- Калашникова, Т. В., Калашникова, М. М. (2022). Роль С. П. Яковлева в организации работы воспитательно-исправительных приютов для несовершеннолетних женского пола с девиантным поведением в России. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 4 (96), 166–172. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2022-4-166-172>
- Кара, С. В. (2015). Начало создания исправительно-воспитательных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в России. *Вестник Брянского государственного университета*, 2, 216–218.
- Керзум, А. П., Лейкинд, О. Л., Северюхин, Д. Я. (2016). *Благотворительность в Санкт-Петербурге 1703-1918. Историческая энциклопедия* (стр. 267–268). Санкт-Петербург: Лики России.
- Лаврентьев, М. В. (2010). Саратовский исправительный приют имени М. Н. Галкина-Враского (1873-1917 гг.). *История государства и права*, 12, 35–37.
- Лаврентьев, М. В., Косырев, А. В. (2020). Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют в 70–90-х годах XIX в. В Ж. В. Мурзина (глав. ред.), *Педагогические и социальные вопросы образования: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции* (БУ ЧР ДПО «Чувашский республиканский институт образования» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, г. Чебоксары, 2020 г., стр. 24–29). Чебоксары: «Издательский дом «Среда».
- Лунеев, В. В. (2005). *Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп.* Москва: Волтерс Клувер.
- Монахиня Евфимия (Пащенко) (2007). *Очерки из жизни православных северных женских монастырей середины XIX – начала XX вв.* Архангельск: Православный изд. Центр.
- Немашкалов, П. Г., Простяков, А. А. (2023). Исправительный приют для несовершеннолетних преступников при Черноморском Екатерино-Лебяжьем Николаевском мужском монастыре: история открытия и проблемы организации деятельности. *Научный альманах стран Причерноморья*, 9 (2), 67–73.
- Немашкалов, П. Г., Шебзухова, Т. А. (2022). История Черноморской Марие-Магдалинской пустыни в деятельности настоятельниц. *Гуманитарные и юридические исследования*, 3 (9), 462–471.
- Отчет о деятельности общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1894 год. Варшава 1895. *Тюремный вестник*, 12, 620.
- Отчет о деятельности Варшавского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1896 год. Варшава 1898. *Тюремный вестник*, 3, 130–133.
- Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Ставропольской епархии за 1894-1895 учебный год (1896). *Ставропольские епархиальные ведомости*, 3 (от 01 февраля 1896).
- Отчет по Саратовскому «Галкинскому» учебно-исправительному приюту за 1891 год* (1892). Саратов: Типография Губернского Земства.
- Сведения о деятельности, состоящего под высочайшим покровительством исправительно-воспитательного приюта для девочек при С.-Петербургском дамском благотворительно-тюремном комитете за 1896 год* (1902). Санкт-Петербург: типография А. С. Суворина.
- Селиверстов, В. И. (2018). Специальная перепись как метод исследования личности осужденных. *Вестник Самарского юридического института*, 4 (30), 62–68.

- Устав исправительно-воспитательного приюта для девочек, при С.-Петербургском дамском благотворительно-тюремном комитете (1894). *Тюремный вестник*, 10, 462–468.
- Шимановский, М. В. (1884). *Очерк возникновения исправительно-воспитательных заведений для малолетних преступников в России*. Одесса: тип. П. А. Зеленого.
- Яковлев, С. (1895). От чего у нас мало исправительных приютов для несовершеннолетних женского пола. *Тюремный вестник*, 6, 325–330.

References

- Belova, N. A. (2021). Vospitatel'no-ispravitel'nye uchrezhdeniya dlya nesovershennoletnih zhenskogo pola v Rossii vo vtoroj polovine XIX -nachale XX veka. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy*, 1 (224), 18–30.
- Bolshevskij remeslenno-ispravitel'nyj priyut dlya nishchenstvuyushchih devochek (Mosk. uезд): ocherk deyatel'nosti priyuta s osnovaniya onogo po 1 yanvaryu 1884 goda (1884). O-vo dlya pooshchreniya trudolyubiya v Moskve Bol'shev. ispravit. priyut dlya nishchenstvuyushchih devochek. Moskva: pechatnya S. P. Yakovleva, 1876–1890.
- Gogel', S. K. (1911). Detskaya prestupnost' v Sankt-Peterburge v 1910 godu, po dannym popechitelej detskogo suda. *Pravo. Ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta*, 20, 1167–1178.
- Zanozina, V. N., Adamenko, E. A. (2010). *Blagotvoritel'nost' i miloserdie. Rubezh XIX-XX vekov*. Saint Petersburg: Liki Rossii.
- Zaharov, A. (1898). Studzenec i Pushcha. *Tyuremnyj vestnik*, 4, 165–177.
- Kalashnikova, T. V., Kalashnikova, M. M. (2022). Rol' S. P. Yakovleva v organizacii raboty vospitatel'no-ispravitel'nyh priyutov dlya nesovershennoletnih zhenskogo pola s deviantnym povedeniem v Rossii. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 4 (96), 166–172. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2022-4-166-172>
- Kara, S. V. (2015). Nachalo sozdaniya ispravitel'no-vospitatel'nyh uchrezhdenij dlya nesovershennoletnih pravonarushitelej v Rossii. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, 216–218.
- Kerzum, A. P., Lejkind, O. L., Severyuhin, D. Ya. (2016). *Blagotvoritel'nost' v Sankt-Peterburge 1703-1918. Istoricheskaya enciklopediya* (str. 267–268). Saint Petersburg: Liki Rossii.
- Lavrentev, M. V. (2010). Saratovskij ispravitel'nyj priyut imeni M. N. Galkina-Vraskogo (1873-1917 gg.). *Istoriya gosudarstva i prava*, 12, 35–37.
- Lavrentev, M. V., Kosyrev, A. V. (2020). Saratovskij Galkinskij uchebno-ispravitel'nyj priyut v 70–90-h godah XIX v. V Zh. V. Murzina (glav. red.), *Pedagogicheskie i social'nye voprosy obrazovaniya: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (BU CHR DPO «CHuvashskij respublikanskij institut obrazovaniya» Ministerstva obrazovaniya i molodezhnoj politiki CHuvashskoj Respubliki, g. Cheboksary, 2020 g., str. 24–29)*. Cheboksary: «Izdatel'skij dom «Sreda».
- Luneev, V. V. (2005). *Prestupnost' XX veka. Mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii*. Izd. 2-e, pererab. i dop. Moskva: Volters Kluver.
- Monahinya Evfimiya (Pashchenko) (2007). *Ocherki iz zhizni pravoslavnyh severnyh zhenskih monastirej serediny XIX – nachala HKH vv.* Arhangel'sk: Pravoslavnyj izd. Centr.
- Nemashkalov, P. G., Prostyakov, A. A. (2023). Ispravitel'nyj priyut dlya nesovershennoletnih prestupnikov pri Chernomorskom Ekaterino-Lebyazhem Nikolaevskom muzhskom monastyre: istoriya otkrytiya i problemy organizacii deyatel'nosti. *Nauchnyj al'manah stran Prichernomor'ya*, 9 (2), 67–73.
- Nemashkalov, P. G., Shebzuхова, T. A. (2022). Istoriya Chernomorskoj Marie-Magdalinskoj pustyni v deyatel'nosti nastoyatel'nic. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 3 (9), 462–471.
- Otchet o deyatel'nosti obshchestva zemledel'cheskih kolonij i remeslennyh priyutov za 1894 god. Varshava 1895. *Tyuremnyj vestnik*, 12, 620.
- Otchet o deyatel'nosti Varshavskogo obshchestva zemledel'cheskih kolonij i remeslennyh priyutov za 1896 god. Varshava 1898. *Tyuremnyj vestnik*, 3, 130–133.
- Otchet o sostoyanii cerkovno-prihodskih shkol i shkol gramoty Stavropol'skoj eparhii za 1894-1895 uchebnyj god (1896). *Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti*, 3 (ot 01 fevralya 1896).
- Otchet po Saratovskomu «Galkinskomu» uchebno-ispravitel'nomu priyutu za 1891 god (1892). Saratov: Tipografiya Gubernskogo Zemstva.
- Svedeniya o deyatel'nosti, sostoyashchego pod vysochajshim pokrovitel'stvom ispravitel'no-vospitatel'nogo priyuta dlya devochek pri S.-Peterburgskom damskom blagotvoritel'no-tyuremnom komitete za 1896 god (1902). Saint Petersburg: tipografiya A. S. Suvorina.
- Seliverstov, V. I. (2018). Special'naya perepis' kak metod issledovaniya lichnosti osuzhdennyh. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 4 (30), 62–68.

Ustav ispravitel'no-vospitatel'nogo priyuta dlya devochek, pri S.-Peterburgskom damskom blagotvoritel'no-tyuremnom komitete (1894). *Tyuremnyj vestnik*, 10, 462–468.

Shimanovskij, M. V. (1884). *Ocherk vozniknoveniya ispravitel'no-vospitatel'nyh zavedenij dlya maloletnih prestupnikov v Rossii*. Odessa: tip. P. A. Zelenogo.

Yakovlev, S. (1895). Ot chego u nas malo ispravitel'nyh priyutov dlya nesovershennoletnih zhenskogo pola. *Tyuremnyj vestnik*, 6, 325–330.

Информация об авторах:

Татьяна Витальевна Калашникова – доцент кафедры психологии профессиональной деятельности в УИС Академии ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент.

Мария Михайловна Калашникова – заместитель начальника кафедры общей и педагогической психологии Академии ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 08.09.2023

Одобрена после рецензирования 10.10.2023

Опубликована 28.10.2023

About the authors:

Tatiana V. Kalashnikova – Associate Professor at the Department of Psychology of Professional Activity at the Penitentiary System of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Cand. Sci. (Psy.), Docent.

Maria M. Kalashnikova – Deputy Head of the Department of General and Pedagogical Psychology of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Cand. Sci. (Psy.), Docent.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted September 08, 2023

Approved after reviewing October 10, 2023

Accepted October 28, 2023

Оригинальная статья

УДК 159.923.2

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-3-281-289

Ценностные ориентации курсантов МВД России как регулятор личностной агрессивности

Ирина Викторовна Усачева

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя
(Москва, Россия)
irina-u@yandex.ru

ORCID: 0009-0001-9740-484X**Игорь Александрович Паршутин**

Научно-исследовательский ядерный университет «МИФИ»
(Москва, Россия)
pari.76@mail.ru

ORCID: 0009-0004-6056-4446**Аннотация**

Представлены результаты исследования взаимосвязи ценностных ориентаций и уровня агрессивности курсантов МВД России. Определена иерархическая структура ценностей, которая предупреждает проявления агрессивности в курсантской среде. Выявлена специфическая система межличностных отношений курсантов с высоким уровнем личностной агрессивности. Обнаруженная взаимосвязь ценностных ориентаций курсантов с показателями межличностных отношений в служебном коллективе позволяет скорректировать процесс овладения профессией и минимизировать риски возникновения девиантного поведения в профессиональной деятельности.

Ключевые слова

агрессивность, ценности, курсанты МВД России, межличностные отношения, психология служебной деятельности

Для цитирования: Усачева, И. В., Паршутин, И. А. (2023). Ценностные ориентации курсантов МВД России как регулятор личностной агрессивности. *Российский девиантологический журнал*, 3 (3), 281–289. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-281-289.

Original paper

Irina V. Usacheva

Moscow University of the MIA
of Russia named after
V.Ya. Kikotya (Moscow, Russia)
irina-u@yandex.ru

ORCID: 0009-0001-9740-484X**Igor A. Parshutin**

Research Nuclear University
«MEPhI»
(Moscow, Russia)
pari.76@mail.ru

ORCID: 0009-0004-6056-4446

Value orientations of cadets of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a regulator of personal aggression

Abstract

The research presents the results of the analysis of correlation between value orientations and the level of aggression of cadets of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The hierarchical structure of values that prevents the manifestations of

aggression in the cadet environment is determined. The specific system of interpersonal relations of cadets with a high level of personal aggression is revealed. The found out correlation of cadets' value orientations with the indicators of interpersonal relations in the service community makes it possible to correct the process of mastering the profession and minimise the risks of deviant behaviour in professional activity.

Keywords

aggression, values, cadets of the Ministry of Internal Affairs of Russia, interpersonal relations, psychology of service activity

For citation: Usacheva, I. V., Parshutin, I. A. (2023). Value orientations of cadets of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a regulator of personal aggression. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (3), 281–289. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-281-289.

Введение

Актуальность изучения ценностей во многом определяется тем, что они формируют целые поколения людей (Абрамов, 2022). Помимо этого, представления о существующих ценностях в той или иной возрастной группе или профессиональной среде позволяют выстроить эффективную стратегию управления людьми, решить вопросы формирования гражданской позиции, в том числе у курсантов МВД России (Прокурова, 2020).

Президент Российской Федерации В. В. Путин особо подчеркивал необходимость формирования у подрастающего поколения традиционных ценностей российского общества. В Указе Президента РФ «Об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» отмечено, что политика государства будет ориентирована на защиту российского общества от социокультурных угроз, которые все чаще ассоциируются с западноевропейским образом жизни. Также в Указе поясняется, что под традиционными ценностями стоит понимать «нравственные ориентиры, которые передаются от поколения к поколению и лежат в основе общероссийской гражданской идентичности»¹.

Обзор литературы

Ценностные ориентации как регулятор межличностных отношений вызывали научный интерес к их изучению как в отечественных, так и в зарубежных научных школах (Bardi et al., 2009).

В зарубежной социальной психологии особое место занимают труды американского психолога Милтона Рокича, который рассматривал ценности исходя из их функционального значения (Feather & Peay, 1975). Он выделял следующие ценности личности: терминальные и инструментальные, выступающие соответственно в качестве личностных целей и средств их достижения. В зависимости от направленности на личностное развитие или на сохранение гомеостаза, в соответствии

с теорией А. Маслоу, ценности могут быть разделены на высшие (ценности развития, бытийные ценности) и регрессивные (ценности сохранения, дефицитарные). Таким образом, ценности могут соответствовать разным уровням или стадиям личностного развития.

На наш взгляд, важным результатом исследования ценностей в зарубежной социальной психологии является подтвержденный факт того, что люди, имеющие похожие установки, склонны выбирать друг друга в качестве друзей, партнеров по взаимодействию. Сходство ценностных систем у людей предопределяет формирование образа соратника и единомышленника, что особо значимо для правоохранительной деятельности (Кобозев, 2022).

Помимо социально-психологического аспекта изучения ценностей, особый интерес вызывает анализ ценностей на уровне личности, то есть индивидуальных различий. Данный подход был предложен Ш. Шварцем, который считал, что ценности отдельных людей представляют собой мотивационные цели, которые служат руководящими принципами в их жизни (Schwartz et al., 2012). Он сгруппировал отдельные ценности в типы ценностей в соответствии с общностью их целей. Шварц обосновывал это тем, что базовые человеческие ценности, с высокой вероятностью обнаруживаемые во всех культурах, – это те, которые представляют универсальные потребности человеческого существования: биологические потребности, необходимость координации социального взаимодействия и требования функционирования группы.

В отечественной психологии ценности рассматривались как элемент мотивационной сферы, связанный с разрешением в ней конфликтов и противоречий. По мнению Ф. Е. Василюка, система ценностей выступает в данном случае как «психологический орган» измерения и сопоставления меры значимости мотивов, соотношения индивидуальных устремлений и «надындивидуальной сущности» личности (Василюк, 1984).

Согласно взглядам М. С. Яницкого, система ценностей определяет жизненную перспективу, «вектор» раз-

¹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

вития личности и является психологическим органом, связывающим в единое целое личность и социальную среду, выполняющим одновременно функции регуляции поведения и определения его цели (Яницкий, 2000).

Как отмечает И. А. Светиков, ценностно-смысловая сфера личности, являясь отражением ценностей социальной среды, сама может оказывать воздействие на групповые нормы и ценности (Светиков, 2015). Индивидуальные ценностные ориентации отдельных членов группы взаимодействуют и через межличностные взаимоотношения воздействуют на коллективные.

Таким образом, отечественными психологами были сформулированы следующие функции ценностных ориентаций личности:

- экспрессивная, которая выражается в том, что человек стремится принятые ценности передать другим, добиться признания;
- функция защиты личности, которая заключается в том, что ценностные ориентации выступают своего рода фильтрами, пропускающими лишь ту информацию, которая не требует существенной перестройки всей системы личности;
- познавательная, направленная на объекты и поиск информации, необходимой для поддержания целостности личности;
- координации внутренней психической жизни, гармонизации психических процессов, согласования их во времени и применительно к условиям действительности.

При поступлении в образовательные организации МВД России все абитуриенты проходят профессиональный психологический отбор, где особое место занимает диагностика уровня нервно-психологической устойчивости и агрессивности. М. Г. Волкова полагает, что, с учетом политической ситуации в мире, сотруднику силовых структур в некоторой степени необходима агрессивность, но сама по себе агрессивность не свидетельствует о сознательном опасном поведении человека (Волкова, 2022).

Профессор Г. С. Човдырова считает, что каждая личность должна обладать определенной степенью агрессивности в качестве проявления инстинкта самосохранения, поэтому сотрудник органов внутренних дел обязан обладать определенной степенью агрессивности, иначе он не сможет противостоять правонарушителям. Но чрезмерное развитие агрессивности определяет весь облик личности, склонной к конфликтным отношениям, и в профессиональной, и повседневной деятельности (Човдырова, 2017). Правоохранительная деятельность требует от сотрудника особого организационного построения и межличностного общения, и признаком негативного влияния профессии на личность является появление разных профессиональных деформаций или специфических состояний, в том числе проявление агрессивности (Большакова, 2017).

Традиционно агрессивность как свойство личности приписывается людям, в поведении которых часто наблюдаются агрессивные действия (Ениколопов, 2010).

И. С. Исаевой были изучены индивидуально-типологические особенности агрессивности и общительности курсантов военного вуза (Исаева, 2008). Необходимость более детального изучения механизма возникновения агрессивности продиктована также исследованиями военных психологов, которые считают, что агрессивность и враждебность выступают причинами социально-психологической дезадаптации курсантов в период профессионального обучения (Карабанова, Повираева, Нурументова, 2016).

Методология, методы и материалы исследования

В. А. Шаповал отмечает, что личностные ценности играют ведущую роль как при выборе человеком профессии, так и в механизмах поведенческой регуляции (Шаповал и др., 2016). В связи с тем, что профессиональная подготовка сотрудников полиции связана с формированием у них устойчивой системы ценностей, способствующей эффективному решению различного рода служебных задач, в проведенном исследовании была изучена проблема взаимосвязи ценностных ориентаций и агрессивности у курсантов МВД России. Данная проблема в отечественной психологии отражена в работах Н. В. Чудовой, которая пыталась обнаружить связь между агрессивностью и ценностями при возникновении у личности враждебной картины мира (Чудова, 2014). Зарубежные исследователи этот психологический феномен изучали только применительно к юношескому возрасту (Benish-Weisman, 2015).

Цель проведенного исследования заключалась в изучении особенностей ранжирования ценностей у курсантов с различным уровнем личностной агрессивности, с одной стороны, и типом межличностных отношений – с другой.

Групповая диагностика и обработка эмпирических данных проводилась при помощи бланкового варианта обследования АППДК «Мультипсихометр». Анализ данных осуществлялся при помощи компьютерной программы «Statistica 6.0»: непараметрического критерия отличий Манна-Уитни и рангового коэффициента корреляции Спирмена. Эмпирические данные исследования были представлены стеновыми значениями.

Полученные результаты интерпретировались применительно к опыту учебной и служебной деятельности курсантов Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Исследование проводилось на базе Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя. Выборку составили курсанты факультета подготовки сотрудников для оперативных подразделений полиции (ФПСОПП) 3-го и 4-го года обучения в количестве 80 человек.

В исследовании были использованы методики, включенные в АППДК «Мультитсихометр»:

– оценка уровня личностной агрессивности (Басс-Дарки, версия в адаптации Л. Г. Почебут);

– оценка индивидуальных особенностей транс-персонального поведения (Т. Лири);

– многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность» (А. Г. Маклаков, С. В. Чермянин);

– ценностный опросник (Ш. Шварц).

Результаты исследования представлены в таблицах 1, 2, 3 и рисунках 1, 2.

Таблица 1. Результаты корреляционного анализа

Table 1. Results of correlation analysis

	Valid	Spearman	p-level
Вербальная агрессия & конформность	80	-0,42	<0,05
Вербальная агрессия & власть	80	-0,38	<0,05

Таблица 2. Результаты ранжирования ценностей (методика Ш. Шварца)

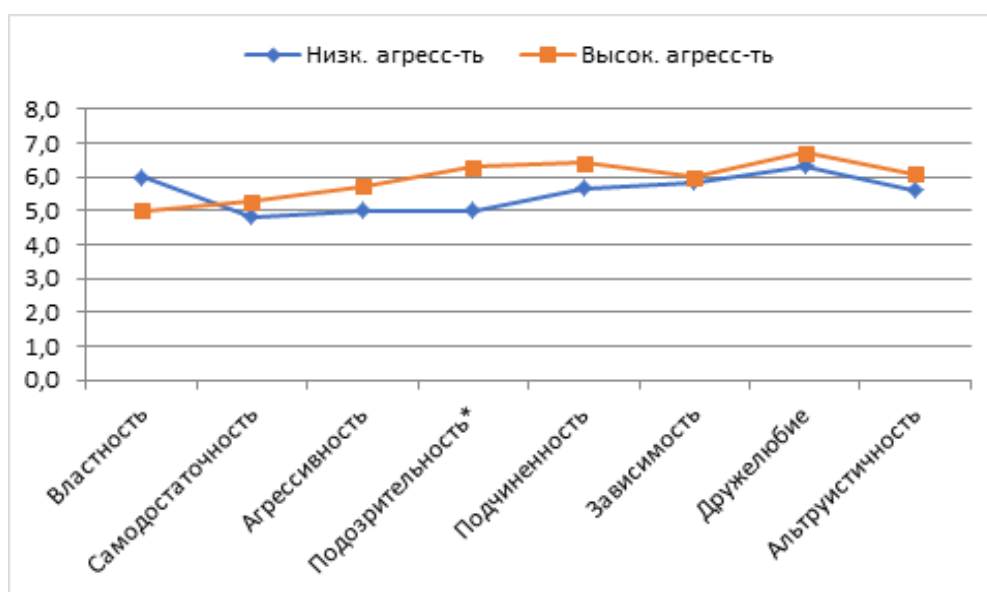
Table 2. Results of value ranking (S. Schwartz method)

Ранг	Низкая агрессивность	Стены	Ранг	Высокая агрессивность	Стены
1	власть	7	1	достижения	6
2	доброта	6,5	2	традиции	5,9
3	достижения	6	3	гедонизм	5,9
4	конформность	5,8	4	власть	5,7
5	универсализм	5,7	5	безопасность	5,6
6	самостоятельность	5,5	6	самостоятельность	5,3
7	традиции	5,3	7	доброта	4,7
8	гедонизм	5,2	8	универсализм	4,6
9	безопасность	5,2	9	конформность	3,9
10	стимуляция	4,5	10	стимуляция	3,9

Таблица 3. Результаты сравнительного анализа

Table 3. Results of comparative analysis

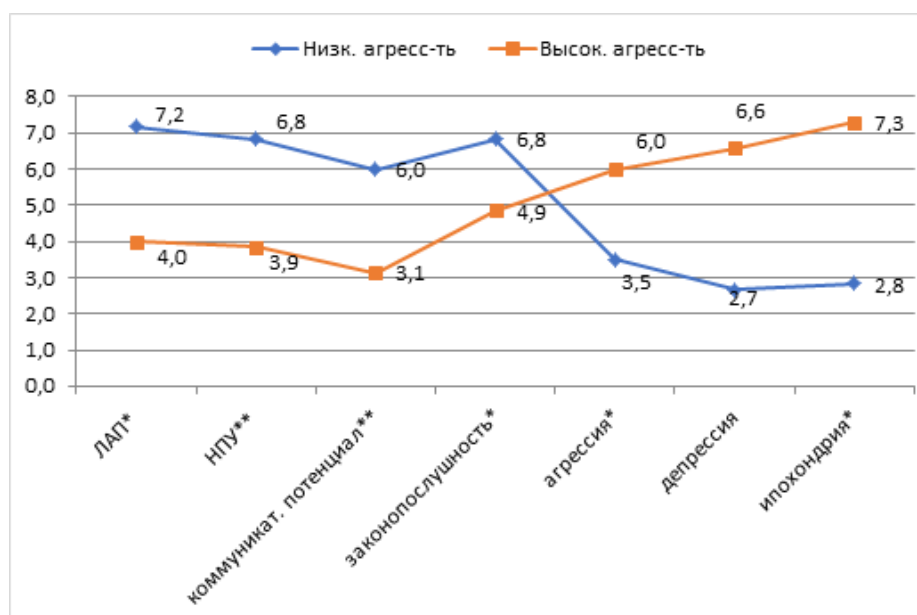
	Spearman	p-level
Высокая агрессивность		
гедонизм & доминирование	0,41	<0,05
достижения & властность	0,59	<0,01
достижения & доминирование	0,59	<0,01
традиции & зависимость	0,43	<0,05
традиции & подчиненность	0,44	<0,05
Низкая агрессивность		
власть & доминирование	0,43	<0,05
доброта & соперничество	-0,46	<0,05
достижения & властность	0,59	<0,01
достижения & доминирование	0,59	<0,01

* $p < 0,05$, U эмп. (Манна-Уитни)

Рисунок 1. Октанты двух групп сравнения

Figure 1. Octants of two comparison groups

* $p < 0,05$, U эмп. (Манна-Уитни)

** $p < 0,01$, U эмп. (Манна-Уитни)

Рисунок 2. Результаты многоуровневого изучения личности (методика МЛО)

Figure 2. Results of a multi-level personality study (multilevel personality questionnaire technique)

Обсуждение результатов исследования

В начале исследования мы, воспользовавшись ранговым коэффициентом корреляции Спирмена, обнаружили статистически достоверные корреляционные связи между показателями ценностей (мотивационных типов) и агрессивности (таблица 1).

Как видно из таблицы 1, из всех форм агрессивного поведения по методике Басса-Дарки только вербальная агрессия образует достоверные корреляционные связи с показателями ценностей: конформностью и властью. Обращает внимание обратная (отрицательная) корреляционная связь, свидетельствующая о том, что курсанты с низким проявлением вербальной агрессии в большей степени в своем поведении ориентированы на удовлетворение потребности во властных отношениях и подчинению / следованию групповым нормам и правилам. На наш взгляд, подобная характеристика соответствует образу «спокойного, уравновешенного полицейского», который не позволяет себе проявлять словесную агрессию в общении с гражданами и подчиненными, при этом отличается служебной дисциплинированностью, что находит подтверждение в исследовании О. С. Васильевой и Я. Б. Радишевской влияния агрессивности курсантов на уровень их социально-психологической адаптации (Васильева, Радишевская, 2005).

В дальнейшем была рассмотрена иерархичная система ценностей испытуемых двух групп – с низкой и высокой агрессивностью. В обеих группах численность испытуемых составила 15 человек. Как видно из таблицы 2, испытуемые обеих групп включили в тройку ведущих мотивов своей деятельности стремление к достижению значимых результатов, что подчеркивает наличие в мотивационной сфере курсантов базовой размерности по типу «достижения–власть», которая является неотъемлемой частью профессиональной подготовки сотрудников полиции. Но ценность власти в группе испытуемых с низкой агрессивностью занимает первое, ведущее место в иерархической структуре, а в группе с высокой агрессивностью не входит в число ведущих (трех основных) ценностей. Таким образом, проявление личной власти над другими является значимым мотивом межличностных отношений у курсантов с низкой агрессивностью, что обусловлено, по-видимому, специфической системой субординации, где проявление власти не является признаком агрессии, а связано с управленческими функциями офицеров.

Необходимо отметить, что курсанты обеих групп обесценили необходимость стимуляций в их жизни как потребности в получении эмоционального возбуждения и поиске новых ощущений, что скорее всего связано с многообразием переживаний и широтой различных ситуаций общения в условиях профессионального обучения.

В завершение нашего исследования были изучены статистически достоверные корреляционные связи между ценностями и типами межличностных отношений (по классификации Тимоти Лири).

Как видно из данных таблицы 3, только выделенные нами основные ценности испытуемых с высоким уровнем агрессивности (три первых места в таблице 2) образуют корреляционные связи с типами межличностных отношений.

Ценность «традиции», которая в среде силовых структур является важным элементом патриотического воспитания и формирования групповой солидарности курсантов, сопровождается зависимо-подчиненный тип межличностных отношений. Людям с таким типом свойственны проявления беспокойства, повышенная чувствительность к средовым воздействиям, причем потребность в привязанности и теплых отношениях является ведущей. Курсанты с таким типом отношений в коллективе отличаются исполнительностью и ответственностью, однако инертность в принятии решений и неуверенность в себе не способствуют их продвижению на роль лидера. В свою очередь, стремление к значимым достижениям и удовольствиям определяют властно-доминирующий тип отношений, то есть демонстрация курсантами с высоким уровнем агрессивности своей компетентности предполагает обращение к известному типу межличностных отношений «я – начальник, ты – дурак». Данный факт находит подтверждение и в других отечественных исследованиях, где самой яркой чертой агрессивного поведения личности традиционно является выраженный мотив доминирования (Диривянкина, 2016).

Для курсантов с низким уровнем агрессивности характерна такая же картина корреляционных связей – только первые три ценности подчеркивают наличие зависимостей с типами межличностных отношений. Можно сказать, что ценности «власти» и «достижений» определяют паттерн ранее описанного властно-доминирующего типа межличностных отношений в данной группе, но «неожиданная» ценность «доброты» для этой категории курсантов характеризует их как избегающих различного рода соперничества.

Применение непараметрического критерия различий Манна-Уитни позволило обнаружить существенные различия в типах межличностных отношений двух сравниваемых групп – у курсантов с высокой степенью агрессивности сильнее проявляется недоверчивый, скептический тип межличностных отношений, характеризующийся людской недобротой, системным мышлением, опирающимся на конкретный опыт, высокой конфликтностью.

Весомый вклад в изучение двух сравниваемых групп внесли результаты применения многоуровневого личностного опросника (МЛО) «Адаптивность». Как видно на рисунке 2, все «позитивные» показатели лич-

ности – личностно-адаптационный потенциал (ЛАП), нервно-психическая устойчивость (НПУ), коммуникативный потенциал и моральная нормативность (законопослушность) – статистически достоверно отличают курсантов с низким проявлением агрессивности. И наоборот, проявления агрессии, депрессии и ипохондрии в большей степени свойственны курсантам с высокими значениями личностной агрессивности. Стоит отметить, по результатам исследований отечественных психологов, такие курсанты скорее всего будут отнесены учебной группой к социометрическому статусу «отвергаемые» (Михайлова, Сафи, Шептура, 2017).

Выводы

Таким образом, результаты исследования позволили типологизировать курсантов по различиям в ценностно-мотивационной сфере и личностной агрессивности. Во-первых, группа курсантов с низким уровнем агрессивности отличается такими ведущими ценностями, как «власть», «доброта» и «достижения», причем данные ценности определяют властно-доминирующий тип межличностных отношений, но, что неожиданно, без проявления различного рода соперничества. На наш взгляд, подобная характеристика в большей степени соответствует образу офицера, который использует властные полномочия не для поддержания своего статуса и субординации, а для эффективного решения поставленных задач, достижения значимых результатов.

Такой сотрудник отличается высоким личностно-адаптационным и коммуникативным потенциалом, нервно-психической устойчивостью и соблюдением принципов законности в межличностных отношениях.

Во-вторых, группа курсантов с высоким уровнем агрессивности отличается такими ведущими ценностями, как «достижения», «традиции», «гедонизм». Подобные ценности сопровождают как зависимо-подчиненный, так и властно-доминирующий типы межличностных отношений – в зависимости от статуса собеседника. На наш взгляд, подобная характеристика в большей степени соответствует образу офицера, который отличается высокой степенью авторитарности и четким соблюдением принципов уставных отношений с подчиненными. Однако такой сотрудник будет малоэффективен, так как не обладает необходимой ресурсной базой для регуляции своего психоэмоционального состояния. Помимо проявления агрессии, для него свойственно переживание депрессии и ипохондрии.

Проведенное исследование позволило изучить взаимосвязь ценностных ориентаций курсантов с показателями межличностных отношений в служебном коллективе. Полученные результаты могут стать основой для дальнейшего изучения проблемы формирования личности будущего офицера правоохранительных органов, а также использоваться для коррекционной работы с сотрудниками полиции.

Список литературы

- Абрамов, А. В. (2022). Политические и моральные ценности в структуре профессионального сознания сотрудника полиции. *Вестник Московского университета МВД России*, 3, 19–27. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-19-27>
- Большакова, Н. Е. (2017). Детерминанты агрессивного поведения у сотрудников полиции. *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями*, 17 (2), 112–113.
- Васильева, О. С., Радишевская, Я. Б. (2005). Влияние агрессивности курсантов на уровень их социально-психологической адаптации. *Вопросы психологии*, 1, 29–37.
- Васильев, Ф. Е. (1984). *Психология переживаний (анализ преодоления критических ситуаций)*: монография. Москва: Изд-во Московского университета.
- Волкова, М. Г. (2022). Агрессивность в межличностных отношениях курсантов. В *Психологически безопасная образовательная среда: проблемы проектирования и перспективы развития*: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (Тула, 12 октября 2022 года, стр. 216–220). Чебоксары: издательский дом «Среда».
- Диривьянкина, О. В. (2016). Агрессивность как составляющая поведенческих девиаций. *Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований*, 25, 31–35.
- Ениколопов, С. Н. (2010). Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения. *Прикладная юридическая психология*, 2, 37–47.
- Исаева, И. С. (2008). *Индивидуально-типологические особенности общительности и агрессивности курсантов военного вуза*: дис. ... канд. психол. наук. Москва.
- Карабанова, О. Р., Повираева, М. В., Нурументова, М. Б. (2016). Влияние агрессивности и враждебности на социально-психологическую адаптацию курсантов военного вуза. *Военный научно-практический вестник*, 2 (5), 155–159.
- Кобозев, И. Ю. (2022). Влияние ценностной сферы психики на формирование коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика*:

- материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 30 сентября 2022 года, стр. 175–179). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Михайлова, О. Б., Сафи, С. М., Шептура, А. В. (2017). Агрессивность личности: основные подходы и перспективы в изучении. *Мир науки*, 6 (5), 83.
- Прокурова, С. В. (2020). Нравственные ценности – основа морального облика сотрудника ОВД. *Психология и педагогика служебной деятельности*, 4, 202–204. <https://doi.org/10.24411/2658-638X-2020-10151>
- Расулова, Ф. Ф. (2016). Агрессивное поведение и агрессивность личности. *Путь науки*, 7 (29), 84–85.
- Светиков, И. А. (2015). Структура ценностей сотрудников полиции в современной России: дис. ... канд. социол. наук. Краснодар.
- Човдырова, Г. С. (2017). Психологические проявления агрессивности и склонности личности к насильственным действиям. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 1 (68), 37–40.
- Чудова, Н. В. (2014). Исследование ценностных оснований агрессивности. *Прикладная юридическая психология*, 3, 80–87.
- Шаповал, В. А., Потарыкина, М. С., Бондарук, А. Ф., Голянич, В. М. (2016). Психодинамические детерминанты системы ценностей сотрудников полиции. *Проблемы современного педагогического образования*, 51-5, 600–612.
- Яницкий, М. С. (2000). *Ценностные ориентации личности как динамическая система*: монография. Кемерово: авторское издательство Кузбассвуиздат.
- Bardi, A., Lee, J. A., Hofmann-Towfigh, N., & Soutar, G. (2009). The structure of intraindividual value change. *Journal of Personality and Social Psychology*, 97 (5), 913–929. <https://doi.org/10.1037/a0016617>
- Benish-Weisman, M. (2015). The interplay between values and aggression in adolescence: A longitudinal study. *Developmental Psychology*, 51 (5), 677–687. <https://doi.org/10.1037/dev0000015>
- Feather, N. T., & Peay, E. R. (1975). The structure of terminal and instrumental values: Dimensions and clusters. *Australian Journal of Psychology*, 2 (27), 151–164. <https://doi.org/10.1080/00049537508255247>
- Schwartz, S. H., Cieciuch, J., Vecchione, M., Davidov, E., Fischer, R., Beierlein, C., Ramos, A., Verkasalo, M., Lönnqvist, J.-E., Demirutku, K., Dirilen-Gumus, O., & Konty, M. (2012). Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 103 (4), 663–688. <https://doi.org/10.1037/a0029393>

References

- Abramov, A. V. (2022). Politicheskie i moral'nye cennosti v strukture professional'nogo soznaniya sotrudnika policii. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 3, 19–27. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-19-27>
- Bol'shakova, N. E. (2017). Determinanty agressivnogo povedeniya u sotrudnikov policii. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*, 17 (2), 112–113.
- Vasil'eva, O. S., Radishevskaya, Ya. B. (2005). Vliyanie agressivnosti kursantov na uroven' ih social'no-psihologicheskoy adaptacii. *Voprosy psihologii*, 1, 29–37.
- Vasilyuk, F. E. (1984). *Psihologiya perezhivaniy (analiz preodoleniya kriticheskikh situacij)*: monografiya. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta.
- Volkova, M. G. (2022). Agressivnost' v mezhlichnostnyh otnosheniyah kursantov. V *Psihologicheski bezopasnaya obrazovatel'naya sreda: problemy proektirovaniya i perspektivy razvitiya*: sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Tula, 12 oktyabrya 2022 goda, str. 216–220). Cheboksary: izdatel'skij dom «Sreda».
- Dirivyankina, O. V. (2016). Agressivnost' kak sostavlyayushchaya povedencheskih deviacij. *Novoe slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobaciya rezul'tatov issledovanij*, 25, 31–35.
- Enikolopov, S. N. (2010). Aktual'nye problemy issledovaniya agressivnogo povedeniya. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 2, 37–47.
- Isaeva, I. S. (2008). *Individual'no-tipologicheskie osobennosti obshchitel'nosti i agressivnosti kursantov voennogo vuza*: dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow.
- Karabanova, O. R., Poviraeva, M. V., Nurumentova, M. B. (2016). Vliyanie agressivnosti i vrazhdebности na social'no-psihologicheskuyu adaptaciyu kursantov voennogo vuza. *Voennyj nauchno-prakticheskij vestnik*, 2 (5), 155–159.
- Kobozev, I. Yu. (2022). Vliyanie cennostnoj sfery psihiki na formirovanie korrupcionnogo povedeniya sotrudnikov organov vnutrennih del. V *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 30 sentyabrya 2022 goda, str. 175–179). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Mihajlova, O. B., Safi, S. M., Sheptura, A. V. (2017). Agressivnost' lichnosti: osnovnye podhody i perspektivy v izuchenii. *Mir nauki*, 6 (5), 83.

- Prokurova, S. V. (2020). Nравstvennye cennosti – osnova moral'nogo oblika sotrudnika OVD. *Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti*, 4, 202–204. <https://doi.org/10.24411/2658-638X-2020-10151>
- Rasulova, F. F. (2016). Agressivnoe povedenie i agressivnost' lichnosti. *Put' nauki*, 7 (29), 84–85.
- Svetikov, I. A. (2015). *Struktura cennostej sotrudnikov policii v sovremennoj Rossii*: dis. ... kand. sociol. nauk. Krasnodar.
- Chovydyrova, G. S. (2017). Psihologicheskie proyavleniya agressivnosti i sklonnosti lichnosti k nasilstvennym dejstviyam. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 1 (68), 37–40.
- Chudova, N. V. (2014). Issledovanie cennostnyh osnovanij agressivnosti. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 3, 80–87.
- Shapoval, V. A., Potarykina, M. S., Bondaruk, A. F., Golyanich, V. M. (2016). Psihodinamicheskie determinanty sistemy cennostej sotrudnikov policii. *Problemy sovremennoogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 51-5, 600–612.
- Yanickij, M. S. (2000). *Cennostnye orientacii lichnosti kak dinamicheskaya sistema*: monografiya. Kemerovo: avtorskoe izdatel'stvo Kuzbassvuzizdat.
- Bardi, A., Lee, J. A., Hofmann-Towfigh, N., & Soutar, G. (2009). The structure of intraindividual value change. *Journal of Personality and Social Psychology*, 97 (5), 913–929. <https://doi.org/10.1037/a0016617>
- Benish-Weisman, M. (2015). The interplay between values and aggression in adolescence: A longitudinal study. *Developmental Psychology*, 51 (5), 677–687. <https://doi.org/10.1037/dev0000015>
- Feather, N. T., & Peay, E. R. (1975). The structure of terminal and instrumental values: Dimensions and clusters. *Australian Journal of Psychology*, 2 (27), 151–164. <https://doi.org/10.1080/00049537508255247>
- Schwartz, S. H., Cieciuch, J., Vecchione, M., Davidov, E., Fischer, R., Beierlein, C., Ramos, A., Verkasalo, M., Lönnqvist, J.-E., Demirutku, K., Dirilen-Gumus, O., & Konty, M. (2012). Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 103 (4), 663–688. <https://doi.org/10.1037/a0029393>

Информация об авторах:

Ирина Викторовна Усачева – старший преподаватель кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности, кандидат психологических наук.

Паршутин Игорь Александрович – доцент кафедры психологии, социологии и антропологии Института фундаментальных проблем социо-гуманитарных наук, кандидат психологических наук, доцент.

About the authors:

Irina V. Usacheva – Senior Lecturer at the Department of Psychology, educational and scientific complex of psychology of service activities, Cand. Sci. (Psy.)

Igor A. Parshutin – Associate Professor at the Department of Psychology, Sociology and Anthropology, Institute of Fundamental Problems of Social Sciences and Humanities, Cand. Sci. (Psy.), Docent.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 21.06.2023

Одобрена после рецензирования 01.10.2023

Опубликована 28.10.2023

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted June 21, 2023

Approved after reviewing October 01, 2023

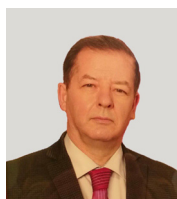
Accepted October 28, 2023

УДК 343.34

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-3-290-303

Зарубежный опыт исследования предметного поля психологии гемблинг-аддикции личности современного цифрового мира

Сергей Юрьевич Чимаров

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
serg120756@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8323-6953

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы соотношения азартных игр и соответствующей им игровой зависимости индивидуума, предопределяющей психофизиологическое состояние его организма и возводящей его в разряд проблемного игрока. Выявив особенности онлайн-формата процесса игромании, автор составляет типологию современного ландшафта азартных игр, построенных на цифровых платформах и способствующих переводу сознания игрока в состояние эйфории от ожидаемого им выигрыша более доступным путем и при помощи виртуального мира. На основе анализа зарубежной литературы по проблеме гемблинг-аддикции в условиях нарастающей тенденции к дигитализации общества и индивидуального сознания отдельных людей автор акцентирует внимание на некоторых положениях вводимых им в научный оборот источников, представляющих интерес как в теоретическом плане, так и с позиций их практической востребованности, с учетом уточнения арсенала психодиагностического инструментария, имеющего рекомендательное значение для различных категорий практикующих специалистов. По мнению автора, нашедшие отражение в статье психологические рецепты авторитетных представителей зарубежной науки позволят отечественным специалистам внести необходимые коррективы в части организации своей деятельности по нейтрализации негативных последствий от проблемного участия гемблеров как в офлайн-, так и в онлайн-азартных играх.

Ключевые слова

психология, девиантное поведение, индивидуум, личность, азартная игра, игровая зависимость, цифровой мир

Для цитирования: Чимаров, С. Ю. (2023). Зарубежный опыт исследования предметного поля психологии гемблинг-аддикции личности современного цифрового мира. *Российский девиантологический журнал*, 3 (3), 290–303. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-290-303.

Foreign experience of studying the subject field of psychology of gambling addiction of personality of the modern digital world

Sergei Yu. Chimarov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
serg120756@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8323-6953

Abstract

The article deals with the issues of correlation between gambling and the corresponding gambling addiction of an individual, predetermining the psycho-physiological state of his organism and placing him in the category of a problem gambler. Having identified the peculiarities of the online format of the process of gambling addiction, the author makes a typology of the modern landscape of gambling, built on digital platforms and contributing to moving the player's consciousness into a state of euphoria from the expected winnings in a more accessible way and with the help of the virtual world. On the basis of the analysis of foreign literature on the problem of gambling addiction in the conditions of growing tendency to digitalisation of society and individual consciousness of individuals, the author focuses on some provisions of the sources introduced by him into scientific discourse, which are of interest both in theoretical terms and from the position of their practical relevance, with regard to clarification of the arsenal of psychodiagnostic tools having recommendatory value for various categories of specialists. In the author's opinion, the psychological guidelines of authoritative representatives of foreign science reflected in the article will allow national specialists to make the necessary corrections in terms of the organisation of their activities to neutralise the negative consequences of problem gambling participation in both offline and online gambling.

Keywords

psychology, deviant behavior, individual, personality, gambling, gambling addiction, digital world

For citation: Chimarov, S. Yu. (2023). Foreign experience of studying the subject field of psychology of gambling addiction of personality of the modern digital world. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (3), 290–303. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-290-303.

Введение

Внешне безобидный формат презентуемых современных азартных игр и его популяризация производителями игровых автоматов и нанятыми ими маркетологов и специалистов рекламного дела, порождая в сознании человека простоту решения жизненных проблем и обеспечивая комфортный досуг, в большинстве случаев переводит индивидуума со стартовой позиции забавного и безобидного развлечения к финалу его нездоровой одержимости и серьезных последствий негативного плана. В кругу этих последствий следует выделить деструктивное влияние на психологическое состояние человека и стиль его поведения патологической склонности к азартным играм. Указанное явление оценивается в виде игровой зависимости, более известной в качестве компульсивного пристрастия к азартным играм или игрового расстройства (англ. «gambling disorder»), представляющего собой расстройство импульсивного контроля. По нашему мнению, отмеченное игровое расстройство означает повторяющуюся проблемную игровую деятельность, обусловленную снижением уровня контроля игрока за своим поведением и приводящую к негативным последствиям для человека, его семьи и профессионального сообщества, членом которого он является.

По данным Американской ассоциации психологов (АРА), игровое расстройство, как правило, передается по наследству. При этом к факторам риска появления отмеченной девиации могут быть отнесены травмы и социальное неравенство. С учетом того что только каждый десятый, страдающий игровой зависимостью, обращается за помощью в оказании ему лечения, представляется важным своевременно выявлять признаки игрового расстройства лиц, имеющих статус гемблера. Переход азартных игроков к обширной вариации онлайн-игр, порождаемых онлайн-гемблинг-индустрией (англ. «online gambling industry»), способствует усилению анонимизации адептов игрового процесса. Указанное явление предопределяет актуальность предметного рассмотрения психологии азартных игроков, понимания критериев игровой зависимости гемблинг-аддикции (от англ. «gambling» – «азартная игра» + «addiction» – «зависимость») и своевременного оказания проблемным игрокам необходимой медико-психологической помощи.

В процессе исследования автор использовал совокупность общенаучных методов, имеющих широкое применение в области гуманитарных наук, прежде всего диалектический и формально-логический методы, а также задействовал ряд частнонаучных методов:

системно-структурный, кросс-темпоральный, метод экспертных оценок и некоторые другие.

Научная новизна исследования заключается в том, что отдельные вопросы влияния современной парадигмы информационного общества на личность XXI в. рассмотрены в контексте взаимосвязи участия индивидуума в азартной игре онлайн-способом и возникновения у него игрового расстройства по причине наступления гемблинг-зависимости. Кроме того, автором предпринята попытка анализа итогов исследования американского ученого Э. Завалы (Zavala, 2018), обратившегося к выявлению причин участия в азартных играх служащих полиции и его последствий, включая алкоголизацию (на примере полиции Балтимора, США). Отдельные положения отмеченного зарубежного исследования можно использовать в работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации. По итогам исследования обоснована целесообразность координированных усилий специалистов различного профиля по оказанию необходимой помощи в выявлении у азартных игроков признаков зависимости от процесса их вовлеченности в область гемблинга и, как следствие, оказания им необходимой психологической помощи в преодолении сложившейся трудной жизненной ситуации.

Отмечая практическую значимость исследования, следует указать на то, что сформулированные предложения и обобщенные сведения из зарубежной практики психодиагностической работы позволят более обстоятельно подойти к решению некоторых вопросов, представляющих практический интерес для нейтрализации негативных проявлений от различных вариаций лудомании, включая область онлайн-гемблинга, а также учесть эвентуальность негативного сценария игровой зависимости, формат которого предопределен снижением индивидуумом контроля своего поведения, в том числе по причине эмоционального выгорания личности.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие при вовлечении современной генерации азартных игроков в онлайн-процесс попыток решения ими проблем, в первую очередь личностного, социального и финансового порядка.

Предмет исследования составляют признаки игрового расстройства лиц, подверженных участию в азартных онлайн-играх, и корреспондирующие данной девиации последствия вовлеченности игроков в область гемблинга.

Обзор литературы

В реферативную часть исследования включены работы зарубежных авторов, рассмотревших типологию азартных онлайн-игр, проанализировавших последствия игровой вовлеченности людей в процесс гемблинга и обобщивших положительный опыт пси-

ходиагностической работы психологов, психиатров и врачей-клиницистов, исследовавших эффективность применения инструментария для выявления и лечения различных форм патологии игровой зависимости. Ценным источником проведенного исследования стали научные публикации, экспертные заключения специалистов Американской ассоциации психологов и национальных академий наук, инженерии и медицины, а также аналитические материалы специалистов, представленных в обширной области блогосферы по теме выполненной работы. Наряду с отмеченным, автор обратился к анализу статистических данных, иллюстрирующих динамику развития онлайн-индустрии и презентующих ранжирование конкретных видов онлайн-игр по степени обращения к ним представителей гемблер-сообщества.

”

*Эвентуальность
негативного сценария игровой
зависимости во многом
предопределена снижением
индивидуумом контроля своего
поведения, в том числе по
причине эмоционального
выгорания личности*

“

Источниковую базу проведенного исследования составили научные труды, авторами которых являются: А. З. Аббаси, М. У. Шах, Х. Хлавач, У. Рехман (Abbasi et al., 2021); Б. В. Бразо, Д. С. Ходжинс (Brazeau & Hodgins, 2022); М. Дубусон, Х. Ноэль, К. Корнрайх, К. Ханак, М. Сареманс, С. Кампанелла (Dubuson et al., 2023); А. Индраканти, М. Чутаке, С. Праути, В. Сундаранатха, В. Коверкатху (Indrakanti et al., 2022); Дж. Йонссон (Jonsson, 2019); А. Мазар, М. Цорн, Н. Беккер, Р. А. Фольберг (Mazar, 2020); А. А. Разак, В. М. К. Ф. В. Хайрулдин, Х. Ф. М Решад, М. З. Б. М. Мохамад, В. Н. И. В. Н. Анас, (Razak et al., 2021) и др.

Методология, методы и материалы исследования

В процессе исследования применялись различные общенаучные и частнонаучные методы, которые тра-

диционно используются в гуманитарных науках. Так, диалектический и формально-логический методы обеспечили всестороннее изучение проблемы психологической зависимости у лиц, подверженных азартным играм, что позволило представить видовую характеристику современных азартных онлайн-игр, вовлеченность определенной категории людей в игровой процесс, а также ряд психологических и социальных последствий их участия в процессе гемблинга. Наряду с выявлением отмеченных связей указанные методы позволили установить причины, мотивацию и особенности поведения человека в условиях его обращения к потенциалу современного цифрового мира в части персонального участия в азартных онлайн-играх.

В число частнонаучных методов проведенного исследования входят системно-структурный, кросс-темпоральный методы, метод экспертных оценок и ряд других. Системно-структурный метод обеспечил проведение анализа наиболее значимых элементов структуры игорного бизнеса в его цифровом варианте, оказывающих непосредственное влияние на формирование у онлайн-гемблера зависимости от своей вовлеченности в систему координат игрового процесса. Кроме того, данный метод позволил уточнить систематизацию признаков игрового расстройства личности, а также провести классификацию основных видов проблемных азартных игр.

Кросс-темпоральный метод способствовал выявлению темпоральных проявлений игровой зависимости лиц, входящих в категорию гемблеров, и наличие корреляции между традиционной азартной игрой в офлайн-формате и онлайн-игрой в системе координат виртуальной реальности. Метод экспертных оценок опирался на экспертные оценки зарубежных специалистов, которые провели интуитивно-логический анализ проблемы гемблинг-аддикции, подкрепив свои выводы количественной оценкой суждений и формальной обработкой достигнутого результата. Руководствуясь данным методом, представляется целесообразным полученные зарубежными специалистами результаты и обобщенное в них экспертное мнение оценить как решение рассмотренной проблемы. В методологическом отношении большое значение имело обращение к зарубежному опыту интегрирования в процедуры психологического скрининга необходимого инструментария, целеполагание задействования которого сопряжено с решением обширного круга вопросов психодиагностики игровой зависимости онлайн-гемблеров.

Результаты исследования

Итоговым результатом исследования является обоснование вывода о том, что феномен гемблинга и корреспондирующее ему состояние аддикции с точки зрения их влияния на социальные аспекты жизни

индивидуума и особенности его поведения свидетельствуют о наличии комплекса вопросов, от решения которых зависят степень полноценного интегрирования человека в окружающую его социальную действительность и реализация, в зависимости от характера его поступков, ожиданий профессионального сообщества, его семьи, а также наступления эффекта ожидаемой самореализации самого индивидуума.

Как следует из проведенного исследования, достижение успеха в освобождении человека от игровой зависимости в значительной степени определяется комплексным воздействием на гемблера со стороны специалистов в областях педагогики, психологии, психиатрии и медиков-клиницистов. При этом определяющее значение для нейтрализации игрового расстройства личности, наряду с осознанием гемблером опасности своей увлеченности азартной игрой, имеет комплексная терапия, включающая следующие виды: когнитивно-поведенческую, психодинамическую, групповую, семейную.

Обсуждение результатов исследования

Фактор дигитализации ряда сущностных основ многомерной конструкции современного социума предопределяет целесообразность апеллирования к новому осмыслению такого проявления девиантности личностных качеств индивидуума, как аддикция, и сопряженных с ней практик, формирующих формат соответствующего поведенческого паттерна, который сопровождается последующим переводом личности в состояние патологической зависимости, определяющей на персональном уровне наличие психологического комфорта для человека, постоянно обращающегося к контенту цифрового мира. При этом система координат этого мира обеспечивает человеку как субъекту коммуникации со своим «виртуальным визави» реализацию его ценностных идеалов и ожидаемых предпочтений, создавая таким образом некий мост между эвентуальными ожиданиями, как правило, эфемерного характера, и действительностью, нередко материализованной в виде конкретных проблем жизненно важного или служебного характера.

Исследуя анатомию человеческой деструктивности и акцентируя внимание на биологической природе человеческого начала и нейрофизиологии индивидуума, Эрих Фромм приходит к выводу о первопричине феномена аддикции как зависимости, возникновение которой предопределяется эффектом экзистенциальной раздвоенности человека, проявляющейся в стремлении установления им целостности как с самим собой, так и с окружающим его миром. В ряде случаев попытка восстановления человеком своей целостности сопровождается отключением его разума, переводимого в состояние мании или зависимости от «пожирающей» человека страсти» (Фромм, 1994, с. 203–204). Кроме того, наличие множества примеров игнорирования

человеком опасных условий своего взаимодействия с виртуальным миром или реальной действительностью определяется следующим обстоятельством: «Мы очень часто упускаем из виду, что люди сплошь и рядом желают того, что несет им не пользу, а вред, и уже сами эти желания являются симптомом дисфункции (внушаемости)» (Фромм, 1994, с. 228).

Современные гаджеты и их мобильные приложения упрощают процесс социального взаимодействия, а положенные в их основу «цифровые технологии способствуют формированию у людей ненасытного аппетита к информации, которая оказывается всегда под рукой» (Indrakanti et al., 2022). Простор для упрощения доступа к азартным видеоиграм обеспечивает также современная индустрия потребительских видеоигр (Abbasi et al., 2021). При этом доступность игорного бизнеса существенным образом способствует расширению диапазона действий для онлайн-игр, который варьируется от игры в рулетку или при помощи игровых автоматов в онлайн-казино до покупки лотерейных билетов или ставок на скачки с помощью смартфона (Conolly et al., 2018, p. 5).

Обеспечивая реализацию ожиданий людей по «наделению» их виртуальным вознаграждением в виде лайков и комментариев, а также фотографиями и новостным контентом, гаджет-индустрия посредством специальных мобильных приложений способствует укреплению гаджет-зависимости как чувству побуждения к перманентному общению «homo sapiens» со своим «цифровым другом». Указанный вид аддикции имеет прочное сопряжение с непосредственной доступностью «колеса фортуны» онлайн-игры, демонстрирующего геймерам простоту получения материального вознаграждения. Таким образом происходит углубление процесса цифровизации поведения человека как отражения мира его эмоций, в том числе получаемых им при вовлечении индивидуума в азартную игру. Отмеченное соответствует выводу указанных специалистов «Центра предпринимательства и технологий Сутарджа» (институт Калифорнийского университета в Беркли, США), заметивших с точки зрения когнитивно-поведенческой терапии согласованность взаимного влияния эмоций, мыслей и поведения человека (Indrakanti et al., 2022).

По нашему представлению, относительная удаленность биологической природы индивидуума от «подлинного лица» виртуальной среды как «цифрового партнера» человека способствует принижению первой стороной уровня опасности со стороны второй и, как следствие, попаданию разума человека в сети цифровых технологий, предлагающих палитру моделей игровых вариантов и презентующих доступность обогащения в ситуации гемблинга.

Понятие «гемблинг», или азартная игра, означает участие игрока в событии, характеризующем эле-

ментами случайности и намерением выиграть что-либо ценное («ставка»), полагаясь в игровом моменте на удачу. По мнению канадского ученого и специалиста в области восстановительной медицины Э. М. Шарруа, под азартной игрой следует понимать деятельность, включающую в себя любые ставки или пари для себя или других, и где результат неясен и зависит от случая или навыков (Charrois, 2013, p. 1). Презентуя подготовленный им модуль самообучения по клиническим аспектам проблемного поля азартных игр, указанный автор указывает на крайне негативное их влияние в отношении отдельных лиц, семьи и различных сообществ (Charrois, 2013, p. 1). Разновидностью гемблинга является беттинг, непосредственно связанный со ставками на спорт, а для случая онлайн-беттинга – на киберспорт. Все большую популярность в мире приобретает участие онлайн-игроков в такой области, как фэнтези-спорт.

Необходимо заметить, что любая азартная игра предполагает обязательность задействования комплекса трех элементов: 1) ожидаемое вознаграждение (сумма ставок); 2) риск (шанс); 3) получаемый приз. В настоящее время наиболее распространенными азартными играми с применением игровых онлайн-автоматов (онлайн-слотов, метафорично именуемых однорукими бандитами и функционирующих в режиме онлайн-казино («online-ca\$ino») являются видеопокер, блэкджек, баккара, рулетка и др.

Отдельного внимания заслуживает учет фактора риска участия человека в определенном виде игры, в том числе степень его вовлеченности в азартную игровую ситуацию. Отмеченное позволяет обратить внимание на исследование данного вопроса учеными Массачусетского университета в Амхерсте (UMass). На основе базового общего обследования (BGPS) и базового онлайн-панельного обследования (BOPS) репрезентативной выборки из числа взрослых жителей штата Массачусетса, включая проблемных игроков, специалисты указанного учебного заведения выявили, что обследованные группы игроков, участвующих в азартных играх в казино, бинго и спортивных ставках, содержали более высокую долю проблемных игроков, а высокая вовлеченность в азартные игры также положительно ассоциируется с игровой зависимостью. При этом тип азартной игры, в которой участвует человек, действительно опосредует взаимосвязь между игровой зависимостью и вовлеченностью. Указанное в большей степени приемлемо при игре в казино, включая его онлайн-формат (Mazar et al., 2020).

В целях получения игроками большей остроты ощущений и сопричастности к онлайн-подобию мира реально существующего физического казино, организаторы гемблинга рекламируют для игроков-потребителей услуг онлайн-казино целесообразность их общения с «живыми дилерами». В ряде случаев учредители

игрового онлайн-процесса предлагают для неискушенных новичков бесплатное подключение к цифровым платформам азартных онлайн-игр или ориентируют их на «эксклюзивные» сайты онлайн-лотерей в номинациях: «наилучшего баланса качества и доступности» («LottoAgent»); эффективного банковского раздела с поддержкой биткоинов («Wintrillions») и др.¹

По результатам опроса участников онлайн-игр в США, проведенного в 2021 г. британской социологической и маркетинговой компанией «YouGov», занимающейся социологическими и маркетинговыми ис-

”

Определяющее значение для нейтрализации игрового расстройства личности, наряду с осознанием гемблером опасности своей увлеченности азартной игрой, имеет комплексная терапия, включающая следующие виды: когнитивно-поведенческую, психодинамическую, групповую, семейную

“

следованиями во многих странах мира, можно судить о положительной динамике ландшафта гемблинга с использованием таких онлайн-продуктов, как: 1) покупка лотерейного билета в интернете; 2) покупка лотерейного билета с мгновенным выигрышем в интернете; 3) покупка счастливого билета для розыгрыша дорогого приза. Данная онлайн-продукция входит в четверку лидеров с 42 %, 23 % и 12 % соответственно. Что касается места ставок на спортивные игры в интернете, то этот вид игровой деятельности занимает второе место (36 %), а доля онлайн-ставок на иные виды со-

временных виртуальных игр представлена следующим образом: слоты (13 %); бинго и кено (11 %); настольные и другие карточные игры, включая покер (10 %).

Углубляясь в мотивы азартных игр, организаторы проведенного опроса выявили у респондентов сходство в главных мотиваторах в зависимости от типа азартных игр. Например, для игроков в онлайн-лотерею основным мотивом участия является фантазия о выигрыше (42 %), а мотивы развлечения и получения крупного выигрыша являются вторичными. Респонденты из числа приверженцев регулируемых ставок на онлайн-спорт (E-sports, Fantasy Sports) главной мотивацией для себя считают развлечения (57 %), второстепенной – улучшение своего спортивного опыта (34 %)².

Анализ некоторых источников зарубежной психологии в части выявления основных видов гемблинга и потенциала его аддикции позволяет выделить: 1) проблемные азартные игры³; 2) компульсивные азартные игры⁴; 3) патологические азартные игры⁵. Представленной видовой конструкции гемблинга соответствует аналогичного рода понимание интернет-аддикции в целом, что отражено в работе ученых из Малайзии, констатирующих такие виды интернет-расстройств, как: 1) патологическое; 2) простое; 3) проблемное (Razak et al., 2021).

По номенклатуре азартных игр, представленной Национальными академиями наук, инженерии и медицины (NASEM) (США), следует различать следующие виды гемблинга:

1. Патологическая азартная игра: психическое расстройство, характеризующееся постоянной или периодической потерей контроля над азартными играми, озабоченностью азартными играми и получением денег для игры, иррациональным мышлением и продолжением поведения, несмотря на неблагоприятные последствия.

2. Проблемная азартная игра: синоним либо неупорядоченной азартной игры, либо чрезмерной азартной игры.

3. Рекреационная азартная игра: азартная игра в развлекательных или социальных целях без вредных последствий (Pathological Gambling: A Critical Review, 1999).

¹ 6 лучших сайтов онлайн-лотерей на 2023 год (2023). URL: <https://lotterytexts.com/ru/best-lottery-sites/> (дата обращения: 28.05.2023).

² International Gambling Report. Opportunities for gambling companies to win big (2021). URL: <https://www.prolificnorth.co.uk/sites/default/files/yougov-global-gambling-report-1.pdf> (дата обращения: 27.05.2023).

³ June 2023 Substance Abuse and Problem Gambling Treatment Program Committee Meeting. URL: <https://hhs.iowa.gov/june-2023-substance-abuse-and-problem-gambling-treatment-program-committee-meeting> (дата обращения: 07.06.23).

⁴ Compulsive gambling. Overview. URL: <https://www.mayoclinic.org/diseases-conditions/compulsive-gambling/symptoms-causes/syc-20355178?p=1> (дата обращения: 01.06.2023).

⁵ Resolution Recognizing the Month of March 2023 as «Problem Gambling Awareness Month» in New Jersey. URL: [https://nj.gov/treasury/gcada/home/resolutions/docs/2023/2023 Problem Gambling Awareness Resolution.pdf](https://nj.gov/treasury/gcada/home/resolutions/docs/2023/2023%20Problem%20Gambling%20Awareness%20Resolution.pdf) (дата обращения: 02.06.2023).

Указанные виды гемблинга, как впрочем и присущие им термины, в психологической науке используются взаимозаменяемо, несмотря на различные поведенческие условия, сопутствующие их проявлению (Emshoff et al., 2007).

Устанавливая тождественность гемблинга и явления игрового расстройства в качестве поведенческой зависимости личности Дж. Э. Грант и С. Р. Чемберлен констатируют неиссякаемость процесса азартных игр, несмотря на получаемые игроками потери финансового, социального и профессионального характера (Grant & Chamberlain, 2016). При этом центральный психологический парадокс игрового поведения заключается в следующем: почему широко распространенное среди игроков мнение о том, что «игровое заведение всегда выигрывает», не предотвращает чрезмерного увлечения азартными играми у людей с игровой зависимостью? (Limbrick-Oldfield et al., 2020, p. 1045).

В некотором смысле причина подверженности личности человека игромании объясняется суждениями американского психоаналитика Р. Р. Гринсона, являвшегося учеником В. Штекеля (ученика З. Фрейда) и О. Фенихеля, психиатром Мэрилин Монро и прототипом главного героя романа Л. Ростена «Капитан Ньюман, доктор медицины» (1963). Основывая свои выводы на исследовании поведения военнослужащих – участников Второй мировой войны, страдающих от посттравматического стресса, а также наблюдая за участием офицеров армии США в азартных играх с позиций разработанного им модифицированного психоаналитического подхода и придерживаясь нейтрально-технической линии поведения терапевта, Р. Р. Гринсон предложил следующую типологию игроков: любители, профессионалы и невротики.

Руководствуясь «терапевтическими рецептами» данного специалиста, представляется возможным несколько подробнее остановиться на характеристике указанных типов игроков. Если любители воспринимают свое участие в игре как развлечение, то профессионалы руководствуются навязчивой идеей вождельного заработка. Что же касается невротиков, то последние просто не могут удержаться от игры. Когда же невротики начинают играть, то их чувство тревоги и депрессии временно ослабевает, что в последующем сопровождается усугублением их проблемного поведения. По указанной причине невротического типа игроков именуют избегающими в силу того, что целеполагание их игрового действия заключается в том, чтобы избежать неприятных эмоций и личных проблем. Что касается активных игроков, то ими управляют адреналин, азарт и желание выиграть. Представители указанного типа игроков, как правило, более образованны, амбициозны и успешны. Вместе с тем активные игроки могут оказаться в группе избегающих, поскольку профессиональный игрок также может стать невротиком (Greenson, 1947).

Анализ пятого пересмотра «Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам» (DSM–5) свидетельствует о реклассификации в отмеченном документе патологической склонности человека к азартным играм: из расстройства импульсивного контроля в поведенческую зависимость. Обоснование этого изменения основывается на результатах исследования путей вознаграждения мозга, выявившего наличие общего между патологической склонностью к азартным играм и расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ. Оба явления связаны с тягой и максимумом, имеют генетические факторы и те же формы лечения.

”

*Феномен гемблинга
и корреспондирующее
ему состояние аддикции
приобретают характер
устойчивого барьера для
полноценного интегрирования
человека в окружающую его
социальную действительность*

“

Как следует из текста DSM–5, у человека в течение 12-месячного периода должно быть выявлено четыре из девяти указанных ниже поведенческих признаков, с учетом которых представляется возможным диагностировать у него игровое расстройство в соответствии с диагностическими критериями DSM–5 и когда игровое поведение может привести к клинически значимым нарушениям, или дистрессу. Указанные далее диагностические признаки игрового расстройства, по версии APA, описываются как постоянное и повторяющееся проблематичное игровое поведение.

В свод отмеченных признаков входят:

- 1) увлеченность азартными играми или толерантность, при которой проявляется желание играть с увеличивающейся суммой денег в целях получения острых ощущений;
- 2) абстинентный синдром, сопровождающийся беспокойством или раздражительностью при попытке сокращения интенсивности игры или стремлении прекращения участия в азартной игре;

3) потеря контроля, приводящая к неоднократным безуспешным попыткам контролировать свои игровые действия, сокращать их продолжительность или прекратить участие в азартной игре;

4) озабоченность в виде частого увлечения процессом своей азартной игры;

5) «побег», заключающийся в попытке повторить игру для преодоления чувства психологической подавленности;

6) феномен «погоны», проявляющийся в повторении (после проигрыша) нового участия в игре с целью отыграться;

7) обман, сводящийся к ложному пониманию последствий азартной игры и неадекватной оценке масштаба вовлеченности в азартную игру;

8) перевод в состояние угрозы важного в жизни человека, сопровождаемый угрозой или потерей важных отношений, работы, возможности получения образования или карьеры по причине негативных последствий участия в азартной игре;

9) «поиск спасения», проявляемый в надежде на помощь окружающих в разрешении сложных финансовых проблем, вызванных азартной игрой (American Psychiatric Association, DSM-5 Task Force, 2013).

По оценке APA игровое расстройство игрока считается легким при наличии 4–5 критериев, средним – при наличии 6–7 критериев и тяжелым – при соблюдении 8–9 критериев.

Деструктивный характер онлайн-гемблинга и созвучной ему интернет-аддикции, выражающийся в угрозе физическому и психическому здоровью человека, подтверждается пересмотренными в 2022 г. положениями DSM-5, сформулированными на основе исследования широкого фенотипа проблемного поведения вовлеченных в онлайн-игры людей, у которых диагностировано интернет-игровое расстройство. В репрезентативной выборке среди двух групп респондентов (интернет-зависимые и зависимые геймеры), страдающих указанным расстройством (по критериям DSM-5), выявлен одинаково повышенный риск эмоциональных симптомов расстройства поведения: 1) гиперактивность / невнимательность; 2) суицидальные мысли; 3) самоповреждающее и (или) суицидальное поведение.

Наряду с указанным в отмеченном DSM-5 констатируются следующие функциональные последствия интернет-игрового расстройства: 1) снижение показателей профессиональной деятельности; 2) потеря рабочего места; 3) проблемы в личной и семейной жизни. Что касается дифференциальной диагностики, то фактор чрезмерного увлечения интернетом в виде использования социальных сетей, но не связанного с онлайн-играми, не считается аналогом игрового интернет-расстройства. Таким образом, злоупотребление азартными играми в интернете может квалифициро-

ваться как отдельный диагноз игрового расстройства (American Psychiatric Association, DSM-5 Task Force, 2022, pp. 183–184).

Проводя равенство между поведенческой зависимостью и патологической сущностью азартной игры, К. Манн, М. Фаут-Бюлер, С. Хигути, М. Н. Потенца и Дж. Б. Сондерс оценивают патологическую азартную игру в качестве «поведенческой» зависимости, при которой человек пристрастился не к вознаграждающему химическому веществу, а к приносящему ему удовлетворение поведению (Mann et al., 2016). Данный вывод соответствует утверждению зарубежных специалистов в области поведения и социальных наук, обеспечивших доступ к критически важному контенту для обмена мнениями по проблеме гемблинга на поисковой цифровой платформе «APA PsycNet».

Исходя из содержания представленной на указанном академическом ресурсе информации, азартные игры предоставляют возможность для возрождения у игрока бессознательных эдипальных фантазий, удовлетворения бессознательных потребностей, а с учетом переживания игроком невротического состояния, азартную игру следует отнести к категории импульсивного невроза, отрицающего чувство опасности. По указанной причине игровой невроз является попыткой защититься от надвигающейся тяжелой депрессии. В целом же проявление, прогноз и лечение указанной патологии аналогично проявлению, прогнозу и лечению других пристрастий и извращений (Greenon, 1947).

При рассмотрении гемблинг-аддикции личности современного цифрового мира небезыntenесным представляется обращение к вопросу зависимого поведения представителей некоторых профессиональных сообществ, и прежде всего полиции. В данном случае важно наиболее обстоятельно исследовать именно профессиональную среду, в пределах которой происходит «отлаживание» системы психической деятельности личности полицейского. Данный тезис соответствует размышлениям отдельных зарубежных специалистов, оценивающих черты характера личности в качестве эффективных прогностических факторов профессионально-релевантного поведения индивидуума в конкретных условиях реализации им своей социальной миссии (Фернхем, Хейвен, 2001, с. 210).

Изучая обширное поле стрессоров критических инцидентов, характерных для области профессиональной полицейской деятельности, и обращая внимание на системный характер особенностей полицейской службы в части: 1) общения с враждебно настроенными подозреваемыми; 2) применения физической силы и огнестрельного оружия; 3) служебного реагирования на неприглядные места преступления; 4) визуального наблюдения за погибшими людьми и ряда других событий, вызывающих психологическую травму у личного

состава полиции и способствующих злоупотреблению алкоголем, американский специалист в области криминальной юстиции Э. Завала посвятил свое исследование выявлению взаимосвязи проблемного употребления алкоголя служащими полиции Балтимора (штат Мэриленд, США) с их участием в азартных играх.

Согласно данному исследованию, проблемный характер алкоголизации американских полицейских обусловлен комплексом причин: во-первых, применением к ним физического насилия со стороны их интимных партнеров; во-вторых, персональным профессиональным выгоранием; в-третьих, снижением уровня самоконтроля за своим поведением. Испытывая состояние стресса, отдельные полицейские стремятся к минимизации его последствий посредством не только употребления алкоголя, но и участия в азартных играх.

По мнению Э. Завала, роль азартных игр в проблемном употреблении алкоголя среди полицейских заслуживает эмпирического исследования по двум причинам: во-первых, арест полицейского за преступление, связанное с употреблением алкоголя, как, впрочем, и за любое другое преступление, может негативно отразиться на департаменте полиции, потенциально подрывая как его легитимность, так и доверие общества к этому департаменту; во-вторых, проводимые исследования масштаба действия стрессоров критических инцидентов на поведение американских полицейских, включая применение к ним насилия со стороны интимных партнеров, а также увлеченность служащих полиции алкоголем, не обращены достаточным образом к явлению гемблинга среди представителей указанной профессиональной корпорации.

Отмеченные причины, безусловно, требуют целенаправленного и углубленного изучения не только руководящим составом полиции, но и соответствующими специалистами в области психологии, психиатрии, социологии, антропологии и других научных направлений, в русле которых представляются актуальными попытки дальнейшего предметного выявления дополнительных факторов риска злоупотребления алкоголем и участия полицейских в азартной игре.

Применяя перекрестное исследование «Полицейский стресс и домашнее насилие в семьях полицейских», реализованное совместными действиями полицейского управления Балтимора, «Братского полицейского ордена Балтимора» и исследовательской группы из «Школы общественного здравоохранения Джона Хопкинса», психологи указанных структур организовали заполнение служащими полиции пятистраничной анкеты во всех участках полицейского управления.

Целями проведенного опроса стали документирование уровня стресса среди полицейских и выявление его взаимосвязи с рядом неблагоприятных форм поведения, включая проблемное употребление алкоголя

и участие в азартных играх. Объективно оценивая итоги указанного опроса, Э. Завала не исключает влияния социальной желательности на правдивость ответов респондентов, сообщающих о таких девиантных формах поведения, как азартные игры и злоупотребление алкоголем. По мысли автора, указанное объясняется тем, что участники опроса в полном объеме осведомлены о негативных и криминальных последствиях отмеченных форм поведения.

В процессе названного исследования зависимая переменная касалась проблемного употребления алкоголя, а переменная – влияния стресса на участие в азартной игре. Фиксация участия в азартных играх предполагала ответ служащих полиции на один вопрос: «Когда вы сталкиваетесь со стрессовыми ситуациями на работе и как часто вы играете в азартные игры?». При этом респондентам предлагалось излагать свой ответ по 4-балльной шкале Лайкерта (от 1 = никогда, до 4 = всегда), согласно которой более высокие баллы указывают на большую вовлеченность опрошиваемого полицейского в азартные игры.

В соответствии с этапами аналитического плана проведенного исследования оценка степени соотношения между стрессорами, вызывающими критический инцидент, и вероятностью азартных игр производилась по обычной модели наименьших квадратов. Окончательный размер выборки респондентов составил 1018 служащих полиции. На момент проведения опроса большинство сотрудников полиции были мужчинами (85,8 %), белыми (64,3 %) и женатыми (59,8 %). Кроме того, большинство сотрудников полиции не имели 4-летнего высшего образования (70,5 %).

Обращая внимание на зависимую переменную, следует сказать, что около 38 % полицейских в своих ответах сообщили о проблемах с употреблением алкоголя. Относительно независимой переменной, необходимо иметь в виду следующие данные: участие в азартных играх соответствовал средний балл 1,13 по шкале от 1 до 4. Также важно обратить внимание на предложенную Э. Завалом авторскую концептуализацию стресса, вызванного четырьмя критическими инцидентами, инициирующими эмоциональную реакцию полицейских: 1) «арест с применением насилия»; 2) «реагирование на кровавое место преступления»; 3) «личное знакомство с жертвой»; 4) «посещение полицейских похорон».

С учетом опасения полицейскими стигматизации, связанной с их дальнейшим психологическим консультированием, Э. Завала разделяет точку зрения своих коллег в части организации периодического консультирования для всех служащих полиции. По мысли автора, данный подход позволит скрыть от своих коллег потребность отдельных полицейских в получении психологической помощи. Резюмируя результаты рассмотренного исследования, психолог высказывается

в пользу разработки профилактических и лечебных программ, способствующих снижению полицейскими проблемного употребления алкоголя и минимизации их личного участия в азартных играх (Zavala, 2018).

С учетом изложенного представляется необходимым обратить внимание на исследование зарубежных ученых, обратившихся к сравнительному анализу потенциальных возможностей: с одной стороны, лиц, подверженных психическому расстройству по причинам проблемного употребления алкоголя и гемблинг-аддикции; с другой – здоровых субъектов контрольной группы. Данное исследование проводилось посредством задействования контекстного задания «Годен / Никогда» (Dubuson et al., 2023).

”

Понятие «гемблинг», или азартная игра, означает участие игрока в событии, характеризующемся элементами случайности и намерением выиграть что-либо ценное («ставка»), полагаясь в игровом моменте на удачу

“

Установив сходство аддиктивного потенциала игровых онлайн-автоматов с потенциалом игры в реально существующих физических видах казино и проведя исследование на выборках студентов и игроков «со стажем» уровня их азарта во время гемблинга, Г. Андерсон и Р. Браун подтвердили влияние серии выигрышей и проигрышей на игровое поведение и взаимосвязь игроков с поиском для них острых ощущений как в реальных, так и в искусственно созданных онлайн-игровых ситуациях. При этом во время игры в блэк-джек у испытуемых регистрировалось в среднем увеличение частоты сердечных сокращений (по сравнению с базовыми показателями) и демонстрировалось удовольствие от своего игрового поведения (Anderson & Brown, 1984).

Следует заметить, что отдельные виды азартной онлайн-игровой деятельности (например, видео-покер) требуют, как это отмечается ранее, определенных навыков, а другие (такие как рулетка) являются чисто

случайными событиями. Некоторые виды азартной онлайн-игровой деятельности имеют относительно социальный характер и основаны на организации соответствующего взаимодействия (видео-покер, онлайн-ставки на спорт, онлайн-лотереи). Другие игры отличаются своей уединенностью и в большинстве случаев преследуются по закону (онлайн-слоты).

Выявление различия в типологии азартных игр позволяет учесть не только степень их проблемного значения, но и провести градацию типов людей, склонных к проявлению патологического участия в конкретном виде азартной игры. Данный тезис подтверждает Т. Холтгрейвс, говоря о том, что разные типы людей участвуют в азартных играх с разными последствиями (Holtgraves, 2009, p. 295). Такой вывод коррелирует результатам исследования о наличии причинно-следственной связи между азартными играми в интернете и игровой зависимостью определенных типов онлайн-игроков, которое провели американские психологи Х. С. Филандер и Т.-Л. Маккей. Применяя в процессе выполняемой ими работы репрезентативную выборку онлайн-игроков из Соединенного Королевства Великобритании и панель онлайн-исследований гемблеров из канадской провинции Онтарио, а также проводя стратификацию респондентов по возрасту, полу, региону, образовательному цензу, статусу курения, категории употребления алкоголя и ряду других переменных, указанные специалисты разделили участников опроса на следующие категории «серьезности игровой зависимости» (англ. «problem gambling severity», PGSI): а) без проблем / неигровые игроки (81,1 %); б) низкий риск (10,9 %); в) средний риск (4,6 %); г) проблемные игроки (3,5 %).

Использование на основе метода эмпирической оценки уравнения для определения упорядоченной регрессионной модели, лежащей в основе выявления взаимосвязи между участием в азартных онлайн-играх и игровой зависимостью, позволило установить следующее: более высокие уровни серьезности игровой зависимости респондентов связаны с их принадлежностью к мужскому полу, более молодому возрасту, расовому меньшинству, а также плохим общим состоянием здоровья, низкой самооценкой и принадлежностью к разряду курильщиков и сильно пьющих.

Вместе с тем, указывая на целесообразность юридикации в современном обществе отношений между игроками и учредителями различных моделей игрового онлайн-бизнеса, Х. С. Филандер и Т.-Л. Маккей призывают сообщество политиков и законодателей к осознанию ими того, что легальное принятие онлайн-гемблинга обеспечит поддержку планов: 1) экономического роста; 2) снижения вероятности отмыывания денег и 3) улучшения безопасности игроков за счет формального регулирования игровой онлайн-деятельности.

Что касается активизации продвижения азартных игр в интернете, то в соответствии с выводом указанных специалистов онлайн-игры создают минимальные переменные издержки для оператора за каждую дополнительную ставку, в то время как офлайн-гемблинг сопровождается значительными трудозатрами по причине задействования кассиров игровых автоматов, дилеров настольных игр и пит-боссов. Данное обстоятельство предопределяет предпочтение организации игр с более низким номиналом в интернете по сравнению, например, с офлайн-игрой в блэк-джек, где, как отмечают К. С. Филандер и Т.-Л. Маккей, минимальные размеры ставок ниже 5 долларов на руку являются в действительности невыгодными для традиционного казино (Philander & MacKay, 2014).

При выявлении патологической склонности к азартным играм и выборе возможных вариантов лечения проблемных игроков необходимо отметить капитальный труд «Патологическая азартная игра: клиническое руководство по лечению», подготовленный коллективом из 32 ведущих зарубежных специалистов и содержащий обширный обзор клинических характеристик азартных игроков, многие аспекты психотерапии и психофармакологии, а также методики диагностирования патологической склонности к азартным играм (рекреационным, проблемным и патологическим) и соответствующий инструментарий (тесты, шкалы и диагностические критерии). Особого внимания заслуживают материалы из области этиологии, детализирующей сферы психологии (поведенческие, когнитивные и диспозиционные теории), нейробиологии (норадренергическая, серотонинергическая, дофаминергическая и опиоидергическая системы), а также семейные и наследственные факторы, способствующие объяснению поведения патологической склонности к азартным играм (Grant & Potenza, 2021).

Отмеченные выше (по версии APA) диагностические признаки поведения при игровом расстройстве и зафиксированные в DSM-5, во-первых, обеспечивают основу для клинического диагноза, который ставится в клинических условиях врачом или психологом; во-вторых, заложены в механизме инструментария, способствующего профилактике и лечению игровой зависимости индивидуума, бытие которого протекает в условиях цифрового мира.

Указанный инструментарий в обобщенном виде представлен в академической диссертации шведского ученого Я. Йонссона, подготовленной на соискание степени доктора философии в области психологии (Стокгольмский университет). В свод этого инструментария включены:

1) SOGS – South Oaks Gambling Screen: опросник из 20 пунктов, используемый для выявления патологической склонности к азартным играм в клинических условиях. Этот инструмент был разработан на основе

стационарной популяции мужчин в больнице Вирджинии (США);

2) PGSI – Problem Gambling Severity Index: сокращенная версия оригинального инструмента «Канадский индекс игровой зависимости», рекомендованного для использования как клиентами при их самооценке, так и медицинскими работниками в качестве части проводимого ими процесса скрининга;

3) NODS – NORC DSM-IV Screen for Gambling Problems: опросник из 34 пунктов, позволяющий проводить психометрическую оценку диагностического игрового расстройства по версии DSM-5 (Brazeau & Hodgins, 2022);

”

Выявление различия в типологии азартных игр позволяет учесть не только степень их проблемного значения, но и провести градацию типов людей, склонных к проявлению патологического участия в конкретном виде азартной игры

“

4) PPGM – Problem and Gambling Measure: инструмент для измерения проблем и патологических азартных игр у молодых людей (Jonsson, 2019, p. 24–25).

Наряду с указанными методиками диагностирования игрового расстройства, отдельные специалисты указывают на целесообразность задействования таких инструментов, как:

1) South Oaks Gambling Screen – Revised Version (SOGS – RA): пересмотренная версия SOGS, разработанная для измерения патологической склонности к азартным играм среди подростков;

2) CAMH Gambling Screen: инструмент, разработанный в «Центре зависимости и психического здоровья» (CAMH) и предназначенный для быстрого выявления людей, имеющих проблемы с азартными играми, но которые в настоящее время не обращаются за лечением от игровой зависимости. Кроме того, CAMH Gambling Screen следует рассматривать как инструмент самооценки;

3) Check Your Gambling: пятистраничный опросник, предназначенный для использования в качестве анонимного инструмента, который поможет игрокам, их близким и медицинским работникам ответить на вопросы об участии человека в азартных играх;

4) GA 20 Questions: опросник, разработанный «Международной службой анонимных игроков» (англ. «Gamblers Anonymous International Service») и предназначенный для самооценки «пристрастия к азартным играм». Однако с учетом отсутствия научного тестирования указанной методики следует проявлять осторожность при ее использовании (Charrois, 2013, p. 3–4).

Выводы

Как следует из материалов исследования «Gambling Capital», являющегося ведущим консалтинговым агентством по данным для мировой индустрии азартных игр, общий глобальный валовой выигрыш в 2023 г. ожидается около 483 млрд долларов, а в 2027 г. он составит более 585 млрд долларов⁶. Отмеченная динамика развития глобального рынка гемблинг-индустрии не только свидетельствует о популярности азартных игр, но и позволяет обратить внимание на форсированное воздействие современных технологий цифрового мира в направлении предоставления человечеству удобных предложений по участию его представителей в многообразии онлайн-вариантов решения своих финансовых проблем или минимизации угнетенного психофизиологического состояния их организма. Рекламируя привлекательность и простоту участия потенциальных игроков в гемблинге, сайты онлайн-азартных игр активизировали наём знаменитостей и лидеров общественного мнения в качестве послов своих брендов.

Простота онлайн-доступа к интернету значительно облегчила игрокам возможность делать ставки в азартных процедурах, используя при этом видеолотерейные терминалы, кено, скретч-карты, специальные предложения мобильных азартных игр, интерактивное телевидение и др. В условиях снижения на мировой арене «цифровой технофобии» и облегчения доступа к интернету многие страны начинают испытывать социальные издержки онлайн-гемблинга, а вовлеченный в процесс азартной игры индивидуум переходит в систему координат персональной аддикции, деструктивным образом влияющей на состояние его психики.

Представленный в данном исследовании опыт ряда зарубежных стран с высоким уровнем онлайн-гемблинга свидетельствует, во-первых, о востребованности новых подходов к решению вопроса психологического сопровождения личности, в том числе для различных областей ее профессиональной деятельности; во-вторых, о целесообразности консолидированных усилий специалистов в области педагогики, психологии, психиатрии и медицины, результирующий вектор воздействия которых на подверженного игромании человека следует ориентировать в целях его психологической защиты от негативных сторон азартных игр, а при необходимости и для проведения медико-психологической реабилитации личности. Акцентируя внимание на важности освобождения гемблеров от проявляющихся у них симптомов игрового расстройства, важно обратить внимание, что для лечения подобного рода девиантного состояния используются различные виды терапии, включая когнитивно-поведенческую, психодинамическую, групповую, семейную.

Список литературы

- Фернхем, А., Хейвен, П. (2001). *Личность и социальное поведение* (пер. с англ. Н. Мальгина). Санкт-Петербург: Питер.
- Фромм, Э. (1994). *Анатомия человеческой деструктивности* (пер. с нем. Э. М. Телятниковой). Москва: Республика.
- Abbasi, A. Z., Shah, M. U., Rehman U., Hlavacs, H., Ting, D. H., & Nisar S. (2021). The Role of Personality Factors Influencing Consumer Video Game Engagement in Young Adults: A Study on Generic Games. *IEEE Access*, 9, 17392–17410, <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2021.3053207>
- Anderson, G., & Brown, R. I. F. (1984). Real and laboratory gambling, sensation-seeking and arousal. *British Journal of Psychology*, 75 (3), 401–410. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8295.1984.tb01910.x>
- American Psychiatric Association, DSM-5 Task Force. (2013). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-5™* (5th ed.). American Psychiatric Publishing, Inc. <https://doi.org/10.1176/appi.books.9780890425596>
- American Psychiatric Association, DSM-5 Task Force. (2022). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-5™* (5th ed.). American Psychiatric Publishing, Inc. <https://doi.org/10.1176/appi.books.9780890425787>
- Brazeau, B. W., & Hodgins, D. C. (2022). Psychometric evaluation of the NORC diagnostic screen for gambling problems (NODS) for the assessment of DSM-5 gambling disorder. *Addictive Behaviors*, 130. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2022.107310>

⁶ H2 Gambling Capital Updates Forecasts for Revised GDP Outlook and Announces Expanded Market Share Service (2022). URL: <https://h2gc.com/news/general/h2-gambling-capital-updates-forecasts-for-revised-gdp-outlook-and-announces-expanded-market-share-service> (дата обращения: 18.06.2023).

- Charrois, E. M. (2013). *Gambling. Information and Evaluation Services, Edmonton Zone*. URL: https://www.researchgate.net/publication/275971279_Gambling (дата обращения: 27.05.2023).
- Conolly, A., Davies, B., Fuller, E., Heinze, N., & Wardle H. (2018). *Gambling behaviour in Great Britain in 2016. Evidence from England, Scotland and Wales*. London: NatCen Social Research. URL: <https://assets.ctfassets.net/j16ev64qyf6l/60qlzeoSZIJ2QxByMAGJqz/e3af209d552b08c16566a217ed422e68/Gambling-behaviour-in-Great-Britain-2016.pdf#page43> (дата обращения: 05.06.2023).
- Dubuson, M., Noël, X., Kornreich, C., Hanak, C., Saeremans, M., & Campanella, S. (2023). A Comparative Event-Related Potentials Study between Alcohol Use Disorder, Gambling Disorder and Healthy Control Subjects through a Contextual Go/NoGo Task. *Biology*, 12 (5), 643. <https://doi.org/10.3390/biology12050643>
- Emshoff, J., Anthony, E., Lippy, C., & Valentine, L., (2007). *Gambling Report for the Georgia Department of Human Resources*. Georgia: Georgia State University. URL: <https://prism.ucalgary.ca/server/api/core/bitstreams/9069b617-5950-48f0-b28e-dbaad46f0313/content>
- Grant, J. E., & Chamberlain, S. R. (2016). Expanding the definition of addiction: DSM-5 vs. ICD-11. *CNS Spectrums*, 21 (4), 300–303. <https://doi.org/10.1017/S1092852916000183>
- Grant, J. E., & Potenza, M. N. (2021). *Pathological Gambling: A Clinical Guide to Treatment*. Amer Psychiatric Pub Inc.
- Greenson, R. R. (1947). On Gambling. *American Imago*, 4 (2), 61–77.
- Holtgraves, T. (2009). Gambling, gambling activities, and problem gambling. *Psychol Addict Behav.*, 23 (2), 295–302. <https://doi.org/10.1037/a0014181>
- Indrakanti, A., Chutake, M., Prouty, S., Sundaranatha, V., & Koverkathu, V. (2022). *Gadget Addiction*. URL: <https://scet.berkeley.edu/reports/gadget-addiction/> (дата обращения: 27.05. 2023).
- Jonsson, J. (2019). *Preventing problem gambling: Focus on overconsumption*. Doctoral Thesis in Psychology at Stockholm University. Stockholm: Stockholm University.
- Limbrick-Oldfield, E. H., Cherkasova, M. V., Kennedy, D., Goshko, C-B., Griffin, D., Barton, J. J. S., & Clark, L. (2020). Gambling disorder is associated with reduced sensitivity to expected value during risky choice. *Journal of Behavioral Addictions*, 9 (4), 1044–1055. <https://doi.org/10.1556/2006.2020.00088>
- Mann, K., Fauth-Bühler, M., Higuchi, S., Potenza, M. N., & Saunders, J. B. (2016). Pathological gambling: a behavioral addiction. *World Psychiatry*, 15 (3), 297–298. <https://doi.org/10.1002/wps.20373>
- Mazar, A., Zorn, M., Becker, N., & Volberg, R. A. (2020). Gambling formats, involvement, and problem gambling: which types of gambling are more risky? *BMC Public Health*. 20 (711), 1–11. <https://doi.org/10.1186/s12889-020-08822-2>
- Philander, K. S., & MacKay, T-L. (2014). Online Gambling Participation and Problem Gambling Severity: is there a Causal Relationship? *International Gambling Studies*, 14 (2), 214–227. <https://doi.org/10.1080/14459795.2014.893585>
- Pathological and Problem Gamblers in the United States. (1999). In *Pathological Gambling: A Critical Review* (chapter 3, pp. 63–106). Washington, DC: National Academies Press. <https://doi.org/10.17226/6329> URL: <https://nap.nationalacademies.org/read/6329/chapter/5>
- Razak, A.A., Khairuldin, W. M. K. F. W., Reshad, H. F. M., Mohamad, M. Z. B. M., & Anas, W. N. I. W. N. (2021). Gadget Addiction Factors in Malaysia: A Literature Review. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 11 (2), 151–156. <http://dx.doi.org/10.6007/IJARBS/v11-i2/8650>
- Zavala, E. (2018). Assessing the Role of Gambling on Problematic Alcohol Consumption by Police Officers. *Journal of Gambling Studies*. 34, 659–672. <https://doi.org/10.1007/s10899-017-9725-z>

References

- Fernhem, A., Hejven, P. (2001). *Lichnost' i social'noe povedenie* (per. s angl. N. Mal'gina). Saint Petersburg: Piter.
- Fromm, E. (1994). *Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti* (per. s nem. E. M. Telyatnikovoj). Moscow: Respublika.
- Abbasi, A. Z., Shah, M. U., Rehman U., Hlavacs, H., Ting, D. H., & Nisar S. (2021). The Role of Personality Factors Influencing Consumer Video Game Engagement in Young Adults: A Study on Generic Games. *IEEE Access*, 9, 17392–17410, <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2021.3053207>
- Anderson, G., & Brown, R. I. F. (1984). Real and laboratory gambling, sensation-seeking and arousal. *British Journal of Psychology*, 75 (3), 401–410. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8295.1984.tb01910.x>
- American Psychiatric Association, DSM-5 Task Force. (2013). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-5™* (5th ed.). American Psychiatric Publishing, Inc. <https://doi.org/10.1176/appi.books.9780890425596>
- American Psychiatric Association, DSM-5 Task Force. (2022). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-5™* (5th ed.). American Psychiatric Publishing, Inc. <https://doi.org/10.1176/appi.books.9780890425787>
- Brazeau, B. W., & Hodgins, D. C. (2022). Psychometric evaluation of the NORC diagnostic screen for gambling problems (NODS) for the assessment of DSM-5 gambling disorder. *Addictive Behaviors*, 130. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2022.107310>

- Charrois, E. M. (2013). *Gambling. Information and Evaluation Services, Edmonton Zone*. URL: https://www.researchgate.net/publication/275971279_Gambling (дата обращения: 27.05.2023).
- Conolly, A., Davies, B., Fuller, E., Heinze, N., & Wardle H. (2018). *Gambling behaviour in Great Britain in 2016. Evidence from England, Scotland and Wales*. London: NatCen Social Research. URL: <https://assets.ctfassets.net/j16ev64qyf6l/60qlzeoSZIJ2QxByMAGJqz/e3af209d552b08c16566a217ed422e68/Gambling-behaviour-in-Great-Britain-2016.pdf#page43> (дата обращения: 05.06.2023).
- Dubuson, M., Noël, X., Kornreich, C., Hanak, C., Saeremans, M., & Campanella, S. (2023). A Comparative Event-Related Potentials Study between Alcohol Use Disorder, Gambling Disorder and Healthy Control Subjects through a Contextual Go/NoGo Task. *Biology*, 12 (5), 643. <https://doi.org/10.3390/biology12050643>
- Emshoff, J., Anthony, E., Lippy, C., & Valentine, L., (2007). *Gambling Report for the Georgia Department of Human Resources*. Georgia: Georgia State University. URL: <https://prism.ucalgary.ca/server/api/core/bitstreams/9069b617-5950-48f0-b28e-dbaad46f0313/content>
- Grant, J. E., & Chamberlain, S. R. (2016). Expanding the definition of addiction: DSM-5 vs. ICD-11. *CNS Spectrums*, 21 (4), 300–303. <https://doi.org/10.1017/S1092852916000183>
- Grant, J. E., & Potenza, M. N. (2021). *Pathological Gambling: A Clinical Guide to Treatment*. Amer Psychiatric Pub Inc.
- Greenson, R. R. (1947). On Gambling. *American Imago*, 4 (2), 61–77.
- Holtgraves, T. (2009). Gambling, gambling activities, and problem gambling. *Psychol Addict Behav.*, 23 (2), 295–302. <https://doi.org/10.1037/a0014181>
- Indrakanti, A., Chutake, M., Prouty, S., Sundaranatha, V., & Koverkathu, V. (2022). *Gadget Addiction*. URL: <https://scet.berkeley.edu/reports/gadget-addiction/> (дата обращения: 27.05. 2023).
- Jonsson, J. (2019). *Preventing problem gambling: Focus on overconsumption*. Doctoral Thesis in Psychology at Stockholm University. Stockholm: Stockholm University.
- Limbrick-Oldfield, E. H., Cherkasova, M. V., Kennedy, D., Goshko, C-B., Griffin, D., Barton, J. J. S., & Clark, L. (2020). Gambling disorder is associated with reduced sensitivity to expected value during risky choice. *Journal of Behavioral Addictions*, 9 (4), 1044–1055. <https://doi.org/10.1556/2006.2020.00088>
- Mann, K., Fauth-Bühler, M., Higuchi, S., Potenza, M. N., & Saunders, J. B. (2016). Pathological gambling: a behavioral addiction. *World Psychiatry*, 15 (3), 297–298. <https://doi.org/10.1002/wps.20373>
- Mazar, A., Zorn, M., Becker, N., & Volberg, R. A. (2020). Gambling formats, involvement, and problem gambling: which types of gambling are more risky? *BMC Public Health*. 20 (711), 1–11. <https://doi.org/10.1186/s12889-020-08822-2>
- Philander, K. S., & MacKay, T-L. (2014). Online Gambling Participation and Problem Gambling Severity: is there a Causal Relationship? *International Gambling Studies*, 14 (2), 214–227. <https://doi.org/10.1080/14459795.2014.893585>
- Pathological and Problem Gamblers in the United States. (1999). In *Pathological Gambling: A Critical Review* (chapter 3, pp. 63–106). Washington, DC: National Academies Press. <https://doi.org/10.17226/6329> URL: <https://nap.nationalacademies.org/read/6329/chapter/5>
- Razak, A.A., Khairuldin, W. M. K. F. W., Reshad, H. F. M., Mohamad, M. Z. B. M., & Anas, W. N. I. W. N. (2021). Gadget Addiction Factors in Malaysia: A Literature Review. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 11 (2), 151–156. <http://dx.doi.org/10.6007/IJARBS/v11-i2/8650>
- Zavala, E. (2018). Assessing the Role of Gambling on Problematic Alcohol Consumption by Police Officers. *Journal of Gambling Studies*. 34, 659–672. <https://doi.org/10.1007/s10899-017-9725-z>

Информация об авторе:

Сергей Юрьевич Чимаров – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 25.06.2023

Одобрена после рецензирования 03.09.2023

Опубликована 28.10.2023

About the authors

Sergei Yu. Chimarov – Doctor Sci. (Hist.), Professor, Professor of the Department of Human Resources and Educational Work.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted June 25, 2023

Approved after reviewing September 03, 2023

Accepted October 28, 2023

УДК 159.9.07

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-3-304-312

Особенности профессиональной идентичности вьетнамских работников поколения Z, окончивших высшие учебные заведения

Фам Вьет Кхоа

Народная полицейская Академия
(Ханой, Вьетнам)
khoapham2107@gmail.com

ORCID: 0009-0002-7202-9294**Аннотация**

Введение. В статье рассматриваются проблемы профессиональной идентичности поколения Z во Вьетнаме и тенденция смены работы в контексте глобализации и цифровизации. Представлены результаты теоретического анализа определения понятия поколения Z, отличительных особенностей поколения Z от предшественников, сущности и статусов профессиональной идентичности. В эмпирическом исследовании приняли участие 238 вьетнамских работников поколения Z, окончивших высшие учебные заведения.

Методы исследования. Используются следующие методы и методики: интервью, опрос, методика изучения статусов профессиональной идентичности (А. А. Азбель и А. Г. Грецов), тест смысложизненных ориентаций.

Результаты. Описаны и проанализированы результаты эмпирического исследования по используемым методикам. Обсуждена тенденция смены работы и выявлены её причины (желание испытать себя, уделять приоритетное внимание собственному развитию, желание в самоутверждении перед обществом, работать в условиях активного рынка труда, найти баланс между работой и личной жизнью). Обнаружены связи между статусами профессиональной идентичности и смысложизненными ориентациями поколения Z.

Ключевые слова

поколение Z, цифровизация, информационные технологии, профессиональная идентичность, профессиональное самоопределение, ценностные ориентации

Для цитирования: Фам Вьет Кхоа (2023). Особенности профессиональной идентичности вьетнамских работников поколения Z, окончивших высшие учебные заведения. *Российский девиантологический журнал*, 3 (3), 304–312. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-304-312.

Original paper

Peculiarities of professional identity of Vietnamese employees of generation Z who graduated from higher education institutions

Pham Viet Khoa

The People's Police Academy (Hanoi, Vietnam)
khoapham2107@gmail.com

ORCID: 0009-0002-7202-9294

Abstract

Introduction. The research deals with the problems of professional identity of Generation Z in Vietnam and the trend of workplace change in the context of globalisation and digitalisation. The results of theoretical analysis of the definition of Generation Z, the distinctive features of Generation Z from its predecessors, and the essence and statuses of professional identity are presented. The empirical study involved 238 Vietnamese Generation Z employees graduated from higher education institutions.

Research methods. The following methods and techniques were used: interview, survey, methodology for studying the statuses of professional identity (A.A. Azbel and A.G. Gretsov), test of meaning-life orientations.

Results. The results of the empirical study on the methods used are described and analysed. The tendency to change workplaces is discussed and its reasons are revealed (desire to test oneself, to give priority attention to one's own development, desire for self-assertion in front of society, to work in conditions of active labour market, to find a balance between work and personal life). The links between the statuses of professional identity and the meaning-life orientations of generation Z are revealed.

Keywords

generation Z, digitalisation, information technologies, professional identity, professional self-determination, value orientations

For citation: Pham Viet Khoa (2023). Peculiarities of professional identity of Vietnamese employees of generation Z who graduated from higher education institutions. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (3), 304–312. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-304-312.

Введение

В настоящее время использование научно-технических достижений и замена ими людских ресурсов в различных областях достигло рекордного уровня. Согласно отчету *Financial Times*, в 2018 году глобальный уровень безработицы упал до 5,2 %. Это самый низкий уровень безработицы за 38 лет (Kasriel, 2019). После окончания пандемии COVID-19 этот уровень постепенно восстанавливается. Исследования показывают, что развитие искусственного интеллекта и робототехники не приведет к массовой безработице, мало того, будет способствовать созданию высококвалифицированных рабочих мест. Однако, чтобы воспользоваться этой возможностью, необходимо реорганизовать систему образования, которая способствовала бы обучению человека на протяжении всей его жизни.

Научно-технический прогресс, непрерывно развиваясь, привел к настоящему прорыву в области искусственного интеллекта, робототехники, нанотехнологий, квантовых вычислений, автономных транспортных средств и других высокотехнологических технологий и устройств. Их недаром называют вершиной «четвертой промышленной революции». Спрос на творческих, высокообразованных и квалифицированных работников продолжает расти. С другой стороны, спрос на низкооплачиваемые профессии снижается (Schwab, 2016).

Прогнозируется, что к 2025 году во Вьетнаме в среднем каждый четвертый работник будет представителем поколения Z. Однако предварительные результаты нашего исследования (опроса) в 2022–2023 гг. группы представителей поколения Z, окончивших университет и работающих в течение последних лет, показали,

что многие молодые люди поколения Z нестабильны в выборе профессии. По нашим данным, более 60 % молодых людей меняют работу через 1–2 года. Главной причиной этого является несоответствие между их ожиданиями и реальностью.

Система ценностных ориентаций поколения Z более разнообразна, чем у предыдущих поколений, например: «доход – развитие – расширение отношений – опыт – баланс между работой и личной жизнью». Эта цепочка частично объясняет тенденцию к смене места работы в поисках более высокооплачиваемой у многих представителей поколения Z, а для психологической науки проблема профессиональной идентичности в этой обстановке должна быть более продуманной.

Актуальность темы определяет цель исследования – выявление особенностей профессиональной идентичности поколения Z во Вьетнаме в контексте глобализации и цифровизации. Гипотезы исследования: тенденция смены работы среди представителей Z наблюдается у людей, не определивших профессиональный план на будущее; система ценностных ориентаций обуславливает статусы профессиональной идентичности поколения Z.

Обзор литературы

В настоящее время термин «поколение Z» используется достаточно широко как в популярной, так и научной литературе. Согласно теории поколений Н. Хоува (Neil Howe) и У. Штрауса (William Strauss), термин «поколение Z» стал известен с 1991 года. По мнению американского психолога Джин Твенге (Jean Twenge), к поколению Z относятся люди, родившиеся примерно с 1995 г. по 2012 г. Американский исследовательский

центр Пью (Pew Research Center) определил поколение зуммеров как людей, рожденных в 1997–2012 годах (Богачева, Сивак, 2019, с. 8). Наряду с понятием «поколение Z» Хоува и Штрауса в литературе также встречаются и другие названия этого поколения: цифровое поколение (Digital Generation, Digital Native), поколение HD, зуммеры (Zoomers), айдженеры (iGen), центениалы, хоумлендеры и др. Предшествующим ему является поколение Y (миллениалы, миллениумы) (Быков, 2020, с. 98).

В отличие от предыдущих, у представителей поколения Z есть общие черты, рассматриваемые в научных зарубежных работах. The Economist описал поколение Z как образованное, воспитанное, более стрессовое, чем предыдущее поколение (Generation Z is stressed, depressed and exam-obsessed, 2019). Профессиональный стресс более распространен среди поколения Z из-за зависимости от технологий и интернета, а также из-за потери опыта межличностного общения. Исследование К. Симиллера и М. Грейса, проведенное в 2014 году среди представителей поколения Z, поступающих в колледж, показало, что студенты поколения Z считают себя лояльными, сострадательными, заботливыми, открытыми, ответственными и решительными (Corey & Grace, 2016). Поколение Z отличается от предыдущих поколений навыками работы с компьютером и общения в эпоху информационных технологий. Однако К. Амиама-Эспайлат и К. Майор-Руис утверждают, что некоторые из их навыков, такие как чтение и общение, изменились в результате взаимодействия с цифровыми устройствами, платформами (Amiama-Espaillet & Mayor-Ruiz, 2017).

К особенностям когнитивной сферы поколения Z относятся способность владения современными информационными технологиями, произвольное внимание, критичность мышления. По сравнению с предыдущими поколениями Z очень рано обретает уверенность и независимое мышление.

Ценностно-смысловая сфера поколения Z имеет свою специфику. В исследовании о мифах о «поколении Z» Н. В. Богачева и Е. В. Сивак сходятся во мнении, что подростки могут быть настроены достаточно прагматично в отношении профессиональной деятельности и образования, однако это не значит, что они забывают о «вечных ценностях» (Богачева, Сивак, 2019, с. 26). Е. Шамис и Е. Никонов выделяют следующие ценности поколения Z в России: приоритет науки, искусство и творчество, здоровье, дом и комфорт в нем, «семья – основа всего», культура еды и вкуса, разнообразие во всем, любимое дело (Шамис, Никонов, 2020).

В связи с развитием информационных технологий наука и творчество входят в число самых главных ценностей поколения Z (Быков, 2020, с. 103).

Вопросы профессиональной идентичности рассматриваются в работах советских и российских ученых: К. А. Альбухановой-Славской, Э. Ф. Зеера, Е. А. Климова, Б. Ф. Ломова, А. К. Марковой, Ю. П. Поваренкова, Э. Э. Сыманюка, Л. Б. Шнейдер и др. В своей работе Т. В. Малютина отмечает научный вклад Ю. П. Поваренкова в определение профессиональной идентичности как «критерия профессионального развития, который свидетельствует о качественных и количественных особенностях принятия человеком: себя как профессионала; конкретной профессиональной деятельности как способа самореализации и удовлетворения потребностей; системы ценностных норм, характерных для данной профессиональной общности» (Малютина, 2014, с. 149). Многие сделали вклад в определение понятия профессиональной идентичности через понятие профессионального «образа Я» Э. Ф. Зеер¹. В психологии труда Е. А. Климов рассматривает профессиональную идентичность в контексте профессионального самосознания. В концепции профессиогенеза Е. П. Ермолаева рассматривает профессиональную идентичность как компонент личной идентичности, которая «обеспечивает успешное профессиональное развитие человека». По мнению ученого, профессиональная идентичность выступает регулятором, выполняющим стабилизирующую и преобразующую функцию (Ермолаева, 2001).

Наряду с понятием профессиональной идентичности в научной литературе часто встречается понятие «профессиональное самоопределение» как его синоним. Под профессиональной идентичностью подразумевается «результат процессов профессионального самоопределения, персонализации и самоорганизации, проявляющийся в осознании себя представителем определенной профессии и профессионального сообщества, определенная степень отождествления дифференциации себя с делом и с другими, проявляющаяся в когнитивно-эмоционально-поведенческих самоописаниях “Я”»².

Одна из наиболее известных концепций профессиональной идентичности, в которой раскрыты ее структуры, источники и динамика, предложена Л. Б. Шнейдер. Автором описаны пять статусов профессиональной идентичности: 1) преждевременная идентичность (близка к навязанной идентичности: человек не совершал независимых профессиональных выборов); 2) диффузная идентичность (человек не демонстрирует никаких активных попыток сделать

¹ Зеер, Э. Ф. (2003). *Психология профессий: учебное пособие для студентов вузов, 2-е изд., перераб. и доп.* Академический Проект; Деловая книга.

² Шнейдер, Л. Б. (2007). *Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики: учебное пособие* (стр. 49). Московский психолого-социальный университет. EDN SWDCQD.

профессиональный выбор, у него нет четких профессиональных целей и образа профессионального будущего); 3) мораторий (человек находится в состоянии кризиса идентичности и активно пытается разрешить его, пробуя различные варианты); 4) достигнута позитивная идентичность (человек четко определил профессиональные планы, ставшие результатом осмысленного самостоятельного решения); 5) псевдопозитивная идентичность, или псевдоидентичность (человек чрезмерно подчеркивает свою принадлежность определенной профессии и свой профессионализм)³. А. А. Азбель и А. Г. Грецов разработали методику изучения статусов профессиональной идентичности, схожую с моделью Л. Б. Шнейдер. В ней были выделены четыре статуса профессиональной идентичности: 1) неопределенное состояние профессиональной идентичности (человек не имеет прочных профессиональных целей и планов и при этом не пытается их сформировать, выстроить варианты своего профессионального развития); 2) навязанная профессиональная идентичность (человек выбрал свой профессиональный путь, но сделал это не путем самостоятельных размышлений, а прислушавшись к мнению авторитетов: родителей или друзей); 3) мораторий (кризис выбора); 4) сформированная профессиональная идентичность (человек готов совершить осознанный выбор дальнейшего профессионального развития)⁴.

Методология, методы и материалы исследования

Для изучения особенностей профессиональной идентичности вьетнамских работников поколения Z в эмпирическом исследовании использовались следующие методы и методики:

1. Интервью студентов-выпускников вуза, молодых работников и работодателей. Интервью проводится с целью сбора мнений представителей поколения Z различных специальностей об уровне их удовлетворенности работой как одного из критериев успешного процесса становления профессиональной идентичности (Малютина, 2014, с. 151).

2. Опрос предназначен для выявления причин выбора текущей профессии и смены работы поколения Z в последнее время (если есть). Представлены восемь возможных ответов по специальностям. Опрашиваемым разрешается выбирать несколько ответов.

3. Методика изучения статусов профессиональной идентичности (А. А. Азбель и А. Г. Грецов) предназначена для выявления состояний (статусов) профессио-

нальной идентичности вьетнамских молодых работников поколения Z.

4. Тест смысложизненных ориентаций (англ. *Purpose-in-Life Test, PIL*) Джеймса Крамбо и Леонарда Махолика, разработанный и адаптированный Д. А. Леонтьевым, предназначен для выявления конкретных смысложизненных ориентаций и аспектов локуса контроля: цели в жизни, процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни, результативность жизни или удовлетворенность самореализацией, локус контроля Я (Я – хозяин жизни), локус контроля – жизнь или управляемость жизни. На основе теоретического анализа специфики ценностно-смысловой сферы поколения Z проверяется взаимосвязь между смысложизненными ориентациями и статусами профессиональной идентичности с помощью коэффициента корреляции Пирсона.

В эмпирическом исследовании приняли участие 238 вьетнамских выпускников вузов и молодых работников поколения Z, окончивших высшие учебные заведения и работающих по следующим направлениям: естественные науки (28,6 %), гуманитарные науки (23,8 %), информационные технологии (20,5 %), другие сферы профессии (12,8 %); годы рождения: 1998 (4,8 %), 1999 (76,2 %), 2001 (14,3 %), 2002 (4,8 %); гендерный состав: юноши (38,1 %), девушки (61,9 %).

Результаты исследования

Результаты интервью показали одну из основных проблем профессиональной идентичности поколения Z во Вьетнаме – тенденцию к смене работы. С рождения живя в условиях цифровизации, получив возможность зарабатывать много денег, многие молодые люди легко бросают свою прежнюю работу, чтобы найти другую, рассчитывая на более высокий доход. С другой стороны, эта тенденция создает высокую конкурентоспособность на рынке труда. Поэтому ожидания молодых людей часто не совпадают с реальностью, особенно в некоторых высококонкурентных сферах, таких как недвижимость, розничная торговля или инвестиции. Первая зарплата молодых работников во Вьетнаме, как правило, довольно скромная. И когда зарплата оказывается не такой, как ожидалось, молодому человеку гораздо легче сменить работу.

По словам работодателей, не имеющие опыта молодые работники часто неправильно оценивают свои способности. Но если в представленных резюме называется слишком много предыдущих мест работы, у работодателей, принимающих молодых сотрудников на работу, возникают сомнения. По мнению опро-

³ Шнейдер, Л. Б. (2007). *Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики*: учебное пособие (стр. 65–68). Московский психолого-социальный университет. EDN SWDCQD.

⁴ Сунцова, Я. С. (2009). *Диагностика профессионального самоопределения*: учеб.-метод. пособие (стр. 4–11). Издательство «Удмуртский университет».

шенных экспертов по труду, при трудоустройстве после окончания вуза молодым кандидатам потребуется около года, чтобы полностью освоиться с работой. На второй год работы они смогут устроиться на хорошую должность и приобретать опыт, и лишь начиная с третьего года смогут внести заметный вклад в деятельность своего рабочего коллектива. Молодым специалистам необходим прочный фундамент, а достойная зарплата и профессиональное продвижение зависят только от него самого – от приобретенных знаний, навыков, умений и профессионально важных качеств.

Ниже представлены результаты опроса по отраслям знаний (таблица 1). Важно отметить, что желание испытать себя довольно высоко во всех сферах: естественные науки (57,9 %), гуманитарные науки (47,3 %), информационные технологии (45,3 %), другие сферы профессии (76,4 %).

По результатам методики изучения статусов профессиональной идентичности (А. А. Азбель и А. Г. Гре-

цов, рис. 1) можно видеть, что сформированная профессиональная идентичность становится ведущим статусом (42,9 %). На второе место выходит мораторий (28,6 %), за ним следуют навязанная профессиональная идентичность (19 %) и неопределенное состояние (9,5 %).

По результатам теста смысловых ориентаций (рисунок 2) среднее значение по субшкале 1 «цели» как у юношей ($M = 24,26$), так и у девушек ($M = 23,02$) ниже среднего и существенной разницы между ними нет. По субшкале 2 «процесс» среднее значение у юношей ($M = 35,4$) значительно выше, чем у девушек ($M = 19,1$). По субшкале 3 «результат» наблюдается противоположная тенденция: юноши считают, что смысловые ориентации заключается в процессе, а девушек удовлетворяет достигнутый результат самореализации. По субшкалам 4 «локус контроля – Я» и 5 «локус контроля – жизнь» также наблюдаются различные тенденции у юношей и девушек. Среднее значение по субшкале 4 у девушек

Таблица 1. Результаты опроса поколения Z во Вьетнаме о причинах, по которым они выбирают текущую профессию и/или следуют тенденции смены работы

Table 1. Results of a survey of Generation Z in Vietnam on their reasons for choosing their current occupation and/or following the trend of changing workplace

№	Причины, по которым представители поколения Z выбирают текущую профессию и/или следуют тенденции смены работы	% ответов опрошенных			
		Естественные науки	Гуманитарные науки	Информационные технологии	Другие сферы профессии
1	Работать в условиях активного рынка труда	17,8	20,4	64,1	34,9
2	Влияние социальных сетей и средств массовой информации	21,5	31,8	73	23,8
3	Желание испытать себя	57,9	47,3	45,3	76,4
4	Несформированная устойчивая профессиональная ориентация на будущее	22,1	17,5	26,8	45,7
5	Желание в самоутверждении перед обществом	38,4	51,2	33,1	36,5
6	Слишком высокое ожидание в будущей работе	26,2	18,4	8,4	37,4
7	Уделять приоритетное внимание собственному развитию	77,1	14,8	36,3	46,5
8	Найти баланс между работой и личной жизнью	40,9	35,9	61,5	68,2

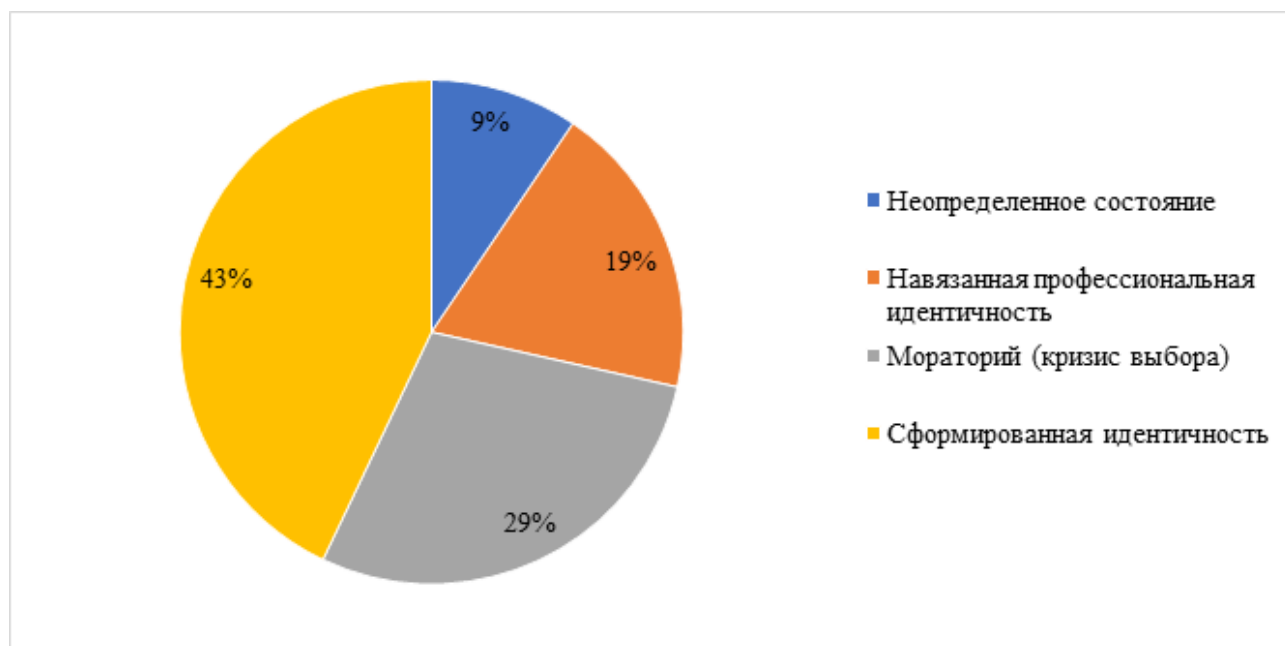

Рисунок 1. Распределение испытуемых по статусам профессиональной идентичности (%)

Figure 1. Distribution of subjects by professional identity status (%)

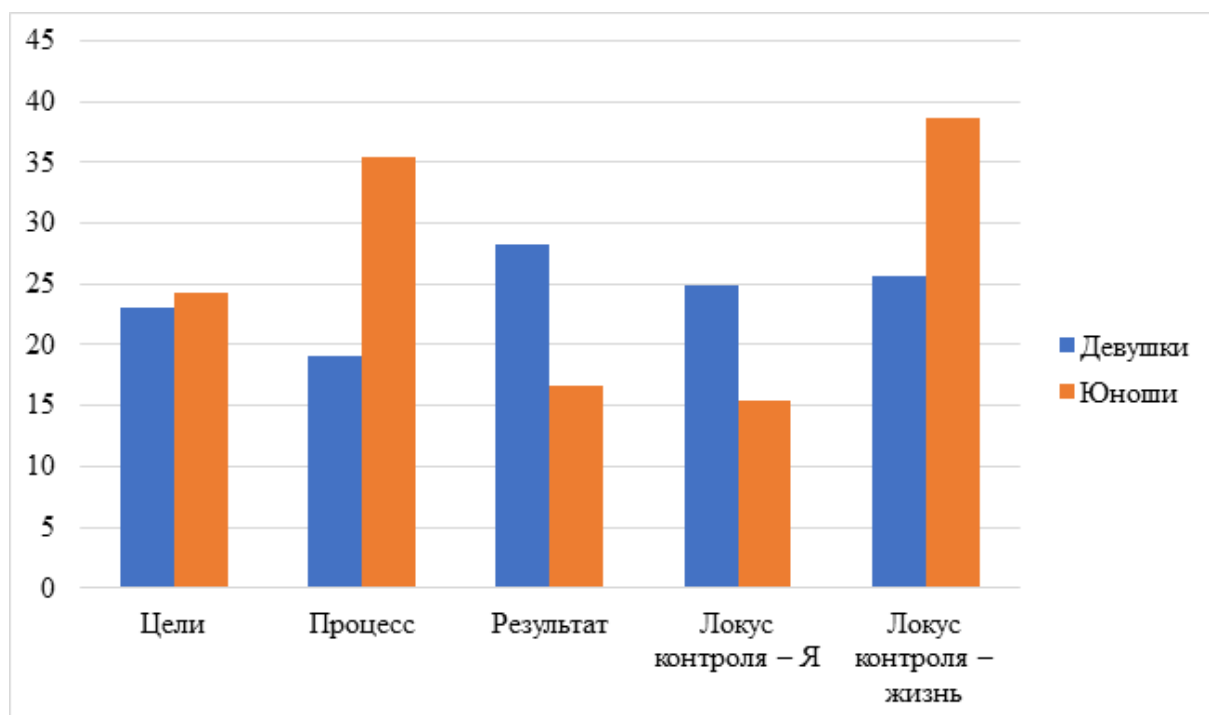

Рисунок 2. Средние значения показателей смысложизненных ориентаций юношей и девушек

Figure 2. Average values of indicators of life-meaning orientations of youths

($M = 24,9$) выше, чем у юношей ($M = 15,45$) и ниже по субшкале 5.

По результатам корреляционного анализа (табл. 2) обнаружены следующие статистически значимые взаимосвязи: умеренная отрицательная связь между навязанной профессиональной идентичностью и целями в жизни ($r = -0,655$ при $p \leq 0,01$); сильная положительная связь между сформированной профессиональной идентичностью и целями в жизни ($r = 0,711$ при $p \leq 0,01$); слабая положительная связь между неопределенным состоянием профессиональной идентичности и процессом жизни ($r = 0,43$ при $p \leq 0,01$); умеренная отрицательная связь между навязанной профессиональной идентичностью и локусом контроля – жизнь ($r = -0,581$ при $p \leq 0,01$).

Обсуждение результатов исследования

Вышеуказанная тенденция, на наш взгляд, прежде всего, связана с кризисом выбора профессии в условиях быстро меняющейся социально-экономической ситуации. В рамках нашего исследования были выявлены уровни удовлетворенности работой: высокий (38,5 %); средний (27,6 %); низкий (33,9 %). Более трети респондентов удовлетворены своей работой, а остальные умеренно удовлетворены или недовольны. Этот результат также согласуется с результатами о склонности к смене места работы. С другой стороны, результаты методики изучения статусов профессиональной идентичности (А. А. Азбель и А. Г. Грецов) показали, что около половины (42,9 %) испытуемых имеют сформированную профессиональную идентичность. Таким образом,

мы не можем подтвердить предположения о присутствии неопределенного состояния профессиональной идентичности у человека, который следует тенденции смены места работы. Тогда мы обращаем внимание на аспекты смысложизненных ориентаций.

Корреляционный анализ статусов профессиональной идентичности и смысложизненных ориентаций показал, что чем больше целеустремленности у человека в плане будущего, тем выше статус сформированной профессиональной идентичности. Если отсутствуют цели в жизни, человек испытывает затруднения при определении профессионального пути. Чем больше эмоционально насыщена его жизнь, тем выше статус неопределенности профессиональной идентичности. Человек с навязанной профессиональной идентичностью также считает, что свобода выбора профессии иллюзорна и бессмысленно что-либо загадывать на будущее.

Выводы

По результатам теоретического и эмпирического исследования можно говорить о достижении поставленных целей и практических задач. Мы можем сделать следующие выводы:

1. Поколение Z является первым поколением, родившимся в условиях глобализации и цифровизации. Представители поколения Z живут в совершенно другом мире по сравнению со всеми предыдущими поколениями. Для них цифровые сервисы и информационные технологии – это неотъемлемая часть жизни, поэтому важными являются профессиональные навыки

Таблица 2. Взаимосвязи между статусами профессиональной идентичности и смысложизненными ориентациями представителей поколения Z

Table 2. Relationships between professional identity statuses and life-meaning orientations of Generation Z

Шкалы смысложизненных ориентаций	Статусы профессиональной идентичности			
	Неопределенное состояние профессиональной идентичности	Навязанная профессиональная идентичность	Мораторий	Сформированная профессиональная идентичность
Цели в жизни	0,018	-0,655*	0,217	0,711
Процесс жизни	0,43*	0,176	0,025	0,047
Результативность жизни	0,034	0,114	0,215	-0,09
Локус контроля-Я	-0,224	-0,24	0,071	-0,012
Локус контроля-жизнь	0,061	-0,581*	0,092	0,181

Примечание: *корреляционная связь статистически значима при уровне значимости $p \leq 0,01$ (для коэффициента корреляции Пирсона)

ки, требующие длительной практики, которые машины еще не освоили, такие как навыки совместной работы и эффективного общения.

2. Причинами, по которым представители поколения Z во Вьетнаме выбирают текущую профессию и / или следуют тенденции смены места работы, можно назвать: желание испытать себя; уделять приоритетное внимание собственному развитию (у работников в области естественных наук); желание самоутверждения перед обществом (у работников в сфере гуманитарных наук); работа в условиях активного рынка труда (у представителей сферы информационных технологий); поиск баланса между работой и личной жизнью (у работников в других сферах).

3. Статусы профессиональной идентичности поколения Z связаны со смысложизненными ориента-

циями: цели в жизни связаны со сформированной профессиональной идентичностью (положительный вариант) и с навязанной профессиональной идентичностью (отрицательный вариант); процесс жизни связан с неопределенным состоянием профессиональной идентичности.

В дальнейшем исследовании проблемы профессиональной идентичности поколения Z во Вьетнаме мы предполагаем дополнительное теоретическое изучение кризиса выбора профессии, профессиональной ориентации и профессионального консультирования. Перспективами дальнейших практических изысканий могут стать разработка методик, способов и программ комплексного психологического сопровождения молодых работников, находящихся в состоянии неопределенности профессиональной идентичности.

Список литературы

- Быков, И. А. (2020). Характеристики и ценности молодежи поколения Z как целевой аудитории государственных PR-кампаний. *Коммуникология: электронный научный журнал*, 5 (3), 95–106.
- Ермолаева, Е. П. (2001). Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность. *Психологический журнал*, 22 (4), 51–59. EDN THLMH.
- Малютина, Т. В. (2014). Профессиональная идентичность, ее структура и компоненты. *Омский научный вестник*, 5 (132), 149–152. EDN TNDBBZ.
- Матюшина, М. А. (2021). Особенности креативности у студентов-психологов с разным статусом профессиональной идентичности. *Психология и Психотехника*, 2, 11–21. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2021.2.35686> URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35686
- Богачева, Н. В., Сивак, Е. В. (2019). Мифы о «поколении Z». *Современная аналитика образования*, 1 (22), 1–64. EDN VBVYTA.
- Поваренков, Ю. П. (2003). Психологическая характеристика профессиональной идентичности. В *Кризис идентичности и проблемы становления гражданского общества: сборник научных трудов* (стр. 154–163). Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
- Шамис, Е., Никонов, Е. (2020). *Ценности поколений в России на 2020 год: материал для RuGenerations*. URL: <https://rugenerations.su/2020/06/17/>
- Generation Z is stressed, depressed and exam-obsessed (2019). *The Economist* (ISSN 0013-0613). URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2019/02/27/generation-z-is-stressed-depressed-and-exam-obsessed>
- Amiama-Espaillet, C., & Mayor-Ruiz, C. (2017). Digital Reading and Reading Competence. The influence in the Z Generation from the Dominican Republic. [Lectura digital en la competencia lectora: La influencia en la Generación Z de la República Dominicana]. *Comunicar*, 52, 105–114. <https://doi.org/10.3916/C52-2017-10>
- Kasriel, S. (2019). What the next 20 years will mean for jobs – and how to prepare. *World Economic Forum*. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/01/jobs-of-next-20-years-how-to-prepare> (дата обращения: 10.09.2023).
- Schwab, K. (2016). The Fourth Industrial Revolution: what it means, how to respond. *World Economic Forum*. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond/> (дата обращения: 10.09.2023).
- Corey, S, & Grace, M. (2016). *Generation Z Goes to College* (1st Edition). Jossey-Bass. ISBN 978-1-119-14345-1.
- Mai, N. (2023). Nhân sự gen Z không được đánh giá cao tại một số doanh nghiệp Mỹ. *Báo điện tử VTV News*. URL: <https://vtv.vn/the-gioi/nhan-su-gen-z-khong-duoc-danh-gia-cao-tai-mot-so-doanh-nghiep-my-20230806185904605.htm> (дата обращения: 16.08.2023).
- VTV Digital (2023). Nhân sự gen Z phá vỡ những nguyên tắc thị trường lao động? *Báo điện tử VTV News*. URL: <https://vtv.vn/xa-hoi/nhan-su-gen-z-pha-vo-nhung-nguyen-tac-thi-truong-lao-dong-20230725120627825.htm> (дата обращения: 16.08.2023).
- Kim, Á., Nhất, V., Duy, T. (2022). Hơn 60% Gen Z nhảy việc trong năm đầu ra trường, phần lớn vì vỡ mộng. *Báo điện tử VTV News*. URL: <https://vtv.vn/xa-hoi/hon-60-gen-z-nhay-viec-trong-nam-dau-ra-truong-phan-lon-vi-vo-mong-2022071219352961.htm> (дата обращения: 04.09.2023).

- Collie, M. (2019). Toronto is the 4th best city in the world for Gen Z. But can they afford it? *Global News*. URL: <https://globalnews.ca/news/5858639/generation-z-best-places-to-live/> (дата обращения: 14.09.2023).
- Frey, W. H. (2018). The millennial generation: A demographic bridge to America's diverse future. *Brookings*. URL: <https://www.brookings.edu/articles/millennials/> (дата обращения: 18.08.2023).

References

- Вукон, И. А. (2020). Характеристики и ценности молодежи поколения Z как целевой аудитории государственных PR-кампаний. *Коммуникология: электронный научный журнал*, 5 (3), 95–106.
- Ermolaeva, E. P. (2001). Professional'naya identichnost' i marginalizm: koncepciya i real'nost'. *Psihologicheskij zhurnal*, 22 (4), 51–59. EDN THLMIH.
- Malyutina, T. V. (2014). Professional'naya identichnost', ee struktura i komponenty. *Omskij nauchnyj vestnik*, 5 (132), 149–152. EDN TNDDDBZ.
- Matyushina, M. A. (2021). Osobennosti kreativnosti u studentov-psihologov s raznym statusom professional'noj identichnosti. *Psihologiya i Psihotekhnika*, 2, 11–21. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2021.2.35686> URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35686
- Bogacheva, N. V., Sivak, E. V. (2019). Mify o «pokolenii Z». *Sovremennaya analitika obrazovaniya*, 1 (22), 1–64. EDN VBVYTA.
- Povaryonkov, Yu. P. (2003). *Psihologicheskaya karakteristika professional'noj identichnosti. V Krizis identichnosti i problemy stanovleniya grazhdanskogo obshchestva: sbornik nauchnyh trudov* (str. 154–163). Yaroslavl': Yaroslavskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K. D. Ushinskogo
- Shamis, E., Nikonov, E. (2020). *Cennosti pokolenij v Rossii na 2020 god: material dlya RuGenerations*. URL: <https://rugenations.ru/2020/06/17/>
- Generation Z is stressed, depressed and exam-obsessed (2019). *The Economist* (ISSN 0013-0613). URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2019/02/27/generation-z-is-stressed-depressed-and-exam-obsessed>
- Amiama-Espailat, C., & Mayor-Ruiz, C. (2017). Digital Reading and Reading Competence. The influence in the Z Generation from the Dominican Republic. [Lectura digital en la competencia lectora: La influencia en la Generación Z de la República Dominicana]. *Comunicar*, 52, 105–114. <https://doi.org/10.3916/C52-2017-10>
- Kasriel, S. (2019). What the next 20 years will mean for jobs – and how to prepare. *World Economic Forum*. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/01/jobs-of-next-20-years-how-to-prepare> (дата обращения: 10.09.2023).
- Schwab, K. (2016). The Fourth Industrial Revolution: what it means, how to respond. *World Economic Forum*. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond/> (дата обращения: 10.09.2023).
- Corey, S., & Grace, M. (2016). *Generation Z Goes to College* (1st Edition). Jossey-Bass. ISBN 978-1-119-14345-1.
- Mai, N. (2023). Nhân sự gen Z không được đánh giá cao tại một số doanh nghiệp Mỹ. *Báo điện tử VTV News*. URL: <https://vtv.vn/the-gioi/nhan-su-gen-z-khong-duoc-danh-gia-cao-tai-mot-so-doanh-nghiep-my-20230806185904605.htm> (дата обращения: 16.08.2023).
- VTV Digital (2023). Nhân sự gen Z phá vỡ những nguyên tắc thị trường lao động? *Báo điện tử VTV News*. URL: <https://vtv.vn/xa-hoi/nhan-su-gen-z-pha-vo-nhung-nguyen-tac-thi-truong-lao-dong-20230725120627825.htm> (дата обращения: 16.08.2023).
- Kim, Á., Nhất, V., Duy, T. (2022). Hơn 60% Gen Z nhảy việc trong năm đầu ra trường, phần lớn vì vỡ mộng. *Báo điện tử VTV News*. URL: <https://vtv.vn/xa-hoi/hon-60-gen-z-nhay-viec-trong-nam-dau-ra-truong-phan-lon-vi-vo-mong-2022071219352961.htm> (дата обращения: 04.09.2023).
- Collie, M. (2019). Toronto is the 4th best city in the world for Gen Z. But can they afford it? *Global News*. URL: <https://globalnews.ca/news/5858639/generation-z-best-places-to-live/> (дата обращения: 14.09.2023).
- Frey, W. H. (2018). The millennial generation: A demographic bridge to America's diverse future. *Brookings*. URL: <https://www.brookings.edu/articles/millennials/> (дата обращения: 18.08.2023).

Информация об авторе:

Фам Вьет Кхоа – преподаватель кафедры психологии Народной полицейской Академии (Ханой, Вьетнам), кандидат психологических наук.
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the authors

Pham Viet Khoa – Lecturer, Department of Psychology, The People's Police Academy (Hanoi, Viet Nam), Cand. Sci. (Psy.)
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 30.06.2023

Одобрена после рецензирования 07.09.2023

Опубликована 28.10.2023

Submitted June 30, 2023

Approved after reviewing September 07, 2023

Accepted October 28, 2023

Оригинальная статья

УДК 316.624

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-3-313-323

Девиантное поведение и его профилактика путем формирования нравственной основы жизнедеятельности

Лилия Николаевна Плоткина

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)
lin68@bk.ru

ORCID: 0000-0003-1183-2198

Владимир Николаевич Бурлаков

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
parus348@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3711-1762

Аннотация

Работа посвящена изучению проблемы девиантного поведения молодежи в условиях активной модернизации и трансформации современного российского социума, что, несомненно, выступает мало разработанным направлением в современную эпоху цифровизации. Авторы актуализируют проблемы профилактики девиантного поведения среди подростков и молодежи, обозначают причины возникновения и формы проявления девиантного поведения в среде современных молодых людей.

Ключевые слова

девиантное поведение, модернизация и трансформация российского социума, молодежь, нравственные нормы поведения, нравственные основы жизнедеятельности молодежи, подростки, профилактика девиантного поведения, цифровизация

Для цитирования: Плоткина, Л. Н., Бурлаков, В. Н. (2023). Девиантное поведение и его профилактика путем формирования нравственной основы жизнедеятельности. *Российский девиантологический журнал*, 3 (3), 313–323. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-313-323.

Original paper

Lilia N. Plotkina

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
lin68@bk.ru

ORCID: 0000-0003-1183-2198

Vladimir N. Burlakov

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
parus348@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3711-1762

Deviant behavior and its prevention through the formation of a moral basis for life activity

Abstract

The article is devoted to the research of the problem of deviant behavior among young people in the conditions of active modernisation and transformation of contemporary Russian society, which is undoubtedly an insufficiently developed area in the modern era of digitalisation. The authors actualise the problems of prevention of deviant behavior among adolescents and young people, identify the causes and forms of manifestation of deviant behavior among young people today.

Keywords

deviant behavior, modernisation and transformation of Russian society, youth, moral norms of behavior, moral basis of youth life activity, adolescents, prevention of deviant behavior, digitalisation

For citation: Plotkina, L. N., Burlakov, V. N. (2023). Deviant behavior and its prevention through the formation of a moral basis for life activity. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (3), 313–323. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-313-323.

Девиантное (deviatio, лат. – отклонение, deviant, фр. – отклоняющийся) поведение – это поведение, не соответствующее тем или иным социальным нормам, принятым / одобряемым значительной частью людей в группе или обществе, или прямо нарушающее их.

Реальная картина девиантности в обществе и ее оценка нередко зависят от *ожиданий*. Именно поэтому бывает очень трудно отнести тот или иной акт человеческого поведения к разряду отклоняющихся. Важно учитывать, что в обществе существуют *нормы-правила* и *нормы-ожидания*.

Большинство правовых, религиозных, нравственных норм – это нормы-правила. С уяснением норм-ожиданий все гораздо сложнее. Обратимся к примеру. В школе ученик 5-го класса систематически подвергался издевательствам со стороны старшеклассников. Ребенок рассказал о своих обидчиках отцу, который дождался, когда после уроков они выйдут из школы, подошел к ним и поговорил с ними «по-взрослому», при этом стараясь унижить одного из них, издевательски демонстрируя, что тот неспособен даже психологически проявить свою защищенность. За происходящим наблюдали другие родители, которые, узнав причину поведения взрослого, разошлись во мнениях. Одни считали, что такое недопустимо, другие же говорили, что все правильно, иначе нельзя заставить этого школьника понять, что насилие влечет противодействие. Вспомним (как подтверждение существования нормы-ожидания) эпизод из кинофильма «Москва слезам не верит», в котором один из главных героев, Гоша, объясняет, насколько целесообразно, как говорится, вовремя «дать сдачи».

С точки зрения норм-правил (закона) поступок отца является девиацией, причем в наиболее острой форме, преступлением – истязанием путем иных насильственных действий. А вот с точки зрения норм-ожиданий, картина видится далеко не однозначной.

Одной из причин неоднозначной оценки девиантного поведения можно считать неоднозначность самого девиантного поведения – и самого акта поведения, и его последствий. В некоторых случаях девиантное поведение может рассматриваться как способ приспособиться, обрести социальные возможности, поскольку официально одобряемые пути движения к ним оказываются для многих недоступными. Поэтому причи-

ны девиантного поведения часто остаются скрытыми (подобно подводной части айсберга) и потому неосознаваемыми.

В большинстве случаев девиантное поведение, нарушая норму, является негативным, т. к. приносит вред, страдание, боль. Но американский социолог Э. Дюркгейм подчеркивал, что наряду с негативными можно выделять и позитивные девиации.

Обозначим основные характеристики девиантного поведения:

– это действие (бездействие), прочно связанное с социальными условиями жизнедеятельности;

– границы такого поведения подвижны и очень чувствительны к тому, насколько реальными и доступными оказываются на деле пути, средства достижения желаемых целей и ценностей (престижных), в том числе выступающих в качестве символов успеха, которые признаются, пропагандируются и даже навязываются культурой;

– девиантное поведение не может иметь раз и навсегда заданной и однозначной оценки; считать отклонение нормальной реакцией нормального человека на ненормальные условия может быть столь же оправдано, как и ненавидеть идею девиантного поведения (и само такое поведение) всеми чувствами¹.

В криминологии девиантное поведение анализируется в контексте причинной связи с преступлениями, которые и сами считаются разновидностью девиантного поведения. К основным его видам относят: алкоголизм, наркоманию, самоубийство (суицид), проституцию (во всех ее формах), бродяжничество.

Заметим, что *один вид девиантного поведения может служить непосредственной причиной другого вида*. Изучение указанного феномена продолжается по сей день, причем существуют мнения как за, так и против такой гипотезы. Например, одни ученые пытаются обнаружить и даже обосновать причинно-следственную связь между алкоголизмом, наркоманией и тем или иным видом преступлений. Другие исследователи, например, норвежские ученые, считают что непосредственных причинно-следственных зависимостей между названными видами девиантного поведения скорее всего нет (Скуг, Бьерк, 1990). Эти исследователи констатируют самостоятельные разновидности поведения (приспособления), в основе каждой из которых обыч-

¹ Бурлаков, В. Н., Кропачев, Н. М. (2005). *Криминология: учебник* (стр. 70–71). Издательство юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

но находится свой набор факторов – в том смысле, что какие-то общие, глобальные основания девиантного поведения в обществе обязательно конкретизируются (модифицируются) применительно к тому или иному виду поведения. Чтобы алкоголик или наркоман совершил преступление, необходимо как минимум какое-то число дополнительных факторов, которые, наложившись на те, что склонили человека к пьянству или наркомании, толкают его на путь преступления.

Алкоголизм, или «синдром алкогольной зависимости» (по Международной классификации болезней), выражается в стремлении к употреблению спиртных напитков, пренебрежении основными социальными функциями, в первую очередь в отказе от трудовой деятельности и др.).

”

Ученые давно заметили, что один вид девиантного поведения может служить непосредственной причиной другого вида. Изучение указанного феномена продолжается по сей день, причем существуют мнения как за, так и против такой гипотезы

“

Зависимость между алкоголем и преступлением достаточно сложна и в полной мере пока не объяснена. Можно сказать, что дело не в алкоголе, а в самом человеке. В нашей стране наблюдается последовательное сокращение удельного веса «пьяной» преступности – с 41,2 % в 1993 г. до 24,4 % в 2022 г.

Алкоголь скорее один из факторов, который может, соединившись с другими факторами, способствовать отклонениям, в том числе насильственным. По-видимому, состояние опьянения не порождает агрессию, а лишь способствует ее высвобождению, возможно, усиливает имеющуюся у лица предрасположенность к ней.

Наркоманию можно определить как страсть, жесткую зависимость от наркотика. Другой аспект данного понятия (явления) связан с воздействием наркотических средств на психику человека и, соответственно, на его выбор поведения.

Экспертный совет по наркомании при Всемирной организации здравоохранения сформулировал следующее определение наркомании: «Состояние периодической или хронической интоксикации, вызываемые

повторяющимся потреблением наркотиков (природных или синтетических)».

Там же названы особенности, характеризующие наркоманию:

- 1) не поддающиеся контролю желание или потребность в приеме наркотика и получение его любым способом;
- 2) тенденция к увеличению принимаемой дозы наркотика;
- 3) психическая и физическая зависимость от наркотиков;
- 4) пагубное влияние наркотика на индивида и общество.

Сегодня в нашей стране наркомания превращается в широкую разветвленную систему, которую ученые предлагают именовать «наркотизмом». Общее число наркоманов растет. Наркомания среди студентов и школьников за последние годы выросла в несколько раз. Сегодня можно говорить о десятикратном ее увеличении. Самыми распространенными в Петербурге до недавнего времени были эфедрон («мулька») и перветин («винт»), однако в настоящее время растет потребление более чистых наркотиков и препаратов (героина), город заполнили синтетические наркотики. Проблема наркотизма встает в полный рост в престижных элитарных учебных заведениях: частных школах и колледжах, практически во всех учебных заведениях (Гишинский, 2000). Таким образом, можно выделить группу обучающихся в учебных заведениях как отдельную профилируемую.

Самоубийства. По мнению Э. Дюркгейма, самоубийством можно считать каждый смертельный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом поступка (положительного или отрицательного), совершенного самим пострадавшим, если он знал (желал) об ожидавшем его результате. В своем классическом исследовании самоубийств он предложил их классификацию: эгоистическое самоубийство; альтруистическое самоубийство; аномичное самоубийство (Дюркгейм, 1994). Наряду с названными видами самоубийств можно говорить о самоубийствах умалишенных, которые классифицируются на маниакальные и меланхолические самоубийства.

Самоубийства в современной России имеют печальную картину. Например, доля смертей в результате самоубийств в общем количестве умерших составила: 1990 г. – 2,4 %, 1994 – 2,7 %. Сто пятьдесят лет назад этот показатель в России равнялся 0,06-0,09 % (Гишинский, 2000, с. 289–317).

Проституция – это оказание сексуальных услуг за плату, причем стороны, как правило, не знают друг друга и не испытывают друг к другу устойчивого влечения. Природа и роль проституции в обществе неоднозначны, хотя в некоторые исторические периоды проституции сводили только к одной причине

и видели в ней только зло. К примеру, в российском законодательстве в XVIII в. сложилась система *прогибационизма*, т.е. безусловного запрещения проституции («непотребства»).

Но в 1863 г. в «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» были упразднены все статьи, регламентирующие ответственность за «непотребство» и оставлены только статьи, которые определяли ответственность за сводничество родителей в отношении детей, мужей в отношении жен, и лиц, призванных осуществлять надзор за несовершеннолетними. Произошел крен в сторону административного контроля, были приняты Правила для публичных женщин и содержательниц борделей. Согласно этим Правилам, женщины, занимавшиеся проституцией, должны были проходить врачебно-полицейский контроль.

Сегодня проституция остается все тем же социальным отклонением и различается по типам, включая женскую, мужскую и детскую. Заметным источником детской проституции стали «уличные дети», попавшие на улицу в силу неблагоприятных жизненных обстоятельств, которые к 12–13 годам уже по несколько лет живут на улице. Также иногда это дети, приехавшие с периферии или убежавшие из учебно-воспитательных учреждений. В силу общественной опасности такой девиации в Уголовном кодексе РФ предусмотрена ответственность за такие действия в нескольких статьях. В части 3 ст. 240 и части 3 ст. 241 УК РФ за вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией и организацию занятия ею. В ст. 242² УК РФ предусмотрена ответственность за создание продукции с изображением оргий, для участия в которых привлекаются несовершеннолетние.

Бродяжничество. Этот вид отклоняющегося поведения можно характеризовать как способ приспособления к жизни, в основе которого лежит отказ от престижных ценностей (символов успеха), используя официальные пути и способы. Резкое увеличение таких отклонений в обществе обычно характерно для общества, которое встало на путь резких социально-экономических, политических преобразований. Наиболее распространенной формой является поведение бездомных (бомжей).

Правозащитники и гуманитарные организации расценивают понятие «бомж» как порочащее достоинство человека. По их мнению, именно общество и государство толкают этих людей на дно и повинны в том, что эти люди оказываются не в состоянии сохранить или получить жилье, устроиться на работу, вынуждены совершать противоправные действия (Алексеева, 2003).

Правовой контроль в области девиантного поведения имеет свои пределы. Однако идея о том, что все можно контролировать путем возложения правовой ответственности, продолжает лидировать. Хотя не будем забывать слов Э. Дюркгейма о роли девиантного поведения в обретении людьми своих основных прав и свобод. Он отмечал, что во многих странах и в прошлом, и в настоящем свобода выражения своих мыслей, в первую очередь свобода слова, признавались преступлением. Будучи преступлением, такое отклонение день ото дня становилось все более распространенным, необходимым и... полезным. Так продолжалось до тех пор, пока запрещавшие свободу слова правила с той или иной степенью решительности торжественно

”

Правоцентризм имеет неоспоримые преимущества в достижении эффективности контроля девиантного поведения за счет простоты и быстроты применяемых мер. Но долговременный результат за мерами социальной профилактики

“

отменялись в какой-то стране или группе стран (Дюркгейм, 1991). Еще раньше Шарль Монтескье говорил, что чрезмерная уголовная репрессия подавляет не столько преступную, сколько волю добропорядочных граждан.

В последнее время интенсивно развивается направление психолого-педагогического предупреждения девиантного поведения². Одна из его актуальных задач – повышение эффективности профилактики девиантного поведения путем формирования нравственной основы жизни. Актуальность ее подчеркивается в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³.

² Менделевич, В. Д. (2005). *Психология девиантного поведения: учебное пособие*. Речь.

³ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (2022). *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/

В данном контексте целесообразно обратить внимание на психологическое здоровье и нравственный облик молодежи.

Приходится констатировать, что социальные отклонения молодеют и принимают устойчивый рецидивный характер, поэтому основной упор необходимо делать на предупреждение девиаций лиц так называемого «повышенного риска», к которым относится и современная молодежь с еще несформированными личностными качествами.

При этом интеграция усилий общества может осуществляться лишь в рамках обеспечения эффективными технологиями социально-педагогической системы посредством последовательного воспитательно-профилактического и медицинского воздействия. Данный вектор в этом случае будет обеспечивать формирование личности с твердыми и правильными жизненными установками. В представленном контексте здоровье населения, фундаментом которого выступит правильно организованная среда для формирующейся личности молодого человека, – принципиально значимый показатель в рамках защиты населения и снижения отклоняющегося поведения.

Длительное время здоровье трактовалось как проблема индивидуально-личностного бытия. В этом контексте здоровье понималось исключительно как способность к адаптации на воздействие внешней среды и изменениям состояния внутренней среды, где речь идет исключительно о физиологических адаптационных функциях человека, хотя очевидно, что это лишь часть понятия «здоровый образ жизни». Здоровый образ жизни необходимо рассматривать в единстве его компонентов – биологического и социального. Современное понимание категории «здоровье» все более осмысливается как значимый феномен собственно социального бытия, как «структурообразующий фактор социальности» (Сайко, 2000).

Рассмотрим подробнее, чем характеризуется современное понимание проблематики психологического и нравственного здоровья, сформировавшееся в результате многовекового накопления научных и практических знаний. Как отмечает Б. Г. Юдин, понятие «здоровье» в обыденном сознании, как правило, представлено разнородностью компонентов, в связи с чем не всегда различимы в нем те сложные множественные смыслы, которые составляют его содержание (Юдин, 2000).

В ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»⁴, учитывающей формулировки экспертов Всемирной организации здравоохранения, сказано: «Здо-

ровье – состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие каких-либо болезней и дефектов». Аналогичное комплексное определение представлено и в «Толковом словаре психологических и психоаналитических терминов»: «Здоровье – относительно устойчивое состояние, в котором личность хорошо адаптирована, сохраняет интерес к жизни и достигает самореализации»⁵. Здоровье – понятие многогранное, включающее не только физическое, но и духовное здоровье.

Анализируя научные источники, посвященные понятию «здоровый образ жизни», приходится констатировать, что данная категория не определена однозначно. В психолого-педагогическом направлении «здоровый образ жизни» рассматривается с точки зрения сознания, психологии человека, мотивации» (Г. П. Аксенов, В. К. Бальсевич, Л. С. Кобелянская, М. Я. Виленский, И. О. Мартынюк, Р. Дитлс и др.).

Тем не менее здоровый образ жизни является предпосылкой для развития разных сторон жизни и деятельности человека, таких как долголетие, качественное выполнение социальных функций, активное участие в трудовой, общественной, семейно-бытовой, досуговой деятельности.

Исследователи Ю. В. Валентик, А. В. Мартыненко, В. А. Полесский определяют три основных компонента здорового образа жизни:

- объективные общественные условия;
- конкретные формы деятельности, позволяющие реализовывать здоровый образ жизни;
- систему ценностных ориентаций, направляющих сознательную активность.

Эти компоненты объединяют три вида здоровья:

- физическое здоровье – состояние организма, при котором все органы и системы человека хорошо функционируют и человек чувствует себя здоровым;
- психическое здоровье – состояние эмоциональной устойчивости;
- нравственное здоровье – то, что зависит от моральных принципов, являющихся основой социальной жизни человека.

Если для первых двух компонентов имеется четкое понимание их содержания, то в отношении нравственного здоровья на современной западной парадигме, до сих пор укореняющейся в России, стоит остановиться подробнее.

В последнее время все чаще можно услышать различные высказывания, предположения и рассуждения о «нравственном здоровье людей», «нравственном здо-

⁴ Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (2011). *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/A

⁵ Васильева, О. С., Филатов, Ф. Р. (2001). *Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки*: учебное пособие (стр. 8–9). Академия.

ровье общества», «государственном благе». В чем же смысл данных понятий?

Логично утверждать, что нравственное здоровье складывается в процессе формирования личности человека, его нравственного развития, накопления им нравственного опыта. Этот процесс предполагает нравственное образование и его постоянную модернизацию. Результатом нравственного развития можно считать полноценную нравственную личность. Но это скорее процесс, а не результат. Наиболее динамичной составляющей этого процесса является моральное сознание человека и его нравственный опыт. Личная нравственность этически зрелой личности в итоге соотносится с правилами и нормами поведения, общепринятыми в социуме.

Следовательно, в основе нравственного здоровья личности лежит позитивное восприятие окружающего мира. Это – позиция достойного гражданина своей страны, обладающего развитым нравственным сознанием, осознающим свои действия и поступки. Такая личность ориентирована на созидание, творчество, на стремление к самосовершенствованию и творение добра.

При этом актуальность здорового образа жизни будет тем более значимой, чем с большими нагрузками на организм будет сталкиваться человек в связи с усложнением общественной жизни, увеличением рисков техногенного, экологического, психологического, политического и военного характера, провоцирующих негативные сдвиги в состоянии его здоровья⁶.

Следует также отметить, что наиболее существенной причиной девиантного поведения несовершеннолетних являются недостатки в их нравственном воспитании, ввиду чего можно предположить, что о качественном нравственном здоровье в этом случае говорить будет бессмысленно. Большое влияние на поведение подростков и молодежи оказывает то, что они бедны житейским опытом, их эмоционально-волевая сфера ограничена, а также их повышенная неуравновешенность, неадекватность самооценок, недостаточное умение контролировать свои поступки, склонность к подражанию, повышенная внушаемость (Тхакохов, 2014). Следовательно, основную роль в предупреждении социальных девиаций несовершеннолетних играет педагогизация сфер нравственного воздействия.

Проанализируем понятие «нравственность» в современном обществе. Вопросы формирования нрав-

ственных ценностей и воспитания нравственности рассматривались многими психологами (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин, В. С. Мухина, Э. Эриксон, А. Маслоу, З. Фрейд, А. Адлер, К. Роджерс и др.) и педагогами (Б. Т. Лихачев, Д. К. Ушинский, И. П. Подласый, А. К. Бондаренко, В. Г. Нечаева, Р. С. Буре, Т. А. Куликова, А. В. Запорожец и др.).

В Большом академическом словаре русского языка понятие «нравственность» описывается как совокупность принципов и норм поведения человека по отношению к обществу и другим людям⁷.

В Педагогическом словаре «нравственность» определяется как «особая форма общественного сознания и вид общественных отношений, один из основных способов регуляции действий человека в обществе с помощью норм. В отличие от простых норм или традиций, нравственные нормы получают обоснование в виде идеалов добра и зла, справедливости. Нравственность – это система внутренних прав человека, основанная на гуманистических ценностях доброты, справедливости, порядочности, сочувствия, готовности прийти на помощь»⁸.

При этом мораль (от лат. mores – общепринятые традиции, негласные правила) – это принятые в обществе представления о хорошем и плохом, неправильном и правильном, зле и добре, а также совокупность норм поведения, вытекающих из этих представлений⁹.

Если обратиться к Психолого-педагогическому словарю Е. С. Рапацевича, то можно обнаружить, что «нравственность – это совокупность норм и правил, которые регулируют отношения людей в обществе на основе общественного мнения, стимулирующих или тормозящих их поведение и деятельность»¹⁰.

Уточним сущность понятия «норма». В Педагогическом словаре дается следующее определение: «Норма – это правило, требование, определяющее, как человек должен поступить в той или иной конкретной ситуации» (Каташев, Линьков, 2016). Получается, что нравственная норма может побуждать человека к определенным поступкам и действиям, а может и запретить или предостеречь от них. Нравственные нормы – это выражение определенных отношений, предписываемых моралью общества к поведению и деятельности личности в разных сферах.

«Формирование нравственности есть не что иное, как перевод моральных норм, правил и требований

⁶ Гамова, С. В. (2017). Реферат на тему: «Нравственность – основа устойчивого здоровья общества и человека». *Образовательная социальная сеть*. URL: <https://nsportal.ru/detskii-sad/vospitatelnaya-rabota/2017/06/09/nravstvennost-osnova-ustoychivogo-zdorovya-obshchestva>

⁷ Балахонова, Л. И. (ред.) (2004). *Большой академический словарь русского языка*. Т. 12. Москва, Санкт-Петербург: Наука.

⁸ Коджаспирова, Г. М., Коджаспиров, А. Ю. (2005). *Педагогический словарь: для студентов высш. и сред. пед. учеб. заведений* (стр. 92). Москва: Академия.

⁹ Термин «Мораль». *Википедия*. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C>

¹⁰ Рапацевич, Е. С. (2006). *Психолого-педагогический словарь*. Минск: Современное слово.

в знания, навыки и привычки поведения личности и их неуклонное соблюдение»¹¹.

Итак, что же такое нравственное здоровье и как происходит формирование нравственных представлений личности?

По мнению Г. Н. Эйсмонт-Швыдкой, в отечественной педагогике воспитание нравственности рассматривается как активный целенаправленный процесс, в результате которого происходит формирование высшего сознания, нравственных чувств, привычек морального сознания и поведения с первых лет жизни (Болдырев, 1979).

”

*Основную роль
в предупреждении социальных
девиаций несовершеннолетних
играет педагогизация сфер
нравственного воздействия*

“

В. В. Линьков предмет нравственного воспитания рассматривает в виде системного единства взаимосвязанных и развивающихся компонентов, входящих в структуру нравственного сознания и нравственного поведения, определяющих положительные качества личности и влияющих на моральный климат групп, сообществ (Каташев, Линьков, 2016).

Существует ли проблема формирования нравственных качеств в обществе, возможно ли воспитать в развивающейся личности нравственные качества?

О воспитании нравственности писал И. П. Подласый: «Нравственное воспитание – это целенаправленное и систематическое воздействие на сознание, чувства и поведение воспитанников с целью формирования у них нравственных качеств, соответствующих требованиям общественной морали. Основные задачи

нравственного воспитания: формирование нравственного сознания; воспитание и развитие нравственных чувств; выработка умений и привычек нравственного поведения»¹².

По результатам проведенного анализа научных источников можно сделать следующий вывод: нравственное воспитание – это активный жизненный процесс постоянного и систематического решений, процесс выстраивания отношений и взаимодействий со средой, обществом, процесс самоопределения в нем и самоуправления в соответствии с установленными социальными нормами¹³.

Обращаясь к анализу состояния нравственного здоровья молодежи и несовершеннолетних, нельзя не заметить, что в периоды революционных преобразований происходит своего рода разрушение нравственных устоев. В XX веке в нашей стране этих периодов было несколько.

После 1917 г. на смену библейским духовным заповедям, по которым фактически жила царская Россия, народу был предложен советский Кодекс строителя коммунизма. И хотя он содержал сходные нравственные критерии: гуманные отношения и взаимное уважение между людьми, честность и правдивость, нравственную чистоту, скромность в общественной и личной жизни, взаимное уважение в семье и заботу о воспитании детей, неприемлемость к туеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству, однако образ жизни стал иным.

С 90-х годов события в нашей стране напоминают период революционных преобразований, происходит изменение прежнего образа жизни. Нравственные устои общества постепенно стали разрушаться и в обществе укореняется установка: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?». В итоге нравственность, о которой так радела интеллектуальная элита и широкие массы населения, постепенно стали понимать как некую слабость человеческую, беспринципность, отсутствие личностного стержня.

Ориентир на возрождение морально-нравственных ценностей необходим в настоящее время прежде всего потому, что завуалированная форма безнравственности современного российского общества с его свободными нравами в рассматриваемом аспекте является в большинстве случаев причиной многих социальных девиаций: наркомании, пьянства, проституции, преступности, других форм аддикций в среде лиц несовершеннолетнего возраста и молодежи.

¹¹ Харламов, И. Ф. (2010). *Педагогика: Учеб. пособие для уч. средних учеб. заведений*, 2-е изд. перераб. и доп. Академия.

¹² Подласый, И. П. (2004). *Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов: учебное пособие для вузов*. ВЛАДОС–пресс.

¹³ Васильева, О. С., Филатов, Ф. Р. (2001). *Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки: учебное пособие* (стр. 8–9). Академия.

К основным угрозам нравственных основ жизнедеятельности можно отнести следующие формы девиантного поведения (Рис.1):

Эти негативные явления, охватывая жизнь и деятельность несовершеннолетних и молодежи, относятся к предмету не только психологии, педагогики, социологии и философии, но и правовых наук.

В настоящий момент проблема формирования нравственного здоровья подростков и молодежи остается приоритетным направлением. Вместе с тем современная молодежь, подростки нередко характеризуются небрежностью в отношении к своему здоровью. В некоторой степени это объясняется отсутствием в течение длительного времени социальной политики государства в пропаганде здорового образа жизни. Усугубляет данный факт и то, что современное общество

перешло в эпоху цифровизации, которая наряду с несомненным положительным воздействием вносит в жизненное пространство людей ряд таких проблем, с которыми человечество столкнулось относительно недавно.

В связи с этим в контексте обозначенной проблемы актуальной становится задача формирования у молодого населения общества не просто нравственных представлений о здоровье. Речь должна идти об активном формировании у молодого человека четких представлений о культуре здоровья, включающей в себя и информационную составляющую. В этом ракурсе будет уместным конкретизировать основные угрозы современного цифрового общества. Речь идет о следующих сайтах:

– сайты, посвященные продаже контрабандных товаров или другой незаконной деятельности;

Рисунок 1. Основные формы проявления девиантного поведения несовершеннолетних

Figure 1. Main forms of manifestation of deviant behavior of minors

- сайты, размещающие изображения порнографического характера или иной неприемлемый сексуальный контент, к которым подростки, молодежь могут легко получить доступ;
- сайты с рекламой табака, алкоголя и наркотиков;
- сайты, посвященные изготовлению взрывчатых веществ;
- сайты, пропагандирующие насилие и нетерпимость;
- сайты, публикующие дезинформацию;
- сайты по продаже оружия, отравляющих веществ;
- сайты, позволяющие детям принимать участие в азартных онлайн-играх;
- сайты, на которых могут собирать и продавать частную информацию о детях, подростках, семье в целом.

Если рассмотреть поэтапно последовательность распространения вредоносного эффекта от пребывания на перечисленных сайтах, который ощущает на себе молодой человек, подросток, то прежде всего следует отметить разрушающее воздействие на их психику.

Сюда можно отнести информацию:

- побуждающую подростков, молодых людей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни (здоровью), в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству;
- способную вызвать у молодых людей желание употребить наркотические средства, психотропные или (и) одурманивающие вещества, табачные изделия, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, пиво и другие напитки, изготавливаемые на основе алкоголя;
- способную вызвать желание принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством, попрошайничеством;
- обосновывающую или оправдывающую допустимость насилия и (или) жестокости, либо побуждающую осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным, за исключением случаев, предусмотренных действующим федеральным законом;
- отрицающую семейные ценности и формирующую неуважение к родителям и другим членам семьи;
- оправдывающую противоправное поведение;
- содержащую нецензурную брань;
- порнографического характера.

Согласно данным Министерства цифрового развития связи и массовых коммуникаций, в России в 2016 году доля молодых пользователей сети Интернет составляла 56 % в возрасте от 14 до 16 лет, которые практически все время проводили в сети. Этот показатель уже тогда опережал европейские цифры¹⁴. В январе 2021 г. указанным Министерством были представлены новые показатели. Так, доля пользователей интернета в возрасте от 12 до 24 лет оказалась самой большой по сравнению с другими возрастными категориями и составила 97,1 %. Следует обратить внимание на принципиальные возрастные особенности молодых пользователей сети. По мнению многих исследователей, занимающихся изучением рассматриваемого нами вопроса, наиболее уязвимыми для киберугроз являются подростки 13–15 лет. В этом возрасте поведение молодых людей в интернете становится более активным и сложным. Одновременно, как отмечают исследователи, начинает ослабевать контроль со стороны родителей. Отмеченные факты позволяют сделать некоторые выводы.

Начиная с 13–15 лет наблюдается резкий скачок количества юных пользователей, которые большую часть своего свободного времени проводят в сети. В то же время родители детей 13–15 лет чаще замечают что-тостораживающее на их страницах в соцсетях: у молодых людей именно этого возраста часто встречаются друзья или одноклассники, предпочитающие публиковать жестокий контент. Они же чаще остальных возрастных аудиторий увлечены многопользовательскими онлайн-играми, а также чаще других сталкиваются с кибербуллинг. Вместе с тем ни для кого не секрет, что современные школьники в целом слабо защищены от интернет-угроз. По статистике, каждый пятый опрошенный получал предложение дружбы от незнакомых взрослых в соцсетях.

Что касается средств защиты детей в сети, то, согласно опросу, проведенному Лабораторией Касперского, функция родительского контроля подключена лишь у 38 % родителей¹⁵, причем в основном на стационарных компьютерах и ноутбуках. Мобильные устройства, с которыми дети проводят большую часть личного времени, чаще всего незащищены.

Что касается взаимоотношений родителей и детей, здесь также наблюдается далеко не самая благополучная картина. Онлайн-жизнь детей про-

¹⁴ *Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.* URL: <https://digital.gov.ru>

¹⁵ Соцопрос. *Официальный сайт Лаборатории Касперского.* URL: <https://www.kaspersky.ru>.

воцирует частые конфликты с родителями, в чем признались 29 % опрошенных родителей, при этом основной причиной конфликта (83 %) выступает количество времени, проводимое в сети.

Таким образом, формирование нравственных основ жизни как основы профилактики социальных девиаций среди несовершеннолетних и молодежи – это комплексный институт, включающий экономические, организационно-управленческие, социальные, морально-психологические, санитар-

но-эпидемиологические, медицинские, культурно-нравственные, профилактические и правовые меры (Козаченко, Сергеев, 2022), которые государство обязано предпринимать в интересах своих граждан. Реализация данных мер будет способствовать формированию морально-нравственных представлений у подростков и молодежи в аспекте основ культуры здоровья населения и повышению эффективности профилактики девиантного поведения среди молодого населения общества.

Список литературы

- Алексеева, Л. С. (2003). Бездомные как объект социальной дискредитации. *Социологические исследования*, 9 (233). EDN OOOVCJ.
- Болдырев, Н. И. (1979). *Нравственное воспитание школьников. Вопросы теории*. Москва: Педагогика.
- Гишинский, Я. И. (ред.) (2000). *Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление*: монография. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Дюркгейм, Э. (1991). *О разделении общественного труда. Метод социологии* (пер. с франц.). Москва: Наука.
- Дюркгейм, Э. (1994). *Самоубийство: Социологический этюд* (пер. с фр. с сокр.; под ред. В. А. Базарова). Москва: Мысль.
- Каташев, И. А., Линьков, В. В. (2016). Критерии нравственного развития. *Наука и школа*, 2, 196–206.
- Козаченко, И. Я., Сергеев, Д. Н. (2022). Должно ли уголовное право обеспечивать принудительность моральных запретов? *Юридический вестник Кубанского государственного университета*, 1, 40–49. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-40-49>
- Сайко, Э. В. (2000). Здоровье как явление социального бытия и основание действенной силы человека в его эволюции. *Мир психологии*, 1 (21), 3–11.
- Скуг, У., Бьерк, К. (1990). Алкоголизм и насильственная преступность. *Общественные науки за рубежом: Реферативный журнал. Серия 4: Государство и право*, 1.
- Тхакохов, А. А. (2014). Причины и условия противоправного поведения несовершеннолетних. *Молодой ученый*, 4 (63), 882–884.
- Юдин, Б. Г. (2000). Здоровье: факт, норма и ценность. *Мир психологии*, 1 (21), 54–68.

References

- Alekseeva, L. S. (2003). Bezdomnye kak ob'ekt social'noj diskreditacii. *Sociologicheskie issledovaniya*, 9 (233). EDN OOOVCJ.
- Boldyrev, N. I. (1979). *Nravstvennoe vospitanie shkol'nikov. Voprosy teorii*. Moscow: Pedagogika.
- Gilinskij, Ya. I. (red.) (2000). *Deviantnost' i social'nyj kontrol' v Rossii (XIX-HKH vv.): tendencii i sociologicheskoe osmyslenie*: monografiya. Saint Petersburg: Aletejya.
- Dyurkgejm, E. (1991). *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii* (per. s franc.). Moscow: Nauka.
- Dyurkgejm, E. (1994). *Samoubijstvo: Sociologicheskij etjud* (per, s fr. s sokr.; pod red. V. A. Bazarova). Moscow: Mysl'.
- Katashev, I. A., Lin'kov, V. V. (2016). Kriterii нравstvennogo razvitiya. *Nauka i shkola*, 2, 196–206.
- Kozachenko, I. Ya., Sergeev, D. N. (2022). Dolzhno li ugovolnoe pravo obespechivat' prinuditel'nost' moral'nyh zapretov? *Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 40–49. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-40-49>
- Sajko, E. V. (2000). Zdorov'e kak yavlenie social'nogo bytiya i osnovanie dejstvennoj sily cheloveka v ego evolyucii. *Mir psihologii*, 1 (21), 3–11.
- Skug, U., B'erk, K. (1990). Alkogolizm i nasil'stvennaya prestupnost'. *Obshchestvennye nauki za rubezhom: Referativnyj zhurnal. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo*, 1.
- Thakohov, A. A. (2014). Prichiny i usloviya protivopravnogo povedeniya nesovershennoletnih. *Molodoy uchenyj*, 4 (63), 882–884.
- Yudin, B. G. (2000). Zdorov'e: fakt, norma i cennost'. *Mir psihologii*, 1 (21), 54–68.

Информация об авторах:

Лилия Николаевна Плоткина – доцент кафедры социальной безопасности Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат психологических наук, доцент

Владимир Николаевич Бурлаков – профессор кафедры уголовного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

About the authors:

Lilia N. Plotkina – Associate Professor at the Department of Social Security of Herzen Russian State Pedagogical University, Cand. Sci. (Ped.), Associate Professor.

Vladimir N. Burlakov – Professor at the Criminal Law Department, Faculty of Law, St. Petersburg State University, Dr. Sci. (Jurid.), Professor.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 01.09.2023

Одобрена после рецензирования 03.10.2023

Опубликована 28.10.2023

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted September 01, 2023

Approved after reviewing October 03, 2023

Accepted October 28, 2023

УДК 343.97: 316.624

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-3-324-334

Девиации как гипотетическая основа негласно-конспиративного сегмента оперативно-розыскной деятельности (на примере легендированных объектов)

Андрей Иванович Тамбовцев

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

bestcopat@mail.ru

ORCID: 0009-0004-9418-7060

Аннотация

Современная оперативно-розыскная деятельность имеет в своем правозащитном арсенале разнообразный функционально-правовой инструментарий, негласно-конспиративная часть которого во многом сходна с древнейшими социально-психологическими девиациями общества в целом и отдельных индивидов – обманом и мимикрией, но направлена на достижение социально-гуманистических целей общества. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» декларирует право субъектов ОРД на создание предприятий, учреждений, организаций и подразделений, необходимых для решения задач, стоящих перед оперативно-розыскными органами, но при этом не раскрывает сути данных терминов, называемых в профессиональной среде «легендированные объекты».

На основе сравнительного и содержательного анализа некоторых выдержек из классического произведения «Золотой теленок» и сопоставления их с положениями современного российского оперативно-розыскного законодательства, научными воззрениями на проблематику ОРД и складывающейся оперативно-розыскной практикой автор выделяет основные особенности такого средства оперативно-розыскной деятельности, как «легендированный объект», и рассуждает о его генезисе, предназначении, современном состоянии и перспективах использования в решении задач оперативно-розыскной деятельности.

В заключении автор делает вывод о возможных направлениях использования легендированных объектов в выявлении широкого ряда лиц (потенциальных преступников), представляющих оперативный интерес, и документировании их преступной деятельности, а также в процессе выявления и раскрытия преступлений.

Ключевые слова

девиации, обман, мимикрия, легенда, легендированный объект, оперативно-розыскная деятельность, маскировка

Для цитирования: Тамбовцев, А. И. (2023). Девиации как гипотетическая основа негласно-конспиративного сегмента оперативно-розыскной деятельности (на примере легендированных объектов). *Российский девиантологический журнал*, 3 (3), 324–334. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-324-334.

Deviations as a hypothetical basis of the secret-conspirational segment of operative-investigation activity (on the example of legendary / undercover objects)

Andrei I. Tambovtsev

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
bestcopat@mail.ru

ORCID: 0009-0004-9418-7060

Abstract

The article is devoted to the analysis of the modern crime detection means and methods. The author considers that contemporary operative-investigation activity is based on diverse functional and legal tools; some of them are similar to the oldest socio-psychological deviations of society, but aimed at achieving the social and humanistic goals of society. The Russian legislation declares the right of the subjects of the operative-investigation activity to «create enterprises, institutions, organisations and divisions necessary to solve tasks», but does not reveal the essence of these terms, called in the professional environment «legendary objects».

On the basis of a comparative and meaningful analysis of some excerpts from the classic work «The Golden Calf» with the provisions of modern Russian operative-investigation legislation, scientific views on the issues of the operative-investigative activity and the recent detective practice, the author highlights the main features of such a means of «legendary object» and talks about its genesis, purpose, current condition and prospects for use in solving the problems of crime prevention and detection.

The author concludes on possible directions for using legendary / undercover objects in revealing a wide range potential criminals and documenting their criminal activities, as well as in detecting and solving crimes.

Keywords

deviations, fraud, mimicry, legend, legendary / undercover object, operative-investigation activity, disguise

For citation: Tambovtsev, A. I. (2023). Deviations as a hypothetical basis of the secret-conspirational segment of operative-investigation activity (on the example of legendary / undercover objects). *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (3), 324–334. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-324-334.

Рассматривая девиацию в наиболее обобщенном значении, полагаем, ее следует понимать как отклонение от некоей нормы¹. При этом в зависимости от того, о чем идет речь, это явление может иметь отношение к сугубо техническим, военным, социальным, психофизиологическим, индивидуально-поведенческим, правовым и иным аспектам жизнедеятельности человека и общества и Бытия как такового. Данные отклонения не означают только и исключительно

отрицательные (негативные, плохие) процессы и их последствия, они могут иметь как негативный, так и позитивный характер (потенциал, результат).

Для нормальной жизни общества критическое значение имеют именно социально-негативные девиации персоналий и групп, к которым относятся правонарушения и особенно преступления, изучаемые целым рядом социально-правовых и юридических наук – криминологией, психологией, социологией, девиан-

¹ Чудинов, А. Н. (1910). *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка*; Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. (1992). *Толковый словарь русского языка*; Ефремова, Т. Ф. (2012). *Толковый словарь Ефремовой*.

тологией, криминалистикой, оперативно-розыскной деятельностью и др. При этом глубинное понимание генезиса данного явления – его истинных причин, триггеров, катализаторов, результатов и пр. – выступает определенным гарантом и базисом для выработки и успешной реализации отдельных действий и масштабных социальных программ в борьбе с данным социальным злом – своевременного предотвращения, пресечения готовящихся и совершаемых преступлений или раскрытия ранее совершенных и нивелирования потенциальных или уже наступивших негативных последствий.

Среди широкого ряда разнообразных преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, каждое из которых само по себе уже является ярким примером девиантного, опасного для общества поведения субъекта, особо следует выделить такой вид преступлений, как мошенничество, в основе которого изначально лежит обман (ложь) как действия, не свойственные нормальным взаимоотношениям в социуме и между отдельными индивидами. К тому же многими российскими учеными (Фомов, 2000; Мещерин, 2005; Чикишева, 2011; Стрижов, 2011)² признано, что мошенники представляют собой весьма специфичную категорию преступников. Их морально-этические, нравственные, ценностные и поведенческие сферы подвержены серьезным девиациям, которые следует рассматривать не как индивидуальные нравственные и психические отклонения, свойственные единичным преступникам, а как изменения нравственно-правовой и морально-этической сферы значительной социальной группы современных мошенников, не считаться с которыми просто невозможно. Яркими негативными примерами глубоких нравственных девиаций вовлеченных субъектов (в виде участников / членов социальных структур, общественных и коммерческих организаций) и «социальной безответственности, допущенной российским обществом и государственной властью в нашем недавнем прошлом, являются рекламные кампании и непосредственная мошенническая деятельность финансовых пирамид „МММ“, „Русский дом Селенга“, „Хопер-Инвест“ и др., длительное время транслиро-

вавшиеся по каналам центрального телевидения, и, как следствие, приведшие к обману миллионов вкладчиков, разорению частных предприятий, череде депрессий и самоубийств. Кроме них было множество других организаций, занимавшихся финансовым мошенничеством с использованием ненадлежащей рекламы»³, на что мы уже указывали ранее (Тамбовцев, 2014).

”

Для нормальной жизни общества критическое значение конечно же имеют именно социально-негативные девиации персоналий и групп, к которым относятся правонарушения и особенно – преступления, изучаемые целым рядом социально-правовых и юридических наук

“

Признавая всю опасность данного вида преступлений (впрочем, как и всех остальных), общество и государство в лице своих законотворческих и правоприменительных органов и структур постепенно пришли к пониманию вынужденной необходимости использования принципа древних мыслителей (в том числе юристов) «*Similia similibus curantur* – подобное излечивается подобным»⁴ в борьбе с тайно совершаемыми преступлениями вообще и с теми, в основе которых лежит обман, в частности. Это признается практически всеми авторами современных изданий по оперативно-розыскной деятельности⁵. Так, тайной

² Тарасов, А. Н. (2015). *Психология корпоративного мошенничества*. Учебник и практикум: Бакалавр и магистр. Академический курс. (1-е изд.). Юрайт.

³ Клейменов, М. П. (2008). *Криминология*: учебник (стр. 71). Норма.

⁴ Гамзатов, М. (2002). Латинско-русский словарь юридических терминов и выражений для специалистов и переводчиков английского языка (стр. 410). Издательство Санкт-Петербургского университета.

⁵ Дубоносов, Е. С. (2013). *Оперативно-розыскная деятельность*: учебник для вузов, 4-е изд., перераб. и доп. (стр. 204). Юрайт; Хармаев, Ю. В. (2015). *Теория оперативно-розыскной деятельности*: учебное пособие (стр. 65). Изд-во ВСГУТУ; Алферов, В. Ю., Гришин, А. И., Ильин, Н. И. (2016). *Правовые основы оперативно-розыскной деятельности*: учебное пособие для студентов, 3-е изд., испр. и доп. (стр. 102). Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова; Шагапсов, З. Л., Голяндин, Н. П. (2016). *Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел*: учебник (стр. 101). Краснодарский университет МВД России; Назаров, С. В. (2018). *Основы оперативно-розыскной деятельности*: учебное пособие (стр. 160). Санкт-Петербургская юридическая академия.

подготовке и реализации злоумышленниками своих преступных планов государство в лице своих оперативных подразделений противопоставляет негласные силы, средства и методы активного противодействия, лжи и обману преступников – дезинформацию, введение в заблуждение, легендирование; преступной мимикрии – конспирацию, оперативные гардеробы, маскировку и перевоплощение; реальной преступной деятельности – инсценировку / имитацию преступного поведения лиц, внедренных в преступные группы; фальшивым / поддельным документам – документы, «зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе», так называемые документы прикрытия (в соответствии с п. 4 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД)) и пр.

Иными словами, изначально негативному, антиобщественному противоправному «инструментария» был придан положительный потенциал и гуманистическая социальная направленность, позволившие использовать лежащие в основе этих девиаций принципы на пользу общества и государства. Данная позиция государства нашла свое нормативное выражение в положениях Закона об ОРД, сделав перечисленные негласно-конспиративные силы, средства и методы оперативно-розыскной деятельности легитимными (Елисов, 2015; Агарков, 2017; Говорухин и др., 2019; Бертовский, Сембекова, 2019; Белый, Кучмин, 2021).

Одним из таких способов, наряду с использованием многих иных негласных средств и методов, является предусмотренное п. 5 ст. 15 Закона об ОРД создание в соответствии с законодательством Российской Федерации предприятий, учреждений, организаций и подразделений, необходимых для решения задач, предусмотренных оперативно-розыскным законодательством, называемых легендированными предприятиями или легендированными объектами. Таким образом, предметом рассмотрения данной статьи являются функционально-правовые особенности создания и функционирования указанных объектов в соответствии с оперативно-розыскным законодательством России.

Несмотря на то, что ни один из действующих федеральных законов не использует нижеуказанную терминологию, в сугубо профессиональной и научной среде большую часть упомянутых объектов (созданных в установленном законодательством Российской Федерации порядке предприятий, учреждений, организаций и подразделений, необходимых для решения задач, предусмотренных Законом об ОРД) принято

называть устоявшимся в оперативно-розыскной среде термином «легендированные объекты».

Так, авторы одного из комментариев Закона об ОРД констатируют, что «органы, осуществляющие ОРД, вправе проводить ОРМ, осуществлять зашифровку своих действий, используя для этого ... легендированные объекты...» (Овчинский, 2023). И хотя содержание данного термина ими прямо не раскрывается, но опосредованное указание на предназначение таких объектов (зашифровка собственных действий) позволяет вдумчивому читателю понять его значение.

В авторском проекте оперативно-розыскного закона профессор В. Ф. Луговик не просто многократно использует упомянутый термин (понятие) в положениях, раскрывающих полномочия субъектов ОРД в рассматриваемом нами контексте, но и дает его аутентичное определение:

«Статья 1 «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе»

Если не оговорено иное, основные понятия, используемые в настоящем Кодексе, имеют следующие значения:

3) легендированные организации – предприятия, учреждения, организации и подразделения, созданные оперативно-розыскными органами под вымышленными названиями и легендой, с зашифровкой их ведомственной принадлежности для решения задач оперативно-розыскной деятельности...

Статья 12. Конспирация

1. Органы и должностные лица, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, в необходимых случаях соблюдают конспирацию. В этих целях они могут использовать документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств оперативно-розыскных органов и личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, создавать легендированные организации, имитировать противоправное поведение, а также предпринимать иные действия для обеспечения конспирации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности...

Статья 21. Права оперативно-розыскных органов

1. Оперативно-розыскные органы имеют право:

8). Использовать в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности по договору или устному соглашению служебные помещения, имущество предприятий, учреждений, организаций, воинских частей, транспортные средства, а также жилые и нежилые помещения, транспортные средства и иное имущество частных лиц.

10). Создавать в установленном порядке легендированные организации, необходимые для решения задач оперативно-розыскной деятельности...» (Луговик, 2015).

Кроме того, в ряде научных работ по оперативно-розыскной тематике ученые рассматривают данную проблематику и активно дискутируют, используя оперативно-розыскные термины «легенда», «легендирование», «легендированные объекты» (Галушко, Панюшин, 2010; Железняк, 2017; Лузько, 2020), порой обобщая их и наделяя не всегда одним и тем же одинаковым смыслом (содержанием). При этом отличительной особенностью современных правовых и научных источников, посвященных рассматриваемому контексту, можно с некоторой долей условности назвать одновременное понимание под легендированными объектами обеих категорий упомянутых в Законе об ОРД объектов, а именно:

1) используемые по договору или устному соглашению служебные помещения, имущество предприятий, учреждений, организаций, воинских частей, а также жилые и нежилые помещения, транспортные средства и иное имущество частных лиц;

2) создаваемые в установленном законодательством Российской Федерации порядке предприятия, учреждения, организации и подразделения, необходимые для решения задач, предусмотренных Законом об ОРД.

Рассмотрим вторую группу таких объектов.

Прежде всего, считаем обязательным указать, что, говоря о «создании предприятий, учреждений, организаций и подразделений, необходимых для решения задач ОРД», законодатель ведет речь исключительно об объектах оперативно-розыскного предназначения, а не о создании (покупке, строительстве, аренде) зданий, строений, помещений и т. п., необходимых для обычного функционирования правоохранительного ведомства или его структуры, – зданий территориальных правоохранительных органов и их структурных подразделений, гаражей для специального транспорта, спортивных залов и полигонов, ведомственных медицинских заведений, учебных учреждений и пр.

Данный вывод логично вытекает из совокупности статей Федерального закона «О полиции». Так, статья «Организация полиции» гласит, что в состав полиции могут входить подразделения, организации и службы, создаваемые для выполнения возложенных на полицию обязанностей (далее – подразделения полиции). В то же время статья 28 «Основные права сотрудника полиции» закрепляет право сотрудников полиции «на обеспечение надлежащих организационно-технических условий, необходимых для выполнения служебных обязанностей», к которым следует отнести все виды зданий, сооружений, помещений и пр., используемых для размещения и работы всех структурных подразделений полиции (или иного правоохранительного ведомства). Иными словами, свои структурные

подразделения (как основные, так и вспомогательные) полиция (как, впрочем, и любой иной субъект ОРД) создает самостоятельно и непосредственно для прямой реализации своих правоохранительных функций. В пункте 5 ст. 15 «Права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» речь ведется не о структурных подразделениях, а именно о легендированных объектах – сторонних организациях (или иных объектах), создаваемых исключительно для решения оперативно-тактических задач.

Одна из первых и немногочисленных попыток хотя бы образно (без конкретизации и погружения в оперативно-тактические секреты ОРД) раскрыть сущность и предназначение легендированных объектов была сделана профессором Н. С. Железняком. В своей монографической работе он указывает на полномочие органов, осуществляющих ОРД, «создавать легендированные объекты (учреждения, предприятия, фирмы), зашифровывающие принадлежность их и работающих в них лиц к оперативно-розыскной сфере. Чтобы понять их роль, достаточно вспомнить контору “Рога и копыта” из бессмертного произведения И. Ильфа и Е. Петрова “Золотой теленок”» (Железняк, 2019). Однако столь краткое описание предназначения известной конторы, давно ставшей нарицательным понятием, весьма обобщенно указывает лишь на главную, но далеко не единственную цель – сокрытие истинного характера деятельности великого комбинатора и его подручных, но, по нашему мнению, совершенно не раскрывает ее роль. При этом для неискушенного в юридических, а тем более в оперативно-розыскных нюансах и хитростях читателя все реальные и гипотетические особенности и «преимущества» существования и деятельности конторы «Рога и копыта» (свойственные и современным легендированным объектам) могут оставаться не увиденными в тексте и не понятыми. Содержательный же анализ текста «Золотого теленка»⁶ позволяет выявить некоторые сущностные признаки, свойственные легендированному объекту в современном оперативно-розыском значении. Основываясь на том, что девиантным рассматриваемую в романе производственно-коммерческую контору «Рога и копыта» делает именно ее действительное предназначение – скрыть истинные мотивы и цели работников, приведем и проанализируем некоторые цитаты бессмертного произведения, указывающие на специфические особенности этой конторы, свойственные именно легендированному объекту в оперативно-розыскной деятельности:

1. «Взять крепость неожиданной атакой не удалось, – думал он, – придется начать правильную осаду».

Если рассматривать эти аллегорические рассуждения великого комбинатора с позиции современной

⁶ Ильф, И., Петров, Е. *Золотой теленок* (полная версия). https://www.100bestbooks.ru/files/Ilf_i_Petrov-zolotoi_telenok.pdf

оперативно-розыскной деятельности, то интерпретировать их следует как констатацию Остапом Бендером невозможности раскрыть нелегальную деятельность мошенника гражданина Корейко сразу и быстро (то есть атакой) и принятие им решения о необходимости начать длительный и тайный сбор информации о подпольном миллионере (то есть осаду). Важно отметить, что иносказательно авторами описывается не что иное, как классическая оперативная разработка. В оперативно-розыскной деятельности практика-

”

*...тайной подготовке
и реализации
злоумышленниками
своих преступных планов,
государство в лице своих
оперативных подразделений
противопоставляет негласные
силы, средства и методы
активного противодействия*

“

ми и теоретиками «система оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию преступлений выделяется в самостоятельную организационно-тактическую форму ОРД, получившую название оперативная разработка»⁷, которая проводится как раз в том случае, когда гласными методами уголовного судопроизводства (в основном следственными действиями) изобличить фигуранта в причастности к преступной деятельности крайне затруднительно или невозможно. В данном случае проводимые великим комбинатором действия (как до создания им конторы «Рога и копыта», так и после этого) являются по своей сути именно оперативной разработкой. Остап Бендер является ее инициатором, а Александр Иванович Корейко – фигурантом. Разумеется, строго юридически действия Остапа не могут считаться оперативно-розыскны-

ми мероприятиями (особенно с правовых позиций), но по сути являются именно таковыми (или же их функциональными аналогами). Даже самое примитивное сопоставление целей и особенностей деятельности конторы свидетельствует об их практически полном соответствии авторской дефиниции оперативной разработки, предлагаемой профессором В. Ф. Луговиком в его проекте оперативно-розыскного кодекса, а именно: «Оперативно-розыскная деятельность, осуществляемая оперативно-розыскным органом, как правило, с заведением оперативного дела в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, изобличения виновных в совершении преступления, а также розыска лиц, скрывшихся от правосудия или отбывания наказания» (Луговик, 2015). С другой стороны, очевидно, что мошенническим (то есть девиантным с позиции общественной морали и права) действиям Александра Ивановича Корейко Остап Бендер противопоставляет практически те же самые девиантные способы, но противоположной направленности, условно-положительного потенциала.

2. Контора по заготовке рогов и копыт была открыта по многим причинам. Следствие по делу Корейко, – говорил Остап, – может поглотить много времени. Сколько – знает один бог. А так как бога нет, то никто не знает. Ужасное положение! Может быть, год, а может быть, и месяц. Во всяком случае, нам нужна легальность. Нужно смешаться с бодрой массой служащих. Все это дает контора.

Данная цитата, по нашему убеждению, опосредованно указывает сразу на несколько оперативно-розыскных признаков, связанных как с оперативно-розыскной деятельностью вообще, так и с оперативной разработкой в частности, и с созданием легендированного объекта (конторы) в особенности.

Прежде всего, Остапом упоминается некий промежуток времени, который может потребоваться на изобличение Корейко. Это напрямую ассоциируется с конкретными (не бесконечными), а обобщенно установленными Законом об ОРД, а более конкретно – ведомственными нормативными правовыми актами, сроками ведения дел оперативного учета, в рамках которых и осуществляется разработка.

Во-вторых, упомянутую легальность⁸ следует рассматривать не только как правомерность (другими словами, законность) образования / создания конторы в соответствии с действующими требованиями и про-

⁷ Чечетин, А. Е. (2007). *Основы оперативно-розыскной деятельности*: учебное пособие, 3-е изд., доп. и перераб. (стр. 10). Барнаульский юридический институт МВД России.

⁸ *Юридический словарь*. Легальность – признание какой-либо организации, процедуры, общественного отношения существующими на законных основаниях. Л. противопоставляется нелегальности (запрещенное, существующее вопреки закону). В российской нормативно-правовой терминологии используется аналогичный термин – законность. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/15822> (Дата обращения 08.08.2022 г.)

цедурами, но и правомерность ее дальнейшей деятельности и связанными с этим не только обязанностями, но и правами. Например, правом направлять официальные подлежащие ответу запросы в иные организации и частным лицам, что во множестве и осуществлялось Остапом Бендером, а по своей сути является оперативно-розыскным мероприятием «наведение справок». Кроме того, многочисленные личные контакты Остапа Бендера со служащими «Геркулеса» и другими лицами из окружения Корейко можно расценивать как разнообразные варианты ОРМ «опрос» (в основном, разведывательный, с зашифровкой цели), а также как привлечение граждан к различным формам содействия, что тоже свойственно любой оперативной разработке.

В-третьих, великий комбинатор прямо указывает на необходимость членам конторы «смешаться с бодрой массой служащих», т. е. на конспирацию. Именно контора позволяла Остапу и его подручным выглядеть и считаться конторскими служащими, занимающимися заготовкой рогов и копыт, а не «шайкой жуликов», занимающихся тайным сбором сведений о подпольной противоправной деятельности Корейко.

3. Мы будем заготавливать что-нибудь очень смешное, например, чайные ложечки, собачьи номера или шмуцлерский товар. Или рога и копыта. Прекрасно! Рога и копыта для нужд гребеночной и мундштучной промышленности! Чем не учреждение? К тому же в моем чемоданчике имеются чудные бланки на все случаи жизни и круглая, так называемая мастичная печать.

Указанное заявление Остапа Бендера еще раз отражает одну из возможных целей создания легендированного объекта – маскировку видимой официальной деятельностью негласно проводимых мероприятий по достижению реальных (скрываемых от окружающих) целей и задач и, конечно же, результатов. В то же время одной из иных целей (не стоящих перед Остапом Бендером), по нашему мнению, может являться «специальное привлечение внимания потенциальных преступников к криминогенно привлекательному объекту», что в современном понимании оперативно-розыскной деятельности полностью укладывается в содержание ОРМ «Оперативный эксперимент», о чем отдельно будет сказано далее по тексту.

Кроме того, опосредованно указано на иные косвенные атрибуты легендированного объекта – наличие штата работников, печати организации (предусмотренной Гражданским кодексом Российской Федерации) и соответствующих бланков.

4. Деньги, от которых Корейко отрекся, и которые щепетильный Остап счел возможным заприходовать, были положены в банк на текущий счет нового учреждения.

Цитата прямо говорит об одном из обязательных (вероятно, за редким исключением) атрибутов легендированного объекта – банковском счете, который не

только является условием для открытия и функционирования конторы (легендированного объекта), но в определенных ситуациях современной реальности может быть своего рода доказательством функционирования объекта, «наживкой» для преступников, отражающей наличие и движение денежных средств, финансовые операции и т. п.

5. Но даже машинка с удивительным проносом не могла омрачить светлой радости великого комбинатора. Ему очень нравилось новое поприще. Ежечасно он прибегал в контору с покупками. Он приносил такие сложные канцелярские машины и приборы, что курьер и уполномоченный только ахали. Тут были дыропробиватели, копировальные прессы, винтовой табурет и дорогая бронзовая чернильница в виде нес-

”

...современный негласно-конспиративный инструментарий оперативно-розыскной деятельности имеет в своем распоряжении некоторые средства и методы, основанные на «положительных» девиациях, к которым среди прочих можно и нужно отнести легендированные объекты...

“

колькоких избушек для разного цвета чернил. Называлось это произведение «Лицом к деревне» и стоило полтора рубля (разумеется, в кредит, за счет мифического правления). Венцом всего был чугунный железнодорожный компостер, вытребованный Остапом с пассажирской станции. Под конец Бендер притащил ветвистые олени рога. Паниковский, кряхтя и жалуясь на свою низкую ставку, прибил их над столом начальника.

Красочно описанная деятельность Остапа Бендера по оснащению конторы мебелью и прочими бюрократическими и канцелярскими принадлежностями фактически отражает не что иное, как упомянутое выше оперативно-розыскное легендирование и маскировку с использованием оперативной экипировки – вещей, предметов, документов, технических средств и т. д., необходимых для обеспечения конспирации, а также эффективного осуществления оперативно-розыскных

мероприятий. Обращаем внимание, что подобная маскировка с помощью аксессуаров деятельности объекта (в данном случае конторы «Рога и копыта») является одним из наиболее простых, но действенных способов «материального» обеспечения легенды и в целом конспирации, наряду с более сложными деятельностьюными способами – имитацией некой функциональной активности, свойственной объектам подобного рода, о чем ранее уже упоминалось (Павличенко, 2005; Павличенко, 2007; Павличенко, 2008; Павличенко, 2009).

6. *На третий день существования конторы явился первый посетитель. К общему удивлению, это был почтальон. Он принес восемь пакетов и, покалякая с курьером Паниковским о том, о сем, ушел. В пакетах же оказалось: три повестки, коими представитель конторы срочно вызывался на совещания и заседания, причем все три повестки подчеркивали, что явка обязательна; в остальных бумагах заключались требования незнакомых, но, как видно, бойких учреждений о представлении различного рода сведений, смет и ведомостей во многих экземплярах, и все это тоже в срочном и обязательном порядке.*

Еще одна цитата, косвенно, наряду с предыдущими, указывающая на одну из специфик деятельности легендированного объекта, – официальная коммуникация с иными учреждениями (а в принципе, с любыми респондентами – государственными и общественными организациями, учреждениями, частными лицами), обязательность ответов на полученные запросы и соответственно – аналогичное право конторы официально требовать от иных предприятий, учреждений и организаций интересующую информацию, что в современном изложении означает проведение ОРМ «наведение справок».

7. *...Начальник отделения вынул из шкафа папку, в которой якобы заключалось синее море и белый пароход, и, ударив по ней ладонью, сказал: Вот над чем будет работать наша контора.*

Эта цитата перекликается с современными формами учетов (в данном случае – с делами оперативного учета (ДОУ), предусмотренными ст. 10 «Информационное обеспечение и документирование оперативно-розыскной деятельности» Закона об ОРД), в рамках которых могут вестись оперативные разработки, документирование преступной деятельности фигурантов, аккумулироваться, проверяться, систематизироваться и оцениваться вся собираемая информация. Яркий пример такого дела оперативного учета – упоминаемое в проекте Оперативно-розыскного кодекса «оперативное дело – дело, заводимое в целях собирания и систематизации сведений, проверки и оценки результатов оперативно-розыскной деятельности, а также принятия на их основе соответствующих решений органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность» (Луговик, 2015).

Таким образом, на примере анализа создания и функционирования изначально мошеннической (т. е. девиантной по своей общественно-социальной и морально-правовой природе) конторы «Рога и копыта» мы выявили особенности и перспективные направления правомерного и общественно-полезного использования в процессе оперативно-розыскной деятельности ее (конторы «Рога и копыта») аналогов, называемых «легендированные объекты». Не вдаваясь в дальнейшие рассуждения, отметим, что виды объектов определяются реальными и гипотетическими целями и могут быть следующими:

Объект, основной целью создания которого является вышерассмотренная зашифровка его принадлежности к правоохранительным структурам, а деятельности – к решающей правоохранительные (оперативно-розыскные) задачи.

Объекты привлечения внимания преступников. Цель создания такого объекта может быть обозначена одним из двух близких по своему значению терминов, используемых учеными оперативно-розыскной и уголовно-правовой специализации – «создание объекта посягательства для выявления серийного преступника» (Борков, 2021) или «действия по стимуляции активности разыскиваемого субъекта» (Карагодин, 2018). Разновидностью данного легендированного объекта можно считать социальный объект, представляющий интерес как место свободной (досуговой) концентрации – развлекательное / увеселительное заведение, ночной клуб, спортивная секция, компьютерный клуб, сауна, место отдыха или проведения досуга и пр. Разумеется, специфика деятельности такого легендированного объекта будет отличаться от ранее названных в связи с совершенно иными задачами.

Объект как элемент так называемой в профессиональных кругах оперативной игры. Считаем, что по большому счету это можно признать всего лишь длящимся оперативным экспериментом, хотя и в весьма специфических формах. Объект может сочетать в себе свойства как материального, так и виртуального (сетевое) объекта. Например, компьютерная компания, имеющая и реальный офис (здания, цеха, магазины и пр.), и сетевые элементы – сайт, собственную сеть, корпоративный чат, мессенджеры, интернет-магазин и пр.

Сетевой легендированный объект. Основной спецификой деятельности, определяющей способы и методы работы такого объекта, будет его не материальный цифровой характер и локация не в конкретной точке пространства (в здании / офисе по известному адресу), а в сетевом пространстве. Специализацией подобных легендированных объектов может быть выявление и документирование деятельности преступников в сфере сетевых мошенничеств, краж личной информации и интеллектуальной собственности, педофи-

лии и детской порнографии, подбора адептов в экстремистские и радикально-религиозные организации и пр., а также задержание их с поличным.

Объект – общественное объединение или организация, в том числе религиозная. Детерминанты создания легендарных объектов именно этого вида продиктованы происходящими с 90-х годов XX века по настоящее время радикальными социальными изменениями, особо обострившимися в последнее десятилетие и связанными с появлением и противоправной активностью многочисленных общественных, политических, религиозных и иных организаций самых разных форм и видов. Об этих причинах мы подробно писали в своих предшествующих работах (Тамбовцев, 2015; Тамбовцев, Павличенко, 2021).

Объект, являющийся средством массовой информации. Данный объект может создаваться в двух вариантах – как самостоятельный орган или как структурное подразделение иного легендарного объекта (юридического лица, общественной организации и т. п.). Детерминанты, цели и особенности создания и функционирования легендарных объектов подобного рода будут рассмотрены в наших дальнейших публикациях.

Объект – организация или учреждение (юридическое лицо), осуществляющее бухгалтерские, аудиторские, юридические, консалтинговые услуги, частно-охранные / частно-детективные услуги. Данный вид легендарных объектов представляет собой разновидность объекта привлечения внимания лиц, представляющих оперативный интерес. Однако

в данном случае объект привлекает внимание (вызывает интерес) не как объект возможного преступного посягательства или места времяпрепровождения, а как учреждение, предоставляющее услуги в которых нуждаются фигуранты. Это могут быть консультативные финансовые, бухгалтерские, технологические и пр. услуги, внешний аудит деятельности коммерческого предприятия, охрана лиц или объектов и т. п.

Объект – безопасное место. В настоящее время целый ряд федеральных законов декларирует обязанности правоохранительных органов (субъектов ОРД) обеспечивать безопасность нескольких категорий лиц, соответственно обладающих правами на обеспечение собственной безопасности.

Резюмируя изложенное, на основе результатов проведенного нами анализа деятельности «литературных мошенников» и современной правоприменительной практики субъектов ОРД считаем возможным сделать вывод, что некоторые социальные и морально-правовые девиации отдельных лиц и даже социальных групп (мошенников и иных преступников) могут являться функциональной основой выявления, предупреждения и раскрытия некоторых видов преступлений при придании им противоположной (т. е. гуманистической, социально-положительной) направленности, функциональной эффективности и безусловной легитимности. Современный негласно-конспиративный инструментарий оперативно-розыскной деятельности имеет в своем распоряжении некоторые средства и методы, основанные на положительных девиациях, к которым среди прочих следует отнести легендарные объекты.

Список литературы

- Агарков, А. В. (2017). *Дефиниции оперативно-розыскных мероприятий: сравнительный анализ и законодательное закрепление*: монография. Владимир: Владимирский юридический институт ФСИН России.
- Белый, А. Г., Кучмин, Н. А. (2021). Обман и дезинформация в оперативно-розыскной деятельности. В А. А. Сафронов (председатель редакционной коллегии), *Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности*: сборник трудов IX Всероссийской научно-практической конференции (Краснодар, 16 октября 2020 г., стр. 15–21). Краснодар: Краснодарский университет МВД России.
- Бертовский, Л. В., Сембекова, Б. Р. (2019). Криминалистическая инсценировка как способ выявления преступлений в сфере экономической деятельности. *Закон и право*, 10, 138–140. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10477>
- Борков, В. Н. (2021). Уголовно-правовой аспект создания объекта посягательства для выявления серийного преступника. *Алтайский юридический вестник*, 3 (35), 74–78.
- Галушко, В. А., Панюшин, Д. Б. (2010). Легендирование, маскировка, зашифровка: соотношение понятий. В *Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе*: тезисы докладов и сообщений всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию Омской академии МВД России (Омск, 01-02 июня 2010 года, стр. 128–130). Омск: Омская академия МВД России.
- Говорухин, Д. С., Фролов, К. В., Мищенко, Л. В., Кондрашкин, В. М. (2019). *Документальное оформление подготовки и проведения подразделениями ЭБиПК системы МВД России оперативно-розыскных мероприятий с использованием «фирм-ловушек» для решения задач оперативно-розыскной деятельности*: отчет о НИР. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России.

- Елисов, П. П. (2015). Использование оперативной дезинформации и инсценировки при проведении оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и документированию коррупционных преступлений: мнение аналитика. *Научный портал МВД России*, 2 (30), 54–60.
- Железняк, Н. С. (2017). О необходимости корректировки положения статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». *Вестник Сибирского юридического института МВД России*, 2 (27), 7–12.
- Железняк, Н. С. (2019). *Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»*: монография (стр. 231). Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России.
- Карагодин, В. Н. (2018). *Расследование умышленных преступлений против жизни, половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних*: монография. Москва: Проспект.
- Луговик, В. Ф. (2015). Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект Федерального закона). *Юридическая наука и правоохранительная практика*, 1 (31), 109–135.
- Лузько, Д. Н. (2020). «Оперативная игра» как организационно-тактическая форма оперативно-розыскной деятельности. *Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России*, 6 (9), 134–139.
- Овчинский, В. С. (ред.) (2023). *Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»* (стр. 329). Москва: Норма.
- Павличенко, Н. В. (2005). Принципы конспирации оперативно-розыскной деятельности. *Полицейское право*, 3 (3), 81–83.
- Павличенко, Н. В. (2007). Основополагающие идеи конспирации. В С. Д. Назаров (отв. ред.), *Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе*: сборник материалов международной научно-практической конференции в 2-х частях (Красноярск, 15-16 февраля 2007 г., стр. 230–234). Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России.
- Павличенко, Н. В. (2008). *Конспирация в оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории*: препринт. Москва: Издательский дом Шумиловой И. И.
- Павличенко, Н. В. (2009). Правила конспирации как модель регулируемых общественных отношений, возникающих в оперативно-розыскной деятельности. *Вестник Владимирского юридического института*, 3 (12), 109–115.
- Тамбовцев, А. И. (2014). Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации: достоинства и недостатки действующих нормативных правовых актов. *Актуальные вопросы публичного права*, 1 (25), 92–110.
- Тамбовцев, А. И. (2015). Некоторые признаки экстремистской маргинализации социальных групп и персоналий. В А. Г. Хлебушкин (сост.), *Социально-экономические и политические корни идеологии экстремизма и терроризма: проблемы интерпретации и противодействия*: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 19 июня 2015 г.). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Тамбовцев, А. И., Павличенко, Н. В. (2021). *Эволюция оперативно-розыскных мероприятий*: монография. Москва: Академия управления МВД России.

References

- Agarkov, A. V. (2017). *Definicii operativno-rozysknykh meropriyatij: sravnitel'nyj analiz i zakonodatel'noe zakreplenie*: monografiya. Vladimir: Vladimirsij juridicheskij institut FSIN Rossii.
- Belyj, A. G., Kuchmin, N. A. (2021). Obman i dezinformaciya v operativno-rozysknoj deyatel'nosti. V A. A. Safronov (predsedatel' redakcionnoj kollegii), *Aktual'nye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoj deyatel'nosti: sbornik trudov IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Krasnodar, 16 oktyabrya 2020 g., str. 15–21). Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii.
- Bertovskij, L. V., Sembekova, B. R. (2019). Kriminalisticheskaya inscenirovka kak sposob vyyavleniya prestuplenij v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti. *Zakon i pravo*, 10, 138–140. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10477>
- Borkov, V. N. (2021). Ugolovno-pravovoj aspekt sozdaniya ob»ekta posyagatel'stva dlya vyyavleniya serijnogo prestupnika. *Altajskij juridicheskij vestnik*, 3 (35), 74–78.
- Galushko, V. A., Panyushin, D. B. (2010). Legendirovanie, maskirovka, zashifrovka: sootnoshenie ponyatij. V *Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu na sovremennom etape: tezisy dokladov i soobshchenij vs Rossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 90-letiyu Omskoj akademii MVD Rossii* (Omsk, 01-02 iyunya 2010 goda, str. 128–130). Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii.
- Govoruhin, D. S., Frolov, K. V., Mishchenko, L. V., Kondrashkin, V. M. (2019). *Dokumental'noe oformlenie podgotovki i provedeniya podrazdeleniyami EBiPK sistemy MVD Rossii operativno-rozysknykh meropriyatij s ispol'zovaniem*

«firm-lovushkek» dlya resheniya zadach operativno-rozysknoj deyatel'nosti: otchet o NIR. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii.

- Elisov, P. P. (2015). Ispol'zovanie operativnoj dezinformacii i inscenirovki pri provedenii operativno-rozysknyh meropriyatij po vyavleniyu i dokumentirovaniyu korrupcionnyh prestuplenij: mnenie analitika. *Nauchnyj portal MVD Rossii*, 2 (30), 54–60.
- Zheleznyak, N. S. (2017). O neobходимosti korrekcirovki polozhenii stat'i 15 Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti». *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2 (27), 7–12.
- Zheleznyak, N. S. (2019). *Voprosy aktualizacii Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti»: monografiya* (str. 231). Krasnoyarsk: Sibirskij yuridicheskij institut MVD Rossii.
- Karagodin, V. N. (2018). *Rassledovanie umyshlennyh prestuplenij protiv zhizni, polovoj svobody i neprikosnovennosti nesovershennoletnih: monografiya*. Moscow: Prospekt.
- Lugovik, V. F. (2015). Operativno-rozysknoj kodeks Rossijskoj Federacii (avtorskiy proekt Federal'nogo zakona). *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika*, 1 (31), 109–135.
- Luz'ko, D. N. (2020). «Operativnaya igra» kak organizacionno-takticheskaya forma operativno-rozysknoj deyatel'nosti. *Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 6 (9), 134–139.
- Ovchinskij, V. S. (red.) (2023). *Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti»* (str. 329). Moscow: Norma.
- Pavlichenko, N. V. (2005). Principy konspiracii operativno-rozysknoj deyatel'nosti. *Policejskoe pravo*, 3 (3), 81–83.
- Pavlichenko, N. V. (2007). Osnovopolagayushchie idei konspiracii. V S. D. Nazarov (otv. red.), *Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu v Sibirskom regione: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii v 2-h chastyah* (Krasnoyarsk, 15-16 fevralya 2007 g., str. 230–234). Krasnoyarsk: Sibirskij yuridicheskij institut MVD Rossii.
- Pavlichenko, N. V. (2008). *Konspiraciya v operativno-rozysknoj deyatel'nosti: voprosy teorii*: preprint. Moscow: Izdatel'skij dom SHumilovoj I. I.
- Pavlichenko, N. V. (2009). Pravila konspiracii kak model' reguliruemyh obshchestvennyh otnoshenij, vznikayushchih v operativno-rozysknoj deyatel'nosti. *Vestnik Vladimirsckogo yuridicheskogo instituta*, 3 (12), 109–115.
- Tambovtsev, A. I. (2014). Vzaimodejstvie organov vnutrennih del so sredstvami massovoj informacii: dostoinstva i nedostatki dejstvuyushchih normativnyh pravovyh aktov. *Aktual'nye voprosy publichnogo prava*, 1 (25), 92–110.
- Tambovtsev, A. I. (2015). Nekotorye priznaki ekstremistskoj marginalizacii social'nyh grupp i personalij. V A. G. Hlebushkin (sost.), *Social'no-ekonomicheskie i politicheskie korni ideologii ekstremizma i terrorizma: problemy interpretacii i protivodejstviya: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 19 iyunya 2015 g.). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Tambovtsev, A. I., Pavlichenko, N. V. (2021). *Evoljuciya operativno-rozysknyh meropriyatij: monografiya*. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii.

Информация об авторе:

Андрей Иванович Тамбовцев – кандидат юридических наук, доцент.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 30.06.2023

Одобрена после рецензирования 07.09.2023

Опубликована 28.10.2023

About the authors

Andrei I. Tambovtsev – Cand. Sci. (Jurid.), Docent.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted June 30, 2023

Approved after reviewing September 07, 2023

Accepted October 28, 2023

УДК 343.97

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-3-346-361

Феномен коррупции в социальной матрице современного общества

Елена Викторовна Стебенева

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

st.el@list.ru

ORCID: 0000-0002-3659-3595

Аннотация

Предпринята попытка осмысления феномена коррупции через совокупность различных научных подходов и ее место в социальной системе современного общества (социальной матрице), что вызвано необходимостью познания природы данного явления, его роли в социальных механизмах и трансформациях и, как следствие, определения направления противодействия коррупционным деяниям.

Введение. Изучение коррупции как социокультурного феномена в матрице современного общества через совокупность различных подходов к его исследованию (правового, девиантологического, экономического, психологического, социокультурного) предопределено проблемой понимания эпистемологии изучаемого явления, что непосредственно оказывает влияние на эффективность антикоррупционного воздействия и качественное содержание механизма противодействия коррупционным проявлениям.

Цель: анализ коррупции как социального феномена с позиций различных научных подходов в условиях формирования, трансформации общественных отношений и институтов и представление авторского понимания содержания и сущности данного явления.

Методология, методы и методика. Основу проведенного исследования составил диалектический метод в совокупности с иными общенаучными методами: логико-эпистемологическим, гносеологическим; рационалистической дедукцией, анализом, сравнением и др.; и специальными методами научного познания – правовым, социологическим и т. д.

Результаты: осуществлен анализ научных взглядов на содержание и сущность коррупции как негативного феномена и его место в социальной матрице современного общества: предложены основные направления противодействия коррупции через принятие социальными институтами соответствующих мер.

Научная новизна. Представленный в статье дискурс мнений ученых на коррупцию как феномен и неизбежную составляющую всех социальных институтов, обоснованная авторская позиция определения сущности коррупции как социокультурного феномена вносят вклад в фундаментальное знание о рассматриваемом явлении и его роли в развитии, трансформации общественных отношений и иных явлений.

Практическая значимость: результаты исследования направлены на дополнение существующего научного знания о коррупции, что формирует теоретико-прикладные основы противодействия данному негативному социальному явлению в современном обществе.

Ключевые слова

феномен коррупции, социальная матрица, общественные институты, общество потребления, противодействие коррупции

Благодарности

Выражаю благодарность доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу РФ Максиму Викторовичу Бавсуну за помощь, поддержку и взаимное научное сотрудничество.

Для цитирования: Стебенева, Е. В. (2023). Феномен коррупции в социальной матрице современного общества. *Российский девиантологический журнал*, 3 (3), 335–350. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-346-361.

Original paper

The phenomenon of corruption in the social matrix of modern society

Elena V. Stebeneva

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
st.el@list.ru

ORCID: 0000-0002-3659-3595

Abstract

The article deals with the attempt to comprehend the phenomenon of corruption through a set of different scientific approaches and its place in the social system of modern society (social matrix). The research is based on the necessity to understand the nature of this phenomenon, its role in social mechanisms and transformations and, as a result, to determine the direction of counteraction to corruption acts.

Introduction: The study of corruption as a socio-cultural phenomenon in the matrix of modern society through a set of different approaches (legal, deviantological, economic, psychological, socio-cultural) is predetermined by the problem of understanding the epistemology of the phenomenon under consideration. This directly affects the effectiveness of anti-corruption efforts and the qualitative content of the mechanism for counteracting corruption behaviour.

Purpose: analysis of corruption as a social phenomenon from the perspective of various scientific approaches in the conditions of formation and transformation of social relations and institutions and presentation of the author's understanding of the content and essence of this phenomenon.

Methodology, methods and techniques. The research was based on the dialectical method in combination with other general scientific methods: logical-epistemological, epistemological, epistemological, rationalistic deduction, analysis, comparison, etc., as well as special methods of scientific cognition - legal, sociological, etc.

Results: scientific views on the content and essence of corruption as a negative phenomenon and its place in the social matrix of modern society were analysed: the main directions of counteracting corruption through the adoption of appropriate measures by social institutions were proposed.

Scientific novelty: the scientists' viewpoints on corruption as a phenomenon and an inevitable component of all social institutions, as well as the author's substantiated position of defining the essence of corruption as a socio-cultural phenomenon contribute to the fundamental knowledge of the phenomenon under consideration and its role in developing and transforming social relations and other phenomena.

Practical significance: the results of the research are aimed at supplementing the existing scientific knowledge about corruption, forming a theoretical and applied basis for counteracting this negative social phenomenon in modern society.

Keywords

corruption phenomenon, social matrix, social institutions, consumer society, counteraction to corruption

Acknowledgements

I express my gratitude to Maxim Viktorovich Bavsun, doctor of law, professor, honored lawyer of the Russian Federation, for his help, support and mutual scientific cooperation.

For citation: Stebeneva, E. V. (2023). The phenomenon of corruption in the social matrix of modern society. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (3), 335–350. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-346-361.

Введение

Современный этап развития общества (постиндустриальный, этап постмодерна и т. п.) характеризуется интенсивным развитием экономики, инновационных технологий; появлением новейших направлений

в науке и технике (биоинженерия, искусственный интеллект и др.), что определяет вектор от сырьевого к высокотехнологическому при производстве товаров и услуг. При этом отмечается увеличение доли сферы услуг в экономике; приоритетность производственно-

потребительских отношений, что стимулирует стремление к улучшению материального благосостояния и приводит не только к позитивным процессам, но и деструктивным – усиливающейся тенденции к потреблению. Это обуславливает спрос на все виды услуг, в том числе в криминальной сфере, тем самым определяя криминогенный потенциал современного общества, реализующийся именно в корыстных преступлениях (как впрочем, и иных правонарушениях) (Мельничук, 2013). Об этом свидетельствуют статистические данные о совершении ежегодно преобладающего большинства общественно опасных деяний с указанным мотивом.

”

Стремление к улучшению материального благосостояния приводит не только к позитивным процессам, но и деструктивным – усиливающейся тенденции к потреблению, и одним из наглядных примеров проявления незаконного спроса и предложения выступает коррупция

“

Примером проявления незаконного спроса и предложения выступает коррупция. Коррупция, являясь сложным, многоаспектным социокультурным феноменом, оказывая отрицательное воздействие на основы государства, затрагивая все сферы экономики и общества, вызывая тем самым деструкцию политического управления, публичных институтов, обостряя социальные противоречия и напряженность, трансформируется, видоизменяется одновременно с протекающими социальными процессами, преобразованиями в жизнедеятельности людей.

Общество следует оценивать не как сумму элементов-личностей, а как цельную систему-организм со своей инвариантной относительно личностного наполнения социальной матрицей, которая является структурной основой любого социума – от семьи до человечества (Сухонос, 2014).

Социальная матрица (основа) сложна и многогранна, постоянно изменяется, преобразуется и содержит в себе социальные институты, отношения, коммуни-

кации, материнской платой которых является социум, служащий основой построения общественных систем, моделей поведения, стереотипов мышления, взглядов, идей. Социальная матрица вбирает в себя все традиции, обычаи, культуру и т. п., сложившиеся на протяжении своего существования, что обуславливает ее построение, определяет принципы функционирования, управления, обеспечения общества. Происходящие процессы в обществе поддаются исчислению, измерению, сравнению, чему служит социальная статистика и иные виды статистики. Это, в свою очередь, позволяет использовать матричные математические схемы для моделирования и прогнозирования в дальнейшем построения социальной матрицы.

Общественная матрица является носителем различного капитала, вид которого зависит от области его образования, трансформации и реализации. Пьер Бурдьё определил данные виды как социальный (характеризуется социальными связями), экономический (измеряемый деньгами и институализирующийся в праве собственности), культурный (институционализирован в форме образовательных квалификаций) капиталы (Bourdieu, 1986) (прим. автора. – Гэри Стэнли Бэккер, говоря об инвестициях в образование, профессиональную подготовку, речь вел о капитале человеческого (Becker, 2009)).

Рассмотрение общественного устройства через осмысление его как социальной матрицы не ново. Данному подходу уделялось внимание в отдельных работах ученых. Например, Т. Стронг и Э. Лок (Стронг, Лок, 2021) применили социальное конструирование при изучении социальной матрицы, рассматривая его в качестве парадигмы социальных и гуманитарных наук с учетом психологического подхода. С. И. Сухонос исследует матрицу социального развития как живой организм, применяя авторский метод классификации и измерения всех явлений, системное построение общества на основе принципов Инь-Янь (Сухонос, 2014). В работе А. С. Овчинского, С. О. Чеботаревой раскрывается матрица преступности на основе теории информации (Овчинский, Чеботарева, 2008) и др.

Осмысление такого негативного явления, как коррупция, через понимание социальной матрицы способствует выявлению не только механизма зарождения данного феномена, но и механизма его трансформации, внедрения во все социальные структуры и участия в любых общественных отношениях, где так или иначе присутствует заинтересованность, реализуемая либо одной стороной (сторонами) получить выгоду от другой стороны (сторон), обладающей определенными полномочиями, правами, либо единоличная, путем доступа к ресурсам, способность удовлетворить корыстную потребность незаконным путем.

Тезис «ничто не лишено коррупции» имеет право на существование, если речь идет об общественном

устройстве, так как в любой сфере присутствует коррупционная составляющая или имеется возможность ее проявления (коррупционный риск). Мы не преувеличим, если будем утверждать, что коррупция пронизывает всю социальную матрицу в разнообразии своих видов, начиная от взяточничества должностных лиц и заканчивая родственными, близкими отношениями при возникшем конфликте интересов.

Коррупция – неотъемлемая часть общественного существования, она встраивается в социальную матрицу и связана со всеми ее институтами. Любые изменения в общественных отношениях влекут криминологическую трансформацию коррупции через появление ее разнообразных видов и форм совершения (использование для совершения коррупционных деяний информационно-коммуникационной сети, применение цифровых денег и др.).

Цель исследования обозначена в виде анализа коррупции как социального феномена с позиций различных научных подходов в условиях формирования, трансформации общественных отношений и институтов и представления авторского понимания содержания и сущности данного явления, что обусловлено существующей проблемой недостаточного эффективного противодействия данному явлению и актуализацией понимания его природы для разработки и применения действенных мер предупреждения.

Объектом исследования является коррупция как негативное явление и ее место в социальной матрице современного общества.

В качестве предмета исследования выступили концепции, теории, взгляды ученых на содержание, сущность коррупции как социального явления; нормативные правовые акты, включающие определение коррупции; социальные институты как элементы социальной матрицы современного общества.

Обзор литературы

В исследовании использованы работы российских и зарубежных ученых о социальном устройстве современного общества, коррупции как его неотъемлемой части. Особое внимание уделено источникам литературы, раскрывающим правовой, девиантологический, экономический, психологический, культурологический подходы к пониманию коррупции как феномена современного общества. Также использованы отдельные нормативные правовые акты, регламентирующие содержание понятия коррупции и коррупционных деяний; противодействие коррупции.

Методология, методы и материалы исследования

Использованные при исследовании общенаучные методы, такие как диалектический, логико-эпистемологический, гносеологический, послужили формиро-

ванию понимания существующих взглядов на коррупцию как социальное явление, его содержание, сущность и природу не только с учетом уже устоявшихся мнений ученых, но и авторского видения феномена коррупции как социокультурного явления и его места в социальной матрице. Метод рационалистической дедукции послужил основой критического подхода при анализе существующих научных взглядов на существование коррупции и обоснование авторской позиции. Метод правовой оценки применялся при анализе понятия «коррупция»; социологический метод позволил использовать социологические теории с учетом результатов социологических исследований в выведении авторской позиции.

”

Осмысление такого негативного явления, как коррупция, через понимание социальной матрицы способствует выявлению не только механизма зарождения данного феномена, но и механизма его трансформации, внедрения во все социальные структуры и участие в любых общественных отношениях

“

Результаты исследования

Анализ основных мнений, подходов в понимании феномена коррупции и ее роли в существовании различных отношений, трансформаций, институтов, составляющих социальную матрицу современного общества, лег в обоснование автором позиции определения коррупции как социокультурного феномена, что предопределило необходимость усиления культуры позитивными ценностями, установками как основой идеологии антикоррупционного воздействия в противовес существующей идеологии потребления. В свою очередь, социальные, политические, экономические институты, институт семьи и образования должны прививать антикоррупционную идеологию посредством формирования соответствующей культуры через меры противодействия коррупции. Идеологическая основа, формируемая культурным наследием, вплетаясь в социальную матрицу, определяет приоритет антикорруп-

ционной идеологии в стратегии предупреждения коррупции как негативного социокультурного явления и задает вектор противодействия данному феномену современного общества.

Обсуждение результатов исследования

Понимание коррупции как явления, неизбежно сопровождающего общество, многогранно и требует научного осмысления. Коррупция (от лат. *corrumpere* «растлевать», лат. *corruptio* «подкуп, продажность; порча, искажение, разложение; растление») – неотъемлемый элемент общества, присущий всем государствам в той или иной степени. Существующие подходы в изучении коррупции как социального явления разнообразны.

С правовой точки зрения коррупция включает в себя деяния, которые относятся к правонарушениям и запрещены законом. Именно воля законодателя определяет коррупционность тех или иных актов поведения и отнесение их к различным видам правонарушений, будь то дисциплинарный проступок коррупционной направленности или преступление, относящееся к коррупционному. При этом возникает закономерный вопрос о справедливости законодателя и возможности принятия его воли как априори истинной. Существующие нормативные правовые нормы отражают те постулаты, которые законодатель посчитал необходимым ввести в ранг предписаний, обязательных для соблюдения, в целях обеспечения безопасности общества и поддержания в нем правопорядка на основе принципа социальной справедливости.

Однако существующие взгляды на легитимность власти и издаваемые ею законы не всегда однозначны. Понятие «преступный закон» (Шестаков, 2011), содержащий нормы, противоречащие друг другу, а порой возводящие в дозволенные, общественно опасные деяния, определяет своеобразный парадокс закона, но преступного (*criminalis legis*). На наш взгляд, следует говорить скорее о криминогенном законе, содержащем правовые конструкции, формулировки, способствующие или создающие благоприятные условия для совершения преступления. Например, исключение конфискации из вида наказания и отнесение к иным мерам уголовно-правового характера (статья 104¹ УК РФ). При этом перечень преступлений, по которым

осуществляется конфискация имущества¹, не является полным. Так, в нем отсутствуют коррупционные преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 160, ст. 292 УК РФ и др., что способствует уходу от материальной ответственности лиц, совершивших коррупционные преступления. Полагаем, это должно быть изначально в приоритете, учитывая вид корыстной направленности указанных видов деяний.

Применительно к пониманию коррупции с точки зрения правовых дефиниций следует учитывать несовершенство самого закона. Содержание понятия коррупции в ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»² вызывает критику как в научных кругах, так и среди правоприменителей: «Злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами». Совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица также относится законодателем к коррупции.

Раскрытие понятия коррупции через перечисление конкретных способов извлечения выгоды не делает определение коррупции точным, полным и удобным для практического применения (Стебенева, 2011). Например, в определении коррупции речь идет лишь об интересах имущественного характера, хотя в диспозиции статьи 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями» отмечено, что данное деяние может быть совершено не только из корыстной, но и из иной личной заинтересованности.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» не раскрывает понятие имущества и услуг имущественного характера. Однако в пункте d статьи 2 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г., ратифицированной Российской Федерацией³, приводится следующее понятие: имущество – это любые активы, материальные или нематериальные, движимые или недвижимые,

¹ Данный перечень статей внесен в статью 104¹ Уголовного кодекса РФ статьей 7 Федерального закона РФ от 25 декабря 2008 года № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» (2008). В *Собрание законодательства РФ*, № 52 (часть 1), Ст. 6235, С. 15877–15890.

² *Федеральный закон РФ от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436144/ (дата обращения 14.06.2023).

³ Конвенция ООН против коррупции от 31.10.2003 года (2006). В *Собрание законодательства РФ*, № 26, Ст. 2780; Федеральный закон РФ от 08 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (2006). В *Российская газета* (федеральный выпуск от 21 марта), № 4022.

выраженные в вещах или в правах, а также юридические документы или акты, подтверждающие право собственности на такие активы или интерес в них.

К нематериальным активам в данном случае относятся активы предприятия, фирмы и т. д., не имеющие выражения в материальной форме (секреты производства, изобретения, товарные знаки и т. п.).

Под иной личной заинтересованностью должностного лица следует понимать выгоду нематериального характера (например, награды, положительные характеристики, карьеризм, протекционизм и т. п.).⁴

Кроме того, в статье 19 Конвенции Организации Объединенных Наций от 31 октября 2003 г. против коррупции злоупотребление служебным положением публичным должностным лицом⁵ совершается в целях получения неправомерного преимущества для себя или иного физического или юридического лица. Преимущество (превосходство, особые, исключительные права⁶) предполагает извлечение выгоды как имущественного, так и неимущественного характера.

Помимо имеющихся несовершенств законодательства в виде закрепленных определений сам закон может быть коррупциогенным, т. е. содержать словосочетания, неопределенность широты применения полномочий должностными лицами и т. п., что способствует совершению деяний коррупционной направленности.

Отметим, что российское антикоррупционное законодательство в целом несовершенно. Говоря о коррупционных правонарушениях и преступлениях, мы находим не законодательное закрепление данных понятий, а лишь признаки отнесения их к таковым, что не добавляет определенности и четкости правовым нормам по противодействию данному явлению.

Неоспорима юридическая природа коррупции. Коррупция входит в элементы правовой реальности, складывающейся в том или ином государстве, что не исключает оценки коррупции с точки зрения иных сфер жизни. Один лишь правовой подход к оценке феномена коррупции ведет к обеднению анализа указанного явления и неполноценности исследования.

По этой причине определение коррупции только как правового явления не совсем оправданно в силу несовершенства законодательства и права в целом, что, несомненно, является одним из необходимых инструментов выявления и предупреждения коррупции.

Следующий подход при изучении коррупции как явления – девиантологический. Девиантность (от лат.

deviation – отклонение) – это поведение, отклоняющееся от общепризнанных норм. Девиантность может быть как позитивной, так и негативной. Что касается коррупции, то она имеет отрицательные последствия и часто относится к делинквентному поведению, т. е. нарушающему правовые нормы.

Девиантность как характер поведения проявляется через действия, поступки людей, которые в конечном счете направлены на удовлетворение своих потребностей, стремлений, увлечений, привычек (Гишинский, 2009). В коррупционных деяниях потребности в первую очередь материальны. Учитывая их корыстный характер, полагаем, не следует исключать и карьеристские, ложно понятые корпоративные мотивы в самоутверждении, в подтверждении статуса за счет высокого материального достатка, получаемого благодаря должностному положению.

Девиации в виде коррупционных деяний имеют ярко выраженную направленность, проявляющуюся в корыстолюбии. Согласимся, что удовлетворение материальных потребностей необходимо всем людям для выживания (покупка пищи, обеспечение безопасности и нормальных условий проживания и т. п.), но при коррупционных актах на первый план выступает завышенная, а порой гипертрофированная потребность в удовлетворении корыстных мотивов, находящихся выражение в материальных, имущественных благах, которые служат в том числе достижению карьерного роста (покупка должностей), созданию ложного впечатления об успешности служебной деятельности и, как следствие, получению премий, привилегий и т. п.

При этом, например, П. А. Кабанов характеризует коррупцию как негативное социально-политическое девиантное (отклоняющееся) поведение в сфере политической (властной) жизни современного общества (Кабанов, Райков, Чирков, 2008), олицетворяя коррупционные деяния, в первую очередь, с политической жизнью.

Ю. В. Голик, В. И. Карасев полагают, что «единичные проявления девиантного преступного поведения в тенденции превращаются в норму поведения государственных служащих...» (Голик, Карасев, 2005). Несомненно, подобной трансформации от частного к общему способствует складывающаяся девиантная корпоративная этика и правила поведения (круговая порука, организованные коррупционные группы, ложная солидарность и т. п.).

Интересна с этой точки зрения позиция Я. И. Гишинского (Гишинский, 2009), считающего, что харак-

⁴ Лебедев, В. М. (под общ. ред.) (2006). *Комментарий к Уголовному кодексу РФ*, 4-е изд., перераб и доп. Москва: Норма; Борисов, А. Б. (2007). *Комментарий к Уголовному кодексу РФ с постановочными материалами и практическими разъяснениями*, 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Книжный мир.

⁵ Публичное должностное лицо определяется статьей 2 Конвенции ООН против коррупции, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 31.10.2003 г. (2006). В *Собрание законодательства РФ*, № 26, Ст. 2780.

⁶ Даль, В. И. (2007). *Большой толковый словарь русского языка: современное написание* (стр. 145). Москва: АСТ: Астрель.

терной особенностью постмодерна является стирание границ между дозволенным и запрещенным, нормой и девиантным. Не потому ли оценка коррупции лишь с позиций девиантности автоматически приводит к неоднозначности восприятия этого феномена в обществе.

”

Деформация в восприятии права, ущербность мировоззрения, моральная обеднённость и нравственная нечистота влекут неизбежно не только к толерантному отношению к коррупции, но и стимулирует, превозносит в достижения коррупционные деяния

“

Согласимся, что постиндустриальное общество характеризуется не только развитием научного прогресса, превалярованием человеческого капитала, цифровизацией и т. п., но и ростом рынка услуг, что, несомненно, сказывается и на преступности как социальном явлении. Коррупция не является исключением, скорее, наоборот, она представляет собой «идеальный» образец криминальных отношений «спрос–предложение» в виде незаконных услуг должностных лиц. Существующие нормы, казалось бы, правоупотребительного поведения, которым следует большинство членов общества, в неформальных сообществах, наоборот, могут восприниматься как отклоняющиеся. Существующая субкультура определенных корпоративных, служебных сообществ, проводящие в своей деятельности корыстную мотивацию в виде коррупционных деяний, возводит в норму взяточничество, злоупотребления должностными полномочиями и т. п., при этом изгоняя (путем проведения множества безосновательных служебных проверок, откровенной травли) правоупотребительных должностных лиц как инородных, не разделяющих принимаемую норму поведения. Таким образом, пертурбация «норма / не норма» присуща различным субкультурам.

«Девиантное» или «недевиантное» поведение – понятия относительные, сконструированные государством, обществом, людьми. Они не являются по-

стоянными (Гишинский, 2022), и потому осмысление коррупции с точки зрения девиантности, а именно непризнаваемой нормы, было бы не совсем верно, так как существуют мнения и о пользе коррупции, о неизбежности ее проявлений.

Так, в подтверждение «положительного» потенциала коррупции приводится ряд таких аргументов, как: коррупция выступает одним из консолидирующих факторов накопления капитала и его расширенного производства; способна существенно увеличить управленческий потенциал государственной власти; в явной или неявной форме коррупция объединяет людей вокруг проблемы распределения государственных должностей и формирования на этой основе различных политических объединений, консолидаций (Лоскутов, 2006).

Коррупция в краткосрочном периоде является фактором экономического роста, так как, во-первых, взятки являются видом трансакционных издержек, позволяющих минимизировать издержки на организацию легального бизнеса, тем самым реализовывая предпринимательский потенциал, а во-вторых, как правило, ресурсы в большинстве случаев достаются тем, кто готов заплатить за них большую цену, ожидая от них большей полезности, и в результате использует их наиболее эффективно (Овчаров, 2003).

Отметим утверждения, что коррупция, якобы, играет и позитивную роль в современном обществе, так как регулирует отношения между хозяйствующими субъектами, где достаточно сложны и затратны законные процедуры, что позволяет снизить материальные и временные издержки; является проводником между несовершенными правовыми нормами и потребностями бизнеса; снижает бюрократические барьеры и выступает в роли неформального стимулятора деятельности чиновников; способствует более быстрому становлению и развитию бизнеса; затраты на противодействие коррупции более высокие, чем вред от нее (Цуриков, А., Цуриков, В., 2007; Галицкий, Левин, 2007; Епифанова, 2007; Матвейчев, Акопян, 2018).

Отмечаются две стратегии, приводящие бизнес к успешности: «сдача» своего бизнеса представителям власти и «взятие» представителей власти на регулярное содержание. Иные стратегии считаются неустойчивыми либо не ведут к достижению успеха в ведении дел. Если предприятия не дают взятки, эффективность ведения бизнеса находится на низком уровне (Саратов, 2013).

Смеем не согласиться с указанной позицией, так как признание «полезности» коррупции неизбежно повлечет легитимность ее проявлений, что недопустимо, учитывая цену данных деяний и тяжесть последствий, которые они могут повлечь. Экономически невыгодно признавать и распространять коррупционные технологии и схемы при ведении бизнеса, так как, во-пер-

вых, это незаконно и может повлечь соответствующие санкции, а во-вторых, бизнес попадает в зависимость от коррумпированных чиновников, чьи решения и действия (законные и незаконные) воздействуют на его существование и развитие. Ущерб от применения коррупционных деяний при ведении бизнеса может иметь следующие долгосрочные последствия: нестабильность, вероятность привлечения к ответственности, потеря деловой репутации, ухудшение инвестиционной привлекательности и др. Коррупция переводит бизнес в сектор теневой экономики, где правила существования не поддаются законному регулированию и могут иметь криминальные последствия для всех участников экономических отношений.

Кроме того, коррупция является сдерживающим фактором реформ государственных институтов. Политика активной терпимости коррупции ставит заслон на пути реформ в долгосрочной перспективе. Подобная практика приводит к подрыву легитимности государственных институтов в глазах граждан (Роуз-Аккерман, 2003).

Согласиться с мнением ряда ученых, что коррупция может быть даже полезна для государства, по нашему мнению, неверно. Так, устоявшиеся в обществе неформальные правила взаимоотношений между субъектами коррупционных связей (наличие расценок на услуги должностных лиц, их должности, определенный жаргон и т. п.) способствуют укреплению коррупции, ее разрастанию и более устойчивому сращиванию с легальными государственными структурами.

Существует понятие «теневое право» – противостоящий официальному праву «свод асоциальных обязательных, устанавливаемых самими участниками общественных отношений, предписаний, символов, ритуалов, жестов, жаргона, посредством которых регламентируются все этапы противоправной деятельности, образуется теневой правопорядок, охраняемый специальными морально-психическими, материальными и физическими санкциями» (Баранов, 2002). Таким образом, обогащению чиновников с использованием своего служебного положения часто способствует их четкая организация со своими правилами и законами (например, «право телефонного звонка», «круговая порука» и т. п.). Это непременно приводит к институализации коррупции как в отдельно взятом государственном органе, так и в обществе в целом (Стебенева, 2011).

Учитывая изложенное, девиантологический подход в полной мере не может отражать социальную природу коррупции, так как признание ее проявлений отклоняющимися не общепризнанно, а отнесение деяний к коррупционным правонарушениям зависит от воли законодателя.

Следующим подходом, служащим инструментом оценки коррупции, является экономический. Часто

коррупцию относят к феномену экономической сферы, что обосновано корыстной природой данного явления и неизбежным материальным ущербом от деяний коррупционной направленности. Э. К. Бэнфилд определил, что для существования коррупции необходима совокупность агентов: уполномоченного агента; агента, делигирующего полномочия (доверитель); агента, чьи доходы и риски потерь зависят от уполномоченного агента (Бэнфилд, 2019). Например, в классической схеме взяточничества это выглядит как схема: взяткополучатель – взяткодатель – посредник, что в очередной раз подтверждает сходство отношений между участниками коррупционных схем на основе выгоды, прибыли с экономическими отношениями в процессе производства, потребления, распределения и обмена товаров или услуг.

”

*Насыщение культуры
позитивными ценностями
и установками должно
базироваться на идеологической
основе антикоррупционного
мировоззрения, на приоритете
духовного над материальным,
в противовес существующей
идеологии потребления*

“

Примечательно, что, пользуясь экономическим подходом в анализе коррупции, обоснованно рассматривать ее как частное проявление стандартного рынка со своим собственным спросом и предложением (Золаев, 2023), формируемыми потребностями граждан, юридических лиц в коррупционных услугах и готовностью должностных лиц незаконно оказывать свои услуги за вознаграждение с учетом возможной прибыли и риска неизбежности наказания (прибыль / издержки).

Коррупцию относят к категории экономической наравне с правовой, так как она является специфическим видом экономических отношений. Определяя теневую экономику как имеющую матричную структуру и обладающую определенными элементами, коррупцию (основанную на взяточничестве) относят к неофициальным (псевдообщественным) экономическим отношениям в государственном секторе наряду с неофициальными.

циальными (псевдообщественными) экономическими отношениями в предпринимательском секторе, криминальными (антиобщественными) экономическими отношениями в государственном секторе и в предпринимательском секторе (Овчаров, 2003).

Как отмечал Эрнандо де Сото (де Сото, 1995), теневая деятельность, подпитываемая несовершенной правовой системой в государстве, представляет собой постоянное соперничество за незаработанный доход, удовлетворение личных мнений и предпочтений, что вызывает неопределенность, коррупцию и усиливает социальную напряженность. Разочарование в системе государства приводит к пониманию, что к благополучию ведет не столько труд, сколько политическая ловкость и изворотливость. Государство выступает не только регулятором легальных экономических отношений, но и распределителем незаконных монопольных прав через механизм государства. Активное экономическое участие государства в форме протекционизма (распределение привилегий, субсидий и т. п.), заложенных в доктрине меркантилизма (экономическая политика в Европе в XV–XIX вв.) (Ekelund & Tollison, 1981), что отвергалось основоположником коммунизма К. Марксом и основоположником экономического либерализма А. Смитом (де Сото, 1995), влечет оказание незаконной благосклонности и в сфере теневой экономики, выражающейся в виде коррупционных преступлений, в частности, получения взяток, злоупотребления должностными полномочиями и т. д.

Переходные периоды в обществе влекут за собой экономические кризисы, протекающие через трансформацию отношений, связей (межсистемный трансформационный кризис (Инфантьев, 2001)) и предполагает крупные структурные и институциональные преобразования. Периоды коренных социальных трансформаций всегда характеризуются и ростом преступности, и вовлечением экономических отношений в теневые, так как на стыке смены парадигм (экономических, социальных) право, общественные институты не успевают преобразоваться, подстроиться к происходящим переменам, что приводит к реализации своих мотивов незаконными методами.

Если мы относим коррупцию к криминальному сегменту теневой экономики⁷, своеобразным регулятором начинают выступать негласные правила, не регулируемые легально отношения, в том числе между хозяйствующими субъектами, где коррупция выступает в роли и инструмента в деловых отношениях, и источника незаконного дохода.

Экономический подход в понимании коррупции, на наш взгляд, является ограниченным, так как учиты-

вает только отношения между предлагающим услуги, товары и их потребителем, что оправдано при взыскании, но коррупция не ограничивается только им. Необходимо учитывать факты злоупотребления должностными полномочиями, присвоение и растрату с использованием служебного положения и т. п., где присутствует только одна сторона – незаконного потребителя. Кроме того, выгода в коррупционных преступлениях возможна не только в виде материальной, имущественной, но и в иной форме личной заинтересованности. Следовательно, осознание коррупции как явления в социальной матрице лишь через экономический подход было бы неверно, так как природа рассматриваемого феномена глубже, и ее проявления не актуализируются лишь при экономических отношениях.

Рассмотрим понимание коррупции через психологический подход. Например, концепция О. В. Ванновской (Ванновская, 2009; Ванновская, 2023) определяет основные пять структурных элементов личности: уровень смыслов и ценностей (жизненные цели, стремления, интересы и ценностные ориентации); когнитивно-нравственный уровень (индивидуальное самосознание, личные правила поведения, правосознание, понимание ответственности и долга); эмоциональный уровень (удовлетворенность жизнью, профессией, личным статусом, самоотношение); регулятивный уровень (степень контроля, механизмы принятия решений); поведенческий уровень (ведущий тип реагирования). Смыслы и ценности, включая ориентации и жизненные идеалы, образуют содержательную сторону направленности личности и выражают внутреннюю основу ее отношения к действительности. Очевидно, что для коррупционера характерно преобладание материальных, а не духовных ценностей, что предопределяет ее выбор в ситуации конфликта интересов между общественно значимыми и личными ориентирами в пользу последних. Тем самым для человека с высокой склонностью к коррупции мерилем счастья и блага будет роскошь, а ведущей ценностью – фроммовская категория «иметь», а не «быть» (Мельник, Стебенева, 2018).

Выделяя антикоррупционную устойчивость как основной предмет исследования при изучении коррупции, часть исследователей обосновывает причинно-следственную связь развития и функционирования поведения человека под воздействием взаимодействия ряда разнокачественных влияний, определяющих поведение субъекта (концепция кумулятивно-факторной причины) (Ванновская, 2023).

М. М. Решетников (Решетников, 2023) в своей работе рассматривает психолого-исторический аспект этого явления, полагая, что истоки коррупции во вне-

⁷ Наумов, Ю. Г., Латов, Ю. В. (2016). Экономическая безопасность и теневая экономика: учебник. Академия управления МВД России.

экономической плоскости. Стремление к признанию, уважению и расположению (родителей, мудрейших, сильнейших) он относит к психологическим законам и механизмам функционирования любых социальных структур. Данный механизм регулирования социальных отношений за определенный исторический период трансформировал «сильнейших» в «обладающих властью», которые, поддерживая традиции подношений, одаривания, поклонения, формируют психологические механизмы коррупции.

Обосновывая необходимость использовать в понимании коррупции психологический подход, некоторые авторы сочли основными причинами коррупции имеющие психологическую природу чувство безнаказанности коррупционеров, наличие самооправдания и искажение нравственного поведения (Купленский, Петелина, 1997).

Рассмотрение психологии коррупции как самостоятельной области исследования возможно, так как включает в себя психологию коррупционеров, психологию коррумпирующих; изучение социально-психологических процессов, влияющих на коррупцию и отношения общества к данному негативному явлению (Журавлев, Юревич, 2014). Использование при изучении психологии коррупционного поведения системологии, применения психологических методов исследования коррупции обогащает содержательную часть познания этого феномена и, несомненно, способствует эффективному его предупреждению (Чернышева, 2018).

Однако, на наш взгляд, психологический подход является узконаправленным именно на субъективные причины коррупционного поведения, которое, однако, зависит и формируется под воздействием внешних факторов, имеющих значительное влияние.

Некоторые ученые рассматривают коррупцию с позиций совокупности нескольких подходов, определяя ее как, например, социетальный феномен, выявляя его детерминацию в социальном, социально-психологическом и социально-экономическом едином контексте (Осипов и др., 2019).

С нашей точки зрения, природу, содержание и сущность такого феномена, как коррупция, и ее роль в общественных отношениях и институтах объективнее прочих отражает культурологический подход. Культурологический подход в осмыслении коррупции в современном обществе важен потому, что именно культура выступает базисом деятельности людей и представляет собой комплекс ценностей, норм, знаний, обычаев, традиций и др., то есть тем, что создает сам человек своим образом жизни. Это обуславливает наполнение культуры теми нормами и установками, которые

складываются при жизнедеятельности, коммуникации. Культура имеет фундаментальное значение для формирования психики, мышления и поведения, направлена на выработку своеобразного «иммунитета» к противоправной деятельности, что позволяет криминализировать деяние на основе культурных ценностей (Бибик, 2016).

Современная обстановка в обществе свидетельствует о его направленности на удовлетворение материальных потребностей. Общество выступает стимулятором потребительства – удовлетворения своих желаний через потребление: вещей, развлечений, зрелищ. «Общество потребления» и его структуру изучали такие ученые, как Э. Фромм (Фромм, 2004) с его постулатом «быть или иметь», Дж. Гэлбрейт (Гэлбрейт, 2018) с понятием «общество изобилия», Ж. Бодрийяр (Бодрийяр, 2021) с выявлением «объектов потребления», Т. Веблен (Веблен, 1984) с «теорией праздного класса», Д. Ванн, Т. Нэйлор, Д. де Грааф с определением «потреблятьство как болезнь, угрожающая миру» (Де Грааф, Ванн, Нэйлор, 2005) и др.

Фокус особого внимания на денежный успех и материальное благополучие привело к тому, что главной заботой стало владение техническим и социальным инструментом, способствующим удовлетворению корыстных потребностей и получению желаемых результатов (Zargar & Sarani, 2021).

Таким образом, совершение корыстных деяний стимулируется обществом, где признаками успеха являются высокий статус, обладание, возможность распределения денежных, сырьевых ресурсов; для которого характерен высокий ценз материального уровня, что влечет психологическое давление в виде необходимости причастности, включенности, приобщения к высокому доходу, конкуренции за материальные блага.

Вернемся к девиантологическому подходу. В связи с изложенным невольно возникает вопрос: отклонение ли это, если в «обществе потребления» удовлетворение материальной потребности признается приоритетным значительным количеством граждан?

Распространенность кредитов, способствующих обладанию вещами не жизненно важной значимости (например, дорогостоящими телефонами и иной техникой; увлечение брендами фирм-производителей и т. п.) тому подтверждение. Согласно исследованию ВЦИОМ, в 2023 г. доля россиян, у которых есть кредиты, оказалась почти вдвое выше по сравнению с результатами подобного исследования в 2009 г. (с 26 % до 46 %) ⁸, что отчасти можно соотнести с развитием кредитной системы в стране, но и, несомненно, с завышенными потребительскими запросами на предметы

⁸ Кредитная активность россиян: мониторинг. Аналитический обзор (2023). ВЦИОМ Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kreditnaja-aktivnost-rossijan-monitoring?ysclid=lljbcl16jl307784790> (дата обращения 20.08.2023).

не первой необходимости, а порой и роскоши. Существующая социологическая «теория моды» определяет подражание существующим стандартам как одну из идей современного общества (Уколова, Симонова, 2015), а это касается и обладания определенными, высоко ценящимися вещами. Общество или отдельные люди инициируют новые потребности, тем самым навязывая новые зависимости, увлечения, приносящие наслаждения, влекущие экономические зависимости, вплоть до банкротств, разорений. Расслоение общества, классовые войны зиждятся на жажде обладания, на принципе неограниченного потребления как цели жизни. «Алчность и мир исключают друг друга» (Фромм, 1986).

Идеологическая основа – неотъемлемая часть культурного наследия, она формируется вместе с историко-культурным развитием народа, неразрывно связана со всеми социальными явлениями и оказывает влияние на все институты общества, вплетаясь в социальную матрицу, что предопределяет приоритет привития антикоррупционной идеологии в стратегии предупреждения коррупции как социокультурного явления

Таким образом, учитывая современные тенденции в совокупности, мы можем отметить деформации в формировании позитивной культуры общества, а коррупция – не что иное, как отражение этого процесса. Коррупционные деяния являются результатом действия предпосылок, связанных с укладом, традициями, принятыми и устоявшимися шаблонами поведения. Среди базисов, запускающих механизм коррупции, как и любого социального явления, можно назвать тенденции и характер отношений между членами общества. Любой этап развития человечества, в том числе современный, основан на определенной совокупности взаимосвязанных институтов, элементов – семье, государстве, праве, культуре, идеологии и т. п., тем самым образуя социальную матрицу того или иного общества.

Современная социальная матрица включает в себя как устоявшиеся, складывавшиеся веками институты, так и новые, встраивающиеся элементы – интернет,

искусственный интеллект, цифровую валюту. Так или иначе новые составляющие, укореняясь в социальной матрице, вовлекают в свою сферу уже имеющиеся элементы. Складывающаяся в обществе культура имеет непосредственное влияние на мотивацию как индивидов, так и всех граждан (коллективный субъект). Зарождению мотивации как начальному этапу механизма коррупционного преступного поведения способствуют потребности, эмоции, интересы, увлечения, привычки, выражающиеся в желаниях. Внутренние желания человека не имеют границ и изначально не преступны, пока не будут реализованы во внешней среде. Коррупционные деяния имеют природу корыстную, потребительскую.

Содержание корыстного мотива коррупционного преступления неоднозначно. Казалось бы, это удовлетворение своих материальных потребностей (обладание деньгами, ценностями, имуществом и т. п.), но коррупционные преступления в большинстве связаны с реализацией должностных полномочий и служебных обязанностей, что может предполагать иную личную заинтересованность при совершении преступления (на что законодатель прямо указывает, например, в диспозиции ст. 285 УК РФ) – карьеризм, создание благоприятного впечатления об успешной работе, что в последующем может повлечь материальную выгоду.

Интересен мотив в виде ложно понятых интересов службы (группы, коллектива), которые, казалось бы, не влекут явной корыстной заинтересованности. Но при совершении коррупционного преступления виновный знает о том, что нарушает уголовно-правовой запрет и имеет свою определенную выгоду. Нет ложно понятых групповых интересов, выступающих в качестве псевдосоциальных мотивов, т. е. преступник не ошибается в правовой и нравственной оценке этих интересов, а есть потребность утверждения, улучшения своего социального статуса, страх быть низвергнутым или уничтоженным системой, если не пойти ей на уступки, даже поступаясь собственной совестью (Антонян, Кудрявцев, Эминов, 2004), что также отражает сложившуюся негативную корпоративную культуру.

Научная концепция «спираль молчания» (Ноэль-Нойман, 1996). подтверждает появление страха оказаться в меньшинстве, если твое мнение расходится с общепринятым, и чем больше расхождение, тем ближе (ниже) человек к началу «спирали» и тем больше молчит. Присутствие негативной служебной солидарности – замалчивание фактов коррупции, равнодушие при совершении коллегами коррупционных деяний – способствует более широкому распространению общественно опасных деяний коррупционной направленности, а порой и подталкивает такого человека на вступление в группу для совершения рассматриваемого вида преступлений. Именно поэтому важен разговор о качестве и направленности корпоративной культуры.

Алчность и зависть живучи не из-за своей врожденной силы, а потому, что человеку часто трудно противостоять давлению со стороны общества (Фромм, 1986).

Культура определяет правовые и этические нормы в общественном сознании, что формирует поведение людей, поэтому деформация в восприятии права (например, правовой нигилизм), ущербность мировоззрения, моральная обедненность и нравственная нечистота (вплоть до морального уродства, оправдываемого человеческой слабостью, пороками и зависимостями на грани манипулирования жалостью к себе, паразитирования на чувстве сострадания и понимания) неизбежно не только влекут толерантное отношение к коррупции, но и стимулируют, трансформируют коррупционные деяния в достижения («не слабак», «не лузер» и т. п.). Поэтому речь следует вести скорее о криминологической культуре (Симоненко, Грибанов, 2017, с. 11), которая должна уделять внимание именно идеологическим, культурным предпосылкам коррупции (криминогенным факторам).

Выводы

Культурное развитие общества формирует фундамент всей деятельности человека, и явления, сопутствующие ей, приобретают социокультурные черты, наделяя культурными особенностями как отдельных индивидов, так и население стран в целом. Насыщение культуры позитивными ценностями и установками должно базироваться на идеологической основе антикоррупционного мировоззрения, на приоритете духовного над материальным⁹ в противовес существующей идеологии потребления, формируя так называемый моральный фильтр, основанный на самоконтроле

(Kammigan, 2023).

Таким образом, институты социальной матрицы должны прививать антикоррупционную идеологию посредством формирования соответствующей культуры:

- социальные политические институты: формирование реального политического плюрализма; проведение эффективной антикоррупционной политики; привитие стандартов антикоррупционного поведения и деонтологических норм государственным служащим;
- социальные экономические институты: поддержка добросовестной конкуренции, устранение незаконных монополий, прозрачность государственных закупок, проведения тендеров, распределения грантов, субсидий; снижение доли теневой экономики;
- социальный институт семьи, образования: антикоррупционное патриотическое воспитание; переориентация с потребления на созидание;
- социальный институт религии: развитие духовной жизни, ориентации на бескорыстие, благотворительность.

Коррупцию как социальное явление нельзя понять, сведя лишь к ее одной какой-либо причине; ее понимание требует взаимодействия социологических и идеологических факторов (Фромм, 2019, с. 110). Идеологическая основа – неотъемлемая часть культурного наследия, она формируется вместе с историко-культурным развитием народа, неразрывно связана со всеми социальными явлениями и оказывает влияние на все институты общества, вплетаясь в социальную матрицу, что предопределяет приоритет привития антикоррупционной идеологии в стратегии предупреждения коррупции как социокультурного явления.

Список литературы

- Антонян, Ю. М., Кудрявцев, В. Н., Эминов, В. Е. (2004). *Личность преступника*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс.
- Бавсун, М. В. (2023). Четвертая промышленная революция как триумф доминирования технологических императивов в современном обществе. В И. А. Минникес (отв. ред.), *Байкальские компаративистские чтения: материалы международной научно-практической конференции*, (Иркутск, 17–18 марта 2023 года, стр. 214–219). Иркутск: Байкальский государственный университет.
- Баранов, В. М. (2002). *Теневое право: монография*. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России.
- Бенфилд, Э. (2019). *Моральные основы отсталого общества* (пер. с англ. Д. А. Карельский). Москва: Новое издательство.
- Бибик, О. Н. (2016). Культурологические аспекты противодействия преступности. *Вестник Краснодарского университета МВД России*, 2 (32), 21–28.
- Бодрийяр, Ж. (2021). *Общество потребления* (пер. с франц. Е. А. Самарская). Москва: АСТ.
- Ванновская, О. В. (2009). Личностные детерминанты коррупционного поведения. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 102, 323–324.

⁹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» (2022). *Справочно-правовая система КонсультантПлюс* URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения 14.06.2023).

- Ванновская, О. В. (2023). *Психология коррупционного поведения государственных служащих*: монография, 2-е изд., стер. Москва: Юрайт.
- Веблен, Т. Б. (1984). *Теория праздного класса* (пер. с англ.) Москва: Прогресс.
- Галицкий, Е., Левин, М. (2007). Коррупционные отношения бизнеса и власти (опыт эмпирического анализа). *Вопросы экономики*, 1, 19–32. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-1-19-32>
- Гишинский, Я. И. (2009). *Глобализация, девиантность, социальный контроль: сборник статей*. Санкт-Петербург: ДЕАН.
- Гишинский, Я. И. (2022). Девиантология постмодерна. *Российский девиантологический журнал*, 2 (1), 10–16. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-10-16>
- Голик, Ю. В., Карасев, В. И. (2005). *Коррупция как механизм социальной деградации*: монография. Москва: Юридический центр Пресс.
- Гэлбрейт, Дж. К. (2018). *Общество изобилия* (пер. с англ. Г. И. Агафонов, Е. Б. Головляница, И. В. Ногаев и др.) Москва: Олимп-бизнес.
- Де Граф, Дж., Ванн, Д., Нэйлор, Т. (2005). *Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру* (пер. с англ. Н. Макаровой). Екатеринбург: Ультра. Культура.
- Де Сото, Э. (1995). *Иной путь. Невидимая революция в третьем мире* (пер. с англ. Б. Пинскер). Москва: Catallaxy.
- Епифанова, Н. (2007). Исследование коррупции на основе методов экономической теории. *Вопросы экономики*, 1, 33–44. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-1-33-44>
- Журавлев, А. Л., Юревич, А. В. (2014). Психологические факторы коррупции. *Социологические исследования*, 7, 63–71.
- Золаев, Э. А. (2023). Экономика коррупции. *Теневая экономика*, 7 (2), 161–170. <https://doi.org/10.18334/tek.7.2.117963>
- Инфантьев, К. А. (2001). Влияние трансформационного кризиса на характер теневых явлений в экономике России. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 3 (11), 103–104.
- Кабанов, П. А., Райков, Г. И., Чирков, Д. К. (2008). *Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков*: монография. Москва: Издательство «Дружба народов».
- Китова, Д. А. (2020). Психолого-правовые особенности отношения к коррупции студентов из различных российских регионов. *Научные труды Московского гуманитарного университета*, 5, 76–91. <https://doi.org/10.17805/trudy.2020.5.9>
- Купленский, А. А., Петелина, Л. В. (1997). Психология коррупции. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 2 (6), 59–61.
- Лоскутов, В. А. (2006). *Постсоветский тоталитаризм: «якорные стоянки» российской власти*. Екатеринбург: Уральская акад. гос. службы.
- Матвейчев, О. А., Акопян, А. (2018). *Мифы о коррупции*: монография. Москва: Книжный мир.
- Мельник, А. С., Стебенева, Е. В. (2018). Предупреждение преступлений коррупционной направленности с учетом особенностей личности коррупционера. В. Н. А. Корсикова (сост.), *Система профилактики преступности: современное состояние, проблемы и перспективы развития*: материалы межведомственного Круглого стола (г. Санкт-Петербург, 26 октября 2018 г., стр. 179–183). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Мельничук, Т. В. (2013). Криминогенный потенциал постиндустриального общества: анализ рисков. *Всероссийский криминологический журнал*, 4, 155–162.
- Ноэль-Нойман, Э. (1996). *Общественное мнение. Открытие спирали молчания* (пер. с нем.) Москва: Прогресс: Весь Мир.
- Овчаров, А. С. (2003). *Коррупция в системе теневых экономических отношений*: автореф. ... канд. экон. наук. Волгоград.
- Овчинский, А. С., Чеботарева, С. О. (2008). *Матрица преступности*. Москва: Норма.
- Осипов, Г. В., Карпова, С. Г., Климовицкий, С. В. и др. (2019). *Коррупция как социальный феномен: социологические, социально-психологические и экономические аспекты анализа*: коллективная монография. Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Решетников, М. М. (2023). *Психология коррупции. Утопия и антиутопия*: монография, 2-е изд. Москва: Юрайт.
- Роуз-Аккерман, С. (2003). *Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы* (пер. с англ. О. А. Алякринского). Москва: Логос.
- Сатаров, Г. А. (ред.) (2013). *Российская коррупция: уровень, структура, динамика: опыт социологического анализа*. Москва: Фонд «Либеральная Миссия».
- Симоненко, А. В., Грибанов, Е. В. (2017). Уголовная политика и культура противодействия преступности в России: состояние и перспективы. *Общество и право*, 3 (61), 10–16.
- Стебенева, Е. В. (2011). *Сотрудник органов внутренних дел как специальный субъект коррупционных преступлений: уголовно-правовые и криминологические аспекты*: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург.

- Стронг, Т., Лок, Э. (2021). *Как устроена матрица? Социальное конструирование реальности: теория и практика. Серия «Образ общества»* (пер. с англ. Д. В. Онегов, А. В. Зиндер, К. М. Зиндер, А. Мирзоянц). Электронная книга: АО «ВЦИОМ». URL: <https://www.litres.ru/book/tom-strong-31686513/kak-ustroena-matrica-socialnoe-konstruirovanie-realnos-66877138/chitat-onlayn/page-5/>
- Сухонос, С. И. (2014). *Кн. 2: Матрица социального развития*. Москва: Дельфис.
- Уколова, Д. В., Симонова, О. А. (2015). 2015. 01. 015. Асперс П., Годар Ф. Социология моды: порядок и изменение. Aspers P., Godart F. *Sociology of fashion: order and change // annual rev. of sociology*. – Palo Alto (Ca), 2013. – Vol. 39. – p. 171–192. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал*, 1, 129–138.
- Фромм, Э. (2004). *Иметь или быть? Ради любви к жизни* (пер. Н. И. Войскунская). Москва: Айрис-Пресс.
- Фромм, Э. (1986). *Иметь или быть* (пер. с англ. Н. И. Войскунской, И. И. Каменкович). Москва: Прогресс.
- Фромм, Э. (2019). *Здоровое общество* (пер. с англ. Т. В. Банкетово́й, С. В. Карпушиной). Москва: АСТ.
- Цуриков, А., Цуриков, В. (2007). Экономический подход к анализу корыстных преступлений. *Вопросы экономики*, 1, 45–54. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-1-45-54>
- Чернышева, Е. В. (2018). *Психология коррупционного поведения: монография*. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России.
- Шестаков, Д. А. (2011). *Введение в криминологию закона*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс.
- Bourdieu, P. (1986). The forms of Capital. In J. Richardson (Ed.), *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* (pp. 241–258) (пер. с англ.) New York, Greenwood. <https://www.marxists.org/reference/subject/philosophy/works/fr/bourdieu-forms-capital.htm>
- Becker, G. S. (2009). *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. Edition: 3*. University of Chicago Press.
- Kammigan, I. (2023). Reflecting on the Interaction of Self-Control and Morality in Situational Action Theory: Comparing Absolute and Relative Effects of Self-control in 28 Countries. *J Quant Criminol*, 39, 465–493 (2023). <https://doi.org/10.1007/s10940-022-09541-0>
- Ekelund, R. B., & Tollison, R. D. (1981). *Mercantilism as a Rent-seeking Society: Economic Regulation in Historical Perspective*. College Station, Tex.: Texas A&M University Press.
- Zargar, Y., & Sarani, F. (2021). Socio-political Perfectionism: A Cross-cultural Study. *Journal of Modern Psychology*, 1 (4), 9–21. <https://doi.org/10.22034/jmp.2022.324954.1026>

References

- Antonyan, Yu. M., Kudryavcev, V. N., Eminov, V. E. (2004). *Lichnost' prestupnika*. Saint Petersburg: Yuridicheskij centr Press.
- Bavsun, M. V. (2023). Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya kak triumf dominirovaniya tekhnologicheskikh imperativov v sovremennom obshchestve. V I. A. Minnikes (otv. red.), *Bajkal'skie komparativistskie chteniya: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, (Irkutsk, 17–18 marta 2023 goda, str. 214–219)*. Irkutsk: Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet.
- Baranov, V. M. (2002). *Tenevoe pravo: monografiya*. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii.
- Benfield, E. (2019). *Moral'nye osnovy otstalogo obshchestva* (per. s angl. D. A. Karel'skij). Moskow: Novoe izdatel'stvo.
- Bibik, O. N. (2016). Kul'turologicheskie aspekty protivodejstviya prestupnosti. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 2 (32), 21–28.
- Bodriyyar, Zh. (2021). *Obshchestvo potrebleniya* (per. s franc. E. A. Samarskaya). Moskow: AST.
- Vannovskaya, O. V. (2009). Lichnostnye determinanty korrupcionnogo povedeniya. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*, 102, 323–324.
- Vannovskaya, O. V. (2023). *Psihologiya korrupcionnogo povedeniya gosudarstvennyh sluzhashchih: monografiya, 2-e izd., ster*. Moskow: Yurajt.
- Veblen, T. B. (1984). *Teoriya prazdnogo klassa* (per. s angl.) Moskow: Progress.
- Galickij, E., Levin, M. (2007). Korrupcionnye otnosheniya biznesa i vlasti (opyt empiricheskogo analiza). *Voprosy ekonomiki*, 1, 19–32. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-1-19-32>
- Gilinskij, Ya. I. (2009). *Globalizaciya, deviantnost', social'nyj kontrol': sbornik statej*. Saint Petersburg: DEAN.
- Gilinskij, Ya. I. (2022). Deviantologiya postmoderna. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 2 (1), 10–16. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-10-16>
- Golik, Yu. V., Karasev, V. I. (2005). *Korrupciya kak mekhanizm social'noj degradacii: monografiya*. Moskow: Yuridicheskij centr Press.

- Gelbrejt, Dzh. K. (2018). *Obshchestvo izobilya* (per. s angl. G. I. Agafonov, E. B. Golovlyanicina, I. V. Nogaev i dr.) Moscow: Olimp-biznes.
- De Graaf, Dzh., Vann, D., Neilor, T. (2005). *Potreblyatstvo. Bolezn', ugrozhayushchaya miru* (per. s angl. N. Makarovoj). Ekaterinburg: Ul'tra. Kul'tura.
- De Soto, E. (1995). *Inoj put'. Nevidimaya revolyuciya v tret'em mire* (per. s angl. B. Pinsker). Moscow: Catallaxy.
- Epifanova, N. (2007). Issledovanie korrupcii na osnove metodov ekonomicheskoy teorii. *Voprosy ekonomiki*, 1, 33–44. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-1-33-44>
- Zhuravlev, A. L., Yurevich, A. V. (2014). Psihologicheskie faktory korrupcii. *Sociologicheskie issledovaniya*, 7, 63–71.
- Zolaev, E. A. (2023). Ekonomika korrupcii. *Tenevaya ekonomika*, 7 (2), 161–170. <https://doi.org/10.18334/tek.7.2.117963>
- Infant'ev, K. A. (2001). Vliyanie transformacionnogo krizisa na harakter tenevyyh yavlenij v ekonomike Rossii. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 3 (11), 103–104.
- Kabanov, P. A., Rajkov, G. I., Chirkov, D. K. (2008). *Politicheskaya korrupciya v usloviyah reformirovaniya rossijskoj gosudarstvennosti na rubezhe vekov: monografiya*. Moscow: Izdatel'stvo «Druzhba narodov».
- Kitova, D. A. (2020). Psihologo-pravovye osobennosti otnosheniya k korrupcii studentov iz razlichnyh rossijskih regionov. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, 5, 76–91. <https://doi.org/10.17805/trudy.2020.5.9>
- Kuplenskij, A. A., Petelina, L. V. (1997). Psihologiya korrupcii. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 2 (6), 59–61.
- Loskutov, V. A. (2006). *Postsovetskij totalitarizm: "yakornye stoyanki" rossijskoj vlasti*. Ekaterinburg: Ural'skaya akad. gos. sluzhby.
- Matvejchev, O. A., Akopyan, A. (2018). *Mify o korrupcii: monografiya*. Moscow: Knizhnyj mir.
- Mel'nik, A. S., Stebeneva, E. V. (2018). Preduprezhdenie prestuplenij korrupcionnoj napravlenosti s uchetom osobennostej lichnosti korrupcionera. V N. A. Korsikova (sost.), *Sistema profilaktiki prestupnosti: sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya: materialy mezhdedomstvennogo Kruglogo stola* (g. Sankt-Peterburg, 26 oktyabrya 2018 g., str. 179–183). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Mel'nichuk, T. V. (2013). Kriminogennyj potencial postindustrial'nogo obshchestva: analiz riskov. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 4, 155–162.
- Noel'-Nojman, E. (1996). *Obshchestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniya* (per. s nem.) Moscow: Progress: Ves' Mir.
- Ovcharov, A. S. (2003). *Korrupciya v sisteme tenevyyh ekonomicheskikh otnoshenij: avtoref. ... kand. ekon. nauk*. Volgograd.
- Ovchinskij, A. S., Chebotareva, S. O. (2008). *Matrica prestupnosti*. Moscow: Norma.
- Osipov, G. V., Karepova, S. G., Klimovickij, S. V. i dr. (2019). *Korrupciya kak social'nyj fenomen: sociologicheskie, social'no-psihologicheskie i ekonomicheskie aspekty analiza: kollektivnaya monografiya*. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Reshetnikov, M. M. (2023). *Psihologiya korrupcii. Utopiya i antiutopiya: monografiya*, 2-e izd. Moscow: Yurajt.
- Rouz-Akkerman, S. (2003). *Korrupciya i gosudarstvo. Prichiny, sledstviya, reformy* (per. s angl. O. A. Alyakrinskogo). Moscow: Logos.
- Satarov, G. A. (red.) (2013). *Rossijskaya korrupciya: uroven', struktura, dinamika: opyt sociologicheskogo analiza*. Moscow: Fond «Liberal'naya Missiya».
- Simonenko, A. V., Gribanov, E. V. (2017). Ugolovnaya politika i kul'tura protivodejstviya prestupnosti v Rossii: sostoyanie i perspektivy. *Obshchestvo i pravo*, 3 (61), 10–16.
- Stebeneva, E. V. (2011). *Sotrudnik organov vnutrennih del kak special'nyj sub'ekt korrupcionnyh prestuplenij: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: dis. ... kand. jurid. nauk*. Saint Petersburg.
- Strong, T., Lok, E. (2021). *Kak ustroena matrica? Social'noe konstruirovanie real'nosti: teoriya i praktika. Seriya «Obraz obshchestva»* (per. s angl. D. V. Onegov, A. V. Zinder, K. M. Zinder, A. Mirzoyanc). Elektronnaya kniga: AO «VCIOM». URL: <https://www.litres.ru/book/tom-strong-31686513/kak-ustroena-matrica-socialnoe-konstruirovanie-realnos-66877138/chitat-onlayn/page-5/>
- Suhonos, S. I. (2014). *Kn. 2: Matrica social'nogo razvitiya*. Moscow: Del'fis.
- Ukolova, D. V., Simonova, O. A. (2015). 2015. 01. 015. Aspers P., Godar F. Sociologiya mody: poryadok i izmenenie. Aspers R., Godart F. *Sociology of fashion: order and change // annual rev. of sociology*. – Palo Alto (Ca), 2013. – Vol. 39. – p. 171–192. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11, Sociologiya: Referativnyj zhurnal*, 1, 129–138.
- Fromm, E. (2004). *Imet' ili byt'? Radi lyubvi k zhizni* (per. N. I. Vojskunsкая). Moscow: Aïris-Press.
- Fromm, E. (1986). *Imet' ili byt'* (per. s angl. N. I. Vojskunskoj, I. I. Kamenkovich). Moscow: Progress.
- Fromm, E. (2019). *Zdorovoe obshchestvo* (per. s angl. T. V. Banketovoj, S. V. Karpushinoj). Moscow: AST.
- Curikov, A., Curikov, V. (2007). Ekonomicheskij podhod k analizu korystnyh prestuplenij. *Voprosy ekonomiki*, 1, 45–54. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-1-45-54>
- Chernysheva, E. V. (2018). *Psihologiya korrupcionnogo povedeniya: monografiya*. Ekaterinburg: Ural'skij juridicheskij institut MVD Rossii.

- Shestakov, D. A. (2011). *Vvedenie v kriminologiyu zakona*. Saint Petersburg: Yuridicheskij centr Press.
- Becker, G. S. (2009). *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. Edition: 3. University of Chicago Press.
- Kammigan, I. (2023). Reflecting on the Interaction of Self-Control and Morality in Situational Action Theory: Comparing Absolute and Relative Effects of Self-control in 28 Countries. *J Quant Criminol*, 39, 465–493 (2023). <https://doi.org/10.1007/s10940-022-09541-0>
- Ekelund, R. B., & Tollison, R. D. (1981). *Mercantilism as a Rent-seeking Society: Economic Regulation in Historical Perspective*. College Station, Tex.: Texas A&M University Press.
- Zargar, Y., & Sarani, F. (2021). Socio-political Perfectionism: A Cross-cultural Study. *Journal of Modern Psychology*, 1 (4), 9–21. <https://doi.org/10.22034/jmp.2022.324954.1026>

Информация об авторе:

Елена Викторовна Стебенева – докторант научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 04.09.2023

Одобрена после рецензирования 29.09.2023

Опубликована 28.10.2023

About the authors

Elena V. Stebeneva – Doctoral student of the Research Department of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted September 04, 2023

Approved after reviewing September 29, 2023

Accepted October 28, 2023

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-3-362-368

Intervention and Responding to Internet Addiction of Minors Under the Perspective of Community Policing

Wu Jieli

Shanghai Police College
(Shanghai, China)
yuhao2048@163.com

Miao Ying

Shanghai Police College
(Shanghai, China)
yuhao2048@163.com

Abstract

With the increasing popularity of Internet use among minors in China, more and more minors appear to use the Internet excessively and even become addicted to it. Community policing, as an important force of community collaborative governance, plays an irreplaceable role in intervening and responding to juvenile Internet addiction behaviors. In the practice of community policing, it is found that the prevention and suppression of minors' Internet addiction behavior also needs the information-sharing, coordination and co-governance of multiple social actors.

This paper collects the work of the community police in preventing and curbing the excessive use of the Internet by minors, focusing on profile of Internet-addicted minors, definition, causes and harmful consequences of such deviant behavior. At the same time, based on the deviant behavior theory and the practical experience of community policing, this paper, from two aspects of prevention and suppression, aims to further improve the on-going collaborative intervention mechanism of «police-home-school-community» through sharing, coordination and co-governance directed against minors' Internet addiction.

Keywords

deviant behavior, minors' internet addiction, community policing, sharing, coordination and co-governance, collaborative intervention mechanism

For citation: Wu Jieli, Miao Ying (2023). Intervention and Responding to Internet Addiction of Minors Under the Perspective of Community Policing. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (3), 351–357. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-362-368.

Оригинальная статья

Вмешательство и реагирование на интернет-зависимость несовершеннолетних с позиции общественной полиции

У Цзели

Шанхайское высшее училище полиции (Шанхай, Китай)
yuhao2048@163.com

Мяо Ин

Шанхайское высшее училище полиции (Шанхай, Китай)
yuhao2048@163.com

Аннотация

С ростом популярности использования Интернета среди несовершеннолетних в Китае все больше и больше несовершеннолетних пользуются Интернетом чрезмерно и даже становятся зависимыми от него. Общественная полиция, как важная сила совместного управления сообществом, играет незаменимую роль во вмешательстве и реагировании на поведение несовершеннолетних, связанное с интернет-зависимостью. В практике работы полиции с населением установлено, что предотвращение и подавление интернет-зависимости несовершеннолетних также требует обмена информацией, координации и совместного управления множеством социальных субъектов.

В этой статье собрана информация о работе местной полиции по предотвращению и ограничению чрезмерного использования Интернета несовершеннолетними, основное внимание уделяется профилю несовершеннолетних, зависимых от Интернета, определению, причинам и пагубным последствиям такого девиантного поведения. В то же время, основываясь на теории девиантного поведения и практическом опыте работы полиции с населением, данная статья, с учетом двух аспектов профилактики и пресечения, направлена на дальнейшее совершенствование текущего механизма совместного вмешательства «полиция-дом-школа-сообщество» путем обмена информацией, координации и совместного управления, направленного на борьбу с интернет-зависимостью несовершеннолетних.

Ключевые слова

девиантное поведение, интернет-зависимость несовершеннолетних, работа полиции с населением, обмен информацией, координация и совместное управление, механизм совместного вмешательства

Для цитирования: У Цзели, Мяо Ин (2023). Вмешательство и реагирование на интернет-зависимость несовершеннолетних с позиции общественной полиции. *Российский девиантологический журнал*, 3 (3), 351–357. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-362-368.

The «2020 National Underage Internet Use Research Report» released by China Internet Network Information Center (CINIC) pointed out: in 2020, the number of underage Internet users in China had hit 183 million, with the Internet availability rate reaching 94.9 percent, and it had maintained growth for two consecutive years¹. As underage netizens gradually become a major force of Internet users, disseminators and producers of Internet culture, the behaviors of Internet overuse and even Internet addiction are worsening. The Law of the People's Republic

of China on the Prevention of Juvenile Delinquency was revised and adopted on Dec 26, 2020, and came into effect on June 1, 2021. According to Article 28 of Chapter III of the Law, «Internet addiction» among minors is a bad behavior, that is, behavior that is not conducive to the healthy growth of minors. Article 30 further stipulates that public security organs, residents and villagers' committees or neighborhood committees shall promptly stop minors under their jurisdiction from engaging in bad behavior and urge their parents or other guardians to perform their

¹ The number of underage Internet users in China in 2020 hit 183 million (2021). Central People's Government of the People's Republic of China. *China Government Website*. Retrieved August, 05, 2023, from https://www.gov.cn/xinwen/2021-07/20/content_5626236.htm

duties of guardianship according to law. Accordingly, the public security organs have become one of the important intervention forces to deal with minors' bad behaviors such as excessive use of the Internet and Internet addiction. All along, the community police officers, with the support of local police stations, have constantly innovated their working methods and measures, and achieved remarkable results in preventing and curbing Internet addiction among minors.

”

Internet addiction refers to the uncontrolled behavior of Internet use without addictive substances, which is reflected in the obvious academic, occupational and social impairment after excessive use of the Internet

“

An Overview of Internet Addiction Among Minors

1.1 Deviant Behavior and Internet Addiction of Minors

Deviant behavior is defined academically from two perspectives of norm and situation². First, the normative perspective holds that deviant behavior violates generally accepted social norms or established legal norms. Accordingly, behaviors that simply violate social norms can be classified as deviant behaviors, but still legal ones. Only when deviant behaviors violate legal norms can be labeled as illegal or criminal conducts. Second, the situational perspective builds on the normative perspective by emphasizing time and space. Based on when and where individual's problematic behaviors occur, cultural customs and values can influence whether certain behaviors should be classified as deviant or not. According to this, when a behavior is negatively defined by society, but still fits into the social normative structure, it can still be considered traditional instead of being deviant, such as workaholism and tattooing. However, certain behaviors that do not conform to the social norm structure and are considered «unacceptable» by cultural customs and values are labeled

as deviant behaviors.

According to Articles 17 and 18 of the Civil Code of the People's Republic of China, a person under the age of 18 is a minor. According to the Core Information and Interpretation of Health Education for Chinese Adolescents (2018 edition) issued by National Health Commission of China, Internet addiction refers to the uncontrolled behavior of Internet use without addictive substances, which is reflected in the obvious academic, occupational and social impairment after excessive use of the Internet. Among them, duration is an important criterion for the diagnosis of Internet addiction disorder. Generally, it takes at least 12 months for the behavior to be diagnosed. By this definition, Internet addiction is a behavior that not only does not conform to generally accepted standards of behavior, but is considered by cultural conventions and values to be unacceptable or even wrong. Therefore, Internet addiction is a deviant behavior, but it still falls into the category of legal conduct.

1.2 The Causes of Internet Addiction among Minors

Internet addiction should not be regarded simply as a disease. The excessive use of the Internet by minors is often accompanied by other factors, involving their own behavior and psychology as well as their social and family environment. Therefore, it is essential to make a cross analysis from behaviorism, psychological needs, social cognition and other theories and perspectives to jointly explain the causes of minors' Internet addiction.

First, from the behavioral point of view, modern science and technology brings infinite possibilities to the virtual world, which attracts minors to devote a lot of time and energy to it. This addiction can be interpreted as a behavior that is influenced by a reward and punishment mechanism. Online platforms often provide reward feedback through game achievements or stage clearance, social media likes, comments and other ways, which stimulates minors to continue to use the Internet, so as to meet their psychological needs, thus inducing a sense of dependence on the online world.

Secondly, from the perspective of mental health, when minors face psychological pressure, anxiety or negative emotions, they tend to seek ways online to escape from reality, like academic pressure, family problems or social troubles. However, this way of escape can only make them temporarily forget the problems and troubles in their growth. In the long run, it leads to the accumulation and aggravation of real problems, which is not conducive to those minors' physical and mental health

Finally, from a sociological point of view, minors are more susceptible to the influence of society and their peers. Social cognitive theory studies have found that individuals learn by imitating others and construct their

² Introduction to the study of deviant behavior (2021). Retrieved August, 10, 2023, from https://us.sagepub.com/sites/default/files/upm-assets/109955_book_item_109955.pdf

self-perception through social comparison. Therefore, minors' Internet addiction behavior may be influenced by their peers. They may imitate the behaviors of their peers in an attempt to gain social recognition and social status in the Internet world, or they may constantly seek satisfaction and recreation in the fantastic virtual world presented by the Internet. The sense of social recognition, satisfaction and recreation in the virtual world is likely to cause minors to neglect important activities in the real world.

1.3 Internet Addiction Profile among Minors and Harmful Consequences

Overall, the comprehensive profile of Internet addicted minors depends on the degree of the individual's obsession with the Internet, the time spent using the Internet, the agitated emotional state and the adverse consequences caused by excessive Internet use.

According to the data on the degree of addiction to the Internet in the 2021 National Underage Internet Use Research Report, 19.5 percent of Chinese underage netizens think they are very dependent on the Internet (they need to go online when they have leisure time) or relatively dependent on the Internet, basically the same as in 2020. Meanwhile, 42 percent of them think that they are not dependent on the Internet at all or not very dependent on the Internet, an increase of 3.3 percentage points over 38.7 percent in 2020³. In addition, according to the Survey Report on the Phenomenon of Minors Addicted to Mobile Online Games, the majority of minors addicted to mobile online games are boys, accounting for about 93 percent, while the proportion of girls is relatively small. The youngest of these minors is 11 years old, the oldest is about to turn 18, and the most are between 14 and 17. Given that online gaming accounts require a lot of top-up to use, these minors are also most likely to be trapped in financial distress.

In terms of minors' time-consumption on Internet, the family has a great influence on children's Internet use. The 2021 National Research Report on Minors' Internet Use found that minors are more likely to become addicted to the Internet when their parents are busy or lack attention and care for them. However, from the perspective of family structure, no matter it is joint family, inter-generational family, nuclear family or single-parent family, the phenomenon of Internet addiction among minors exists⁴.

Most studies have also found that minors with Internet addiction may feel insecure, anxious, irritable and even depressed without access to the Internet. On the one hand, these emotions may be related to activities in which the virtual world presents great excitement and pleasure. Therefore, minors may experience mood swings when they do not have access to the Internet. On the other hand,

excessive use of the Internet may affect minors' social ability in real life, bring about difficulties in face-to-face communication, and easily lead to emotional irritability. At the same time, minors tend to have verbal and physical conflicts with parents, family members or others who persuade them to reduce their Internet use, and even threaten them with suicide or self-injury.

”

To better address minors' Internet addiction, the construction of a positive interaction between police officers and minors is pivotal for achieving effective communication and cooperation

“

It is not difficult to find that the interaction of multiple factors makes minors show different characteristics and behaviors in Internet addiction, which causes many adverse effects on their normal life, study and healthy growth. First of all, Internet addiction disrupts the rest and diet of minors, damaging their health. Secondly, being in the virtual online world for a long time affects the normal study of minors, and even causes them to drop out of school. Finally, Internet addiction among minors is also likely to lead to many serious and even illegal consequences. On the one hand, minors may become victims of online pornography, online fraud, online bullying or violent crimes in the Internet; On the other hand, the initial bad behavior of Internet addiction is prone to evolve into serious bad behavior or criminal risk. For example, they may steal money or commit fraud to top up gaming accounts.

2. Community Policing Practices for Preventing and Curbing Minors' Internet Addiction

Based on the above analysis, it is argued that for those labeled as Internet addicts it is because of the social

³ *The 2021 National Underage Internet Use Research Report* (2022). Retrieved August, 05, 2023, from <http://cagd.gov.cn/data/uploads//ueditor/php/upload/file/2022/11/1669791740317797.pdf>

⁴ *"Research Report on Minors' Addiction to Mobile Online Games" Released* (2021). Retrieved August, 05, 2023, from <https://finance.sina.com.cn/tech/2021-08-10/doc-ikqcfnc1991600.shtml>

environment and their failed interaction with the real life that “excessive” Internet use has emerged and become rampant. Considering that minors’ Internet addiction may cause harmful consequences to their physical and mental health, academic development, social skills, social adaptability and many other aspects, it is imperative to collaboratively intervene and respond to this issue. In practice, the public security organs have been playing a leading and central role, employing measures such as proactive services, establishing collaborative intervention mechanisms, and effective guidance to prevent minors from relapse into Internet addiction. These efforts constitute a comprehensive strategy to contribute to a warm, harmonious, and healthy environment for their growth within the community.

2.1 Promoting Preventive Policing: Taking initiative and Offering Proactive Services

Initially, community police regularly carry out publicity and education campaigns in the communities, homes and schools. On the one hand, they educate parents and community volunteers about the dangers of Internet addiction as well as some preventive measures, reminding parents to enhance supervision and guidance on minors’ online behavior. On the other hand, police officers collaborate with primary and secondary schools and even high schools to provide Internet literacy education, helping minors, unruly and less self-controlled ones in particular, develop the ability to use the Internet correctly and raising awareness of the risks of Internet addiction. Additionally, they establish communication platforms with parents, step up patrols and oversight in the community and Internet cafes and broaden their scope of work to closely monitor minors’ Internet usage. Finally, in regions where cases of problematic behavior among minors are more severe, it is encouraged to establish community service teams within police stations, which offer professional assistance to addicted minors, identify issues promptly, and understand the root of the problematic behavior. By actively listening and providing consultation, the community service teams offer a platform for minors to seek help, aiding them in correcting their misconducts or deivent behaviors as well as preventing further deterioration.

2.2 Strengthening Collaborative Governance: Establishing Coordinated Intervention Mechanism

Community police officers take the initiative to establish a multi-dimensional coordinated mechanism involving the police, family, school and community to ensure effective implementation and achieve results in curbing minors’ Internet addiction. Under the framework of «police-home-school-community» coordinated intervention mechanism, the community police officers take the lead and collaborate with partners to devise plans for Internet addicts to abstain from Internet, in which responsibilities and tasks of all sides are specified. Secondly, police officials coordinate resources from families, schools, communities and others to establish a collaborative network and information-sharing platform for minors

addicted to the Internet. With platform, police officers pay regular visits to addicted minors and their families, enabling timely intervention. Moreover, police officers, in collaboration with community neighborhood committees, regularly invite psychologists specializing in emergency psychological services to conduct lectures for community volunteers, parents, and teachers involved with minors. These lectures teach communication skills with minors and enhance the quality and effectiveness of communication between parents and children. Meanwhile, professionals in emotional guidance and stress relief are also invited to provide mental health caring and counseling for addicted minors, assisting them in managing their emotional and psychological issues. Finally, in order to cultivate a healthy environment for Internet usage and personal growth, community police officers implement a range of intervention measures. First, Internet usage regulations are made for Internet-addicted minors, including time duration and content restrictions. Second, routine inspection, checks and monitoring are conducted systematically to enhance minors’ self-management capabilities. Third, mutual trust is expected to be should be fostered between community police officers and Internet-addicted minors by employing a series of methods such as “surrounding-cases-based approach”. Fourth, minors excessively using the Internet are encouraged to engage in a diverse array of extracurricular activities.

2.3 Ensuring Post-Intervention: Effective Guidance to Prevent Relapse

A robust support system is established to provide ongoing attention and assistance to minors who have quit Internet addiction. Community police officers help them gradually adapt to real-life situations and reduce the risk of relapse. First of all, personalized intervention files and follow-up plans are developed for each minor who has quit Internet addiction. These records comprehensively cover the causes of Internet addiction, behavioral characteristics, family structure, family income level, individual traits, and specific intervention plans. Follow-up plans are designed to monitor and track the effectiveness of treatment approaches based on specific intervention records. Periodic evaluation of intervention measures and timely adjustments are particularly important. Secondly, community police regularly organize diverse community cultural and sports activities for minors who have quit the Internet addiction. This not only encourages them to develop hobbies and practical social skills by means of establishing positive social networks in real life, but also makes them feel the support and care from the community so as to reduce the dependence on the Internet. Lastly, community police officers continue to inspect the families of minors who have quit Internet addiction, collaboratively make Internet usage standards and norms, and provide education on Internet risks and cybercrime for these individuals, repeatedly reminding them to be vigilant against online risks.

3. The Improvement of Intervention Mechanism for Minors' Internet Addiction

The Report to 20th CPC National Congress highlights the need to enhance the social governance system through information-sharing, coordination and co-governance to elevate the efficacy of social governance. The report has provided a strategic direction for enhancing social governance capacity and advancing modernized social governance. It also offers new perspectives for community governance and presents new requirements for all community workers, including community police officers. Based on the framework of Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era and existing laws and regulations in China, community police officers proactively establish a coordinated intervention mechanism of «police-home-school-community» that emphasizes information-sharing, coordination and cooperation. Measures are taken such as prevention before the event, intervention during the event, and follow-up after the event, and yield certain accomplishments. To ensure these results, consolidate the achievement, and upgrade practical paradigms, further improvement of the collaborative intervention mechanism for minors' Internet addiction under the «police-home-school-community» framework is required.

3.1 Optimization of Police Resource Allocation

To further accelerate the development of the «police-home-school-community» collaborative intervention teams, it is necessary to maintain a high standard of police force in terms of quantity, structure, quality and mobility. Initially, more police personnel who are interested, passionate and possess adequate knowledge in psychological health should be recruited to participate in addressing minors' Internet addiction. This ensures a sufficient number of competent police personnel available for preventing, curbing and stopping minors' Internet addiction. Furthermore, in terms of structural optimization, law enforcement officers from various departments can be included in the team for minors' services, including criminal investigation officers and psychological health professionals. They can provide the team with professional guidance and support, jointly engaging in Internet addiction intervention efforts. Similarly, community police officers with diverse backgrounds in terms of ages and social experiences can be integrated into the established service team, enabling better utilization of “surrounding-cases-based approach” strategy. Additionally, in order to more effectively address minors' Internet addiction, community police officers can continuously improve their capacity building by the expansion of educational and training resources. For instance, regular seminars and workshops are held to share intervention experience, case studies and the latest research results, so as to continuously improve the professional competence of community police

officers. Furthermore, experts and scholars can be invited to conduct training sessions, imparting the latest psychological intervention techniques and methods, aiding community police officers in effectively caring out Internet addiction interventions. Last but not least, to ensure the mobility of police resources, it is recommended to establish a rotation system, allowing members of the intervention teams to rotate across different departments, thereby acquiring a wider range of experiences.

3.2 Expansion of Cooperative Network

Given the multi-faceted nature of preventing, curbing and stopping minors' Internet addiction, involving aspects such as family response, policy and regulations, collaborative education, professional intervention and management, as well as increased corporate responsibility and enhanced measures, community police officers, departments at the municipal, district, and county levels, and even the precincts can extend their cooperative networks. This includes the incorporation of additional social actors or forces into minors' Internet addiction intervention efforts. By establishing cooperative relationships with social organizations, volunteers, media, universities, and enterprises, a collaborative force is developed, delivering comprehensive and multi-tiered interventions and support, realizing the shared goal of community governance, and creating a healthier Internet environment for minors. First of all, collaborations can be developed with businesses and industries. Mechanisms can be established in collaboration with Internet enterprises and the gaming industry to jointly devise measures for restricting online games, thus reducing the likelihood of minors becoming addicted to these games. Secondly, working with media can facilitate the dissemination of information regarding the harms of Internet addiction and preventive methods, increase societal awareness and promote correct Internet-usage cognition. Thirdly, establishing relationships with youth organizations and youth activity centers can enable the joint offering of diverse courses, lectures and activities, aiming at guiding minors to use the Internet rationally and enhancing their social skills. Finally, mobilizing a broad spectrum of social forces, involving more volunteers in the prevention and intervention of Internet addiction among minors.

3.3 Construction of a Positive Police-Citizen Relationship

Chinese public security organs have long emphasized the combination of specialized work with the mass line. However, in practice, community policing faces challenges of distant police-citizen relationships and ineffectiveness of police-community collaborations. To better address minors' Internet addiction, the construction of a positive interaction between police officers and minors is pivotal for achieving effective communication and cooperation. Primarily, community police officers should adopt an approachable, friendly, and affable demeanor towards

minors in their daily work, demonstrating goodwill, patience and friendliness. Regularly engaging with schools and communities, conducting visits and exchanges, organizing interactive activities that are both entertaining and educational, sharing experiences and stories to foster mutual understanding can establish a foundation of trust between police and minors. Secondly, community police officers should actively listen and earnestly respond to the concerns and needs of minors, showing sincere care and understanding. During conversations, police officers

can also inquire about minors' studies, lives, interests and more. When minors encounter problems, community police officers can provide guidance and lead them onto the right path. Finally, examples speak louder than words. Instead of verbal instructions, police officers, especially those in the community, should show a good image towards minors. Through participation in community services, acts of assistance and rescue work, police officers can pass on the sense of social responsibility and values to minors.

References

- Bax, T. (2014). *Youth and Internet Addiction in China*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203796894>
- Bax, T. (2014). Internet Addiction in China: The Battle for the Heart and Minds of Youth. *Deviant Behavior*, 35 (9), 687–702. <https://doi.org/10.1080/01639625.2013.878576>
- Becker, H. S. (1973). *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. New York: The Free Press.
- Young, K. S. (1998). *Caught in the Net: How to Recognize the Signs of Internet Addiction – And a Winning Strategy for Recovery*. New York: Wiley.

About the authors:

Wu Jieli – Deputy Head of the Teaching and Researching Section of Department of Basic Courses in Shanghai Police College, Lecturer for two courses: Policing English, An Overview of Chinese Police System, PhD Candidate in Public Policy of International Relations and Public Affairs School of Fudan University, Research field: International Law Enforcement Cooperation, Community Policing, and Non-Traditional Security Governance.

Miao Ying – Lecturer in the Department of Basic Courses of Shanghai Police College, MA degree, Research interest: Foreign Policing/Translation studies.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted September 12, 2023

Approved after reviewing October 11, 2023

Accepted October 28, 2023

Информация об авторах:

У Цзели – заместитель начальника научно-преподавательского отделения кафедры базовых дисциплин Шанхайского высшего училища полиции. Основные дисциплины: «Полицейский английский язык», «Обзор китайской полицейской системы», кандидат наук в области общественных связей в международных отношениях и связей с общественностью исследовательской школы Фуданьского университета, область исследований: международное сотрудничество в правоохранительной сфере, общественная полиция и нетрадиционные методы управления безопасностью.

Мяо Ин – преподаватель кафедры базовых дисциплин Шанхайского высшего училища полиции, степень магистра, научные интересы: зарубежная полиция/переводческое дело.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 12.09.2023

Одобрена после рецензирования 11.10.2023

Опубликована 28.10.2023

Обзор

УДК 378.078

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-3-369-376

«Российская девиантологическая панорама: теория и практика» (Обзор второй международной научно-практической конференции)

Лариса Викторовна Каверина

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
lvkaverina@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6294-2042

Александра Александровна Жаворонкова

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
niospbu@univermvd.ru

ORCID: 0009-0008-1158-3615

Аннотация

В статье представлен обзор второй международной научно-практической конференции «Российская девиантологическая панорама: теория и практика», прошедшей под эгидой «Российского девиантологического журнала» в сентябре 2023 года. Конференция нацелена на обмен научными знаниями о девиантном поведении, анализ современных методологий исследования и профилактики девиаций, а также объединение ученых и практиков, работающих в этом предметном поле.

В конференции приняли участие более 100 человек из 49 организаций России и зарубежья, среди которых: представители Шанхайского высшего училища полиции Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики, Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора Э. Алиева, Академии МВД Республики Беларусь, образовательных и научных организаций системы МВД России и ФСИН России, Прокуратуры Российской Федерации, Минобрнауки России, территориальных органов МВД России, Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева Минздрава России.

Работа конференции была организована в форме пленарного и двух секционных заседаний по ключевым направлениям изучения девиантного поведения.

Результатом конференции стало обсуждение академических и прикладных проблем девиантного поведения, обобщение и распространение передовых методологий, методик и опыта исследователей девиаций, развитие и укрепление взаимодействия ученых и практиков.

Ключевые слова

девиантное поведение, теория девиантологии, изучение девиаций, профилактика девиантного поведения, диагностика девиаций, коррекция девиантного поведения

Для цитирования: Каверина, Л. В., Жаворонкова, А. А. (2023). «Российская девиантологическая панорама: теория и практика» (Обзор второй международной научно-практической конференции). *Российский девиантологический журнал*, 3 (3), 358–365. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-369-376.

Review

Larisa V. Kaverina

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
lvkaverina@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6294-2042

Aleksandra A. Zhavoronkova

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
niospbu@univermvd.ru

ORCID: 0009-0008-1158-3615

«Russian Deviantological Panorama: Theory and Practice» (Review of the Second International Scientific and Practical Conference)

Abstract

The article gives an overview of the second international scientific-practical conference «Russian Deviantological Panorama: Theory and Practice» held under the auspices of the «Russian Journal of Deviantology» in September 2023. The conference aims at exchanging scientific knowledge on deviant behavior, analysis of modern methodologies of research and prevention of deviance, as well as bringing together scientists and practitioners working in this subject field.

The conference was attended by over 100 participants from 49 organisations in Russia and abroad, including: representatives of the Shanghai Higher Police School of the Ministry of Public Security of the People's Republic of China, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after Major General E. Aliyev, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, educational and scientific organisations of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia and Federal Penal System of Russia, Prosecutor's Office of the Russian Federation, Ministry of Education and Science of Russia, territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, National Medical Research Centre of Psychiatry and Neurology named after V.M. Bekhterev of the Ministry of Health of Russia.

The conference was organised in the form of a plenary and two sectional sessions on key aspects of deviant behavior research.

The conference resulted in the discussion of academic and applied problems of deviant behavior, generalisation and dissemination of advanced methodologies, techniques and experience of deviance researchers, development and intensification of interaction between scientists and practitioners.

Keywords

deviant behavior, theory of deviantology, study of deviations, prevention of deviant behavior, diagnosis of deviations, correction of deviant behavior

For citation: Kaverina, L. V., Zhavoronkova, A. A. (2023). «Russian Deviantological Panorama: Theory and Practice» (Review of the Second International Scientific and Practical Conference). *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (3), 358–365. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-369-376.

29 сентября 2023 года в Санкт-Петербургском университете МВД России состоялось значимое событие в научной жизни девиантологов – вторая международная конференция «Российская девиантологическая панорама: теория и практика» (Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции, 2023).

Как и в 2022 году, конференция проводилась при информационной поддержке «Российского девиантологи-

ческого журнала», ведь журнал и конференция взаимодополняют друг друга. В рамках работы конференции у исследователей девиантного поведения появляется возможность не только лично познакомиться друг с другом, но и обсудить актуальные вопросы, укрепить взаимосвязь основоположников девиантологии с учеными и практиками России и зарубежных государств.

В работе конференции приняли участие представители Шанхайского высшего училища полиции

Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики, Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора Э. Алиева, Академии МВД Республики Беларусь, образовательных и научных организаций системы МВД России и ФСИН России, Прокуратуры Российской Федерации, Минобрнауки России, территориальных органов МВД России, Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева Минздрава России. Участниками мероприятия стали представители 49 организаций России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья.

С приветственным словом к участникам конференции обратился начальник Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат юридических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации генерал-майор полиции Игорь Амельчаков. В своем выступлении он отметил, что конференция является значимым событием в научной среде, так как девиантное поведение, особенно среди молодежи, является предметом внимания многих известных криминологов, психологов, педагогов.

В ходе пленарного заседания были заслушаны доклады ученых девиантологов. Открыл пленарное заседание профессор кафедры уголовного права и криминологии уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) университета прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук, профессор Яков Ильич Гишинский с докладом на тему «Некоторые проблемы социального контроля над девиантными проявлениями». В своем выступлении Яков Ильич отметил некоторые проблемы социального контроля над девиантными проявлениями, обосновал относительность представлений о «нормальности» и «девиантности» на примере преступности, наркотизма, проституции, а также предложил основные направления социального контроля над девиантными проявлениями. Докладчик акцентировал внимание на том, что отечественная российская девиантология должна теоретически разрабатывать реальные пути социального контроля над девиантностью и ее составляющими (Гишинский, 2023, с. 22).

Шанхайское высшее училище полиции Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики на пленарном заседании представили педагогические работники У Цзели и Инсин Сюй. В своем выступлении на тему «Вмешательство и реагирование на интернет-зависимость несовершеннолетних с позиции общественной полиции» У Цзели осветила тему влияния общественной полиции КНР на поведение несовершеннолетних, склонных к интернет-зависимости. А ее коллега, Инсин Сюй, рассказала участникам о предложениях по совершенствованию рабочих норм и процедур при вмешательстве полиции в дела о домашнем насилии в рамках выступления на тему

«Вмешательство полиции в дела о домашнем насилии: посредничество, предупреждение или административный штраф».

От Санкт-Петербургского университета МВД России на пленарном заседании выступил профессор кафедры философии и социологии, доктор философских наук, доктор культурологии, доцент Павел Григорьевич Мартысюк, который затронул тему трансформации концепта культурной девиации в контексте общественного развития, раскрыв его основные позиции.

В докладе «Профилактика профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел Кыргызской Республики» представителями Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора Э. Алиева начальником кафедры общественно-политических дисциплин и психологии, доктором юридических наук Кадыровой Чолпон Айзабековной и преподавателем кафедры общественно-политических дисциплин и психологии Академия МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора Э. Алиева, кандидатом психологических наук Зайырбековной Айчурок Акжолтоевной была затронута не только тема профилактики профессиональной деформации, но и представлен описательный эмпирический анализ копинг-стратегий сотрудников органов внутренних дел Кыргызской Республики. Авторами было отмечено, что к вопросу профилактики необходимо подходить всесторонне, а главную роль в профилактике играет совместная деятельность психологов и непосредственных руководителей подразделений (Кадырова, Зайырбекова, 2023, с. 280).

В завершении пленарного заседания прозвучал доклад ректора Восточно-Европейского института психоанализа, доктора психологических наук, кандидата медицинских наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Решетникова Михаила Михайловича. Докладчик поведал об основных психологических механизмах, способствующих формированию межнациональных конфликтов или провоцирующие их развитие. Кроме того, им была обоснована оригинальная гипотеза об усилении межнациональных конфликтов во всем мире в XXI веке.

По завершении пленарного заседания начали свою работу секции.

Работа *секции «Современная девиантология»* включала в себя рассмотрение достаточно широкого спектра вопросов по заявленной проблематике. Выступления в рамках секции позволили подискутировать ее участникам в отношении множества проблемных вопросов, касающихся девиантного поведения. В выступлении Л. В. Шабанова были описаны психологические исследования девиантного поведения в современной социальной психологии отношений (Шабанов, 2023). Доклад В. Д. Пескова и В. Я. Кузеванова включал в себя аналитический обзор исследований с положительным опытом использования метода «Садовой терапии» для

коррекции и профилактики девиантного поведения, в том числе и среди ветеранов войны. Сообщение Л. И. Грошевой, И. Л. Грошева и И. А. Грошевой касалось особенностей восприятия девиации в условиях дискретности виртуальных сообществ (Грошева, Л. И., Грошев, И. Л., Грошева, И. А., 2023).

Интересная тема была раскрыта в докладе И. В. Добрякова и В. Е. Самохвалова, который содержал в себе аспекты инвективной лексики как формы проявления девиантного поведения. А. А. Чебурёнков познакомил членов секции с современными подходами к изучению мотивации девиантного поведения должностных лиц, совершающих коррупционные преступления (Чебурёнков, 2023). М. И. Кузнецов в своем выступлении поделился опытом привлечения несовершеннолетних осужденных, отбывающих уголовное наказание с лишением свободы, к профилактике девиантного поведения подростков на примере Ангарской воспитательной колонии ГУФСИН России по Иркутской области (Кузнецов, 2023).

Участники *секции «Психолого-педагогические исследования девиантного поведения»* обсуждали не менее важные и актуальные темы, касающиеся девиантного поведения. Так, доклад Е. Э. Бойкиной на тему «Антисоциальное поведение несовершеннолетних: потребность во власти и провокации» содержал данные об исследовании, которое было предпринято с целью выявления факторов антисоциального поведения несовершеннолетних, а также ряд гипотез о его взаимосвязи с субъективной социальной остракизацией (Бойкина, 2023). Тему представления о семье у девиантных подростков раскрыла в своем выступлении Л. Н. Антилогова (Антилогова, 2023). Внимание участников секции привлекло выступление С. В. Духновского о правопослушной мотивации и криминогенной направленности у субъектов с разными темпоральными характеристиками, в рамках которого была выявлена взаимосвязь между временным сценарием, криминогенной направленностью и правопослушным поведением, установлены различия в выраженности данных параметров (мотивации и направленности) у субъектов с разрешающим и запрещающим временным сценарием, показано, что повышенная социальная нормативность является сдерживающим фактором для развития и проявления криминогенной направленности субъектов с запрещающим временным сценарием (Духновский, 2023). В докладе И. В. Белюшиной была предпринята попытка проанализировать социально-психологические особенности военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, участвующих в незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ, а также выделить

условия служебной деятельности, провоцирующие их вовлечение в данный вид девиантного поведения (Белюшина, 2023). О роли критичности мышления для устойчивости к дистанционным схемам воздействия телефонных мошенников участникам секции рассказал А. Д. Белоусов (Белоусов, 2023). Исследование особенностей антисоциальной креативности в разном социополитическом контексте было представлено Н. В. Мешковой, которая озвучила результаты исследования особенностей антисоциальной креативности в социополитических условиях 2019 г. и 2023 г. на выборках курсантов, выявила различия в личностных характеристиках и антисоциальной креативности и сделала вывод о том, что в разных социо-политических контекстах связь между психологическими характеристиками изменяется, а уровень антисоциальной креативности неодинаков (Мешкова, 2023). Внимание участников секции привлекло сообщение о манифестации нарушений в структуре личности серийных сексуальных преступников, подготовленное на основе исследования Н. В. Дворянчикова и С. В. Нечесовой о манифестации нарушений психосоматического характера в анамнезах 22-х серийных сексуальных преступников. Авторами исследования обнаружено взаимовлияние факторов манифестации повседневного садизма и развития расстройств сексуального предпочтения (Нечесова, Дворянчиков, 2023). В завершении работы секции был представлен доклад А. Ч. Кодоевой и К. Р. Погореловой, в котором были рассмотрены некоторые проблемы, с которыми сталкиваются осужденные после отбывания уголовного наказания, а также проанализирован институт пробации и выдвинуты рекомендации по его совершенствованию (Кодоева, Погорелова, 2023).

Итоги конференции были подведены в завершении работы каждой из секций и обобщены организаторами.

Следует отметить, что вторая международная научно-практическая конференция «Российская девиантологическая панорама: теория и практика» оказалась не менее ярким и масштабным событием среди научного сообщества девиантологов, нежели первая. В этом году тематика конференции была шире и затрагивала рассмотрение в том числе и острых вопросов, вызывающих бурную дискуссию среди участников. Обсуждение различных тем позволило взглянуть на причины девиаций с разных сторон, а обмен мнениями, в том числе и с иностранными коллегами, – объединить усилия для глубокого изучения девиантного поведения.

Желаем участникам новых научных открытий и свежих идей!

Список литературы

- Антилогова, Л. Н. (2023). Представление о семье у девиантных подростков. В А. А. Жаворонкова, О. С. Кравченко (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 года, стр. 165–171). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN OSOXOS.
- Белоусов, А. Д. (2023). Роль критичности мышления для устойчивости к дистанционным схемам воздействия телефонных мошенников. В А. А. Жаворонкова, О. С. Кравченко (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 года, стр. 172–177). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN SEBFZB.
- Белюшина, И. В. (2023). Социально-психологические особенности военнослужащих, участвующих в незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ. В А. А. Жаворонкова, О. С. Кравченко (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 года, стр. 178–184). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN CRWLXX.
- Бойкина, Е. Э. (2023). Антисоциальное поведение несовершеннолетних: потребность во власти и провокации. В А. А. Жаворонкова, О. С. Кравченко (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 года, стр. 185–192). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN AAUHOY.
- Гишинский, Я. И. (2023). Некоторые проблемы социального контроля над девиантными проявлениями. В А. А. Жаворонкова, О. С. Кравченко (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 года, стр. 16–22). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN XVFGFP.
- Духновский, С. В. (2023). Правопослушная мотивация и криминогенная направленность у субъектов с разными темпоральными характеристиками. В А. А. Жаворонкова, О. С. Кравченко (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 года, стр. 200–205). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN ESZZSY.
- Грошева, Л. И., Грошев, И. Л., Грошева, И. А. (2023). Восприятие девиации в условиях дискретности виртуальных сообществ. В А. А. Жаворонкова, О. С. Кравченко (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 года, стр. 23–29). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN WVDWDQ.
- Злоказов, К. В., Каверина, Л. В. (2022). Российская девиантологическая панорама: теория и практика (обзор первой международной научно-практической конференции). *Российский девиантологический журнал*, 2 (3), 354–362. EDN KTJTBV. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-3-354-362>
- Кадырова, Ч. А., Зайырбекова, А. А. (2023). Профилактика профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел Кыргызской Республики. В А. А. Жаворонкова, О. С. Кравченко (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 года, стр. 276–280). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN GMEDMC.
- Кодоева, А. Ч., Погорелова, К. Р. (2023). К вопросу о ресоциализации осуждённых. В А. А. Жаворонкова, О. С. Кравченко (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 года, стр. 214–219). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN EPGPID.
- Кузнецов, М. И. (2023). Участие несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в профилактике девиантного поведения подростков. В А. А. Жаворонкова, О. С. Кравченко (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 года, стр. 298–301). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN CLVXPN.

- Мешкова, Н. В. (2023). Исследование особенностей антисоциальной креативности в разном социополитическом контексте. В А. А. Жаворонкова, О. С. Кравченко (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 года, стр. 225–227). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN IAEZJS.
- Нечесова, С. В., Дворянчиков, Н. В. (2023). Манифестация поведенческих нарушений в структуре личности серийных сексуальных преступников. В А. А. Жаворонкова, О. С. Кравченко (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 года, стр. 228–234). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN НОХНКУ.
- Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 года, сост. А. А. Жаворонкова, О. С. Кравченко) (2023). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. ISBN 978-5-91837-760-4. EDN VVALIQ.
- Чебурёнков, А. А. (2023). Современные подходы к изучению мотивации девиантного поведения должностных лиц, совершающих коррупционные преступления. В А. А. Жаворонкова, О. С. Кравченко (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 года, стр. 92–99). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN QVASEE.
- Шабанов, Л. В. (2023). Психологические исследования девиантного поведения в современной социальной психологии отношений. В А. А. Жаворонкова, О. С. Кравченко (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 года, стр. 157–164). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN MLWZKI.

References

- Antilogoza, L. N. (2023). Predstavlenie o sem'e u deviantnyh podrostkov. V A. A. Zhavoronkova, O. S. Kravchenko (sost.), *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 29 sentyabrya 2023 goda, str. 165–171). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN OSOXOS.
- Belousov, A. D. (2023). Rol' kritichnosti myshleniya dlya ustojchivosti k distancionnym skhemam vozdejstviya telefonnyh moshennikov. V A. A. Zhavoronkova, O. S. Kravchenko (sost.), *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 29 sentyabrya 2023 goda, str. 172–177). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN CEBFZB.
- Belyushina, I. V. (2023). Social'no-psihologicheskie osobennosti voennosluzhashchih, uchastvuyushchih v nezakonnom oborote narkoticheskikh sredstv i psihotropnyh veshchestv. V A. A. Zhavoronkova, O. S. Kravchenko (sost.), *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 29 sentyabrya 2023 goda, str. 178–184). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN CRWLXX.
- Bojkina, E. E. (2023). Antisocial'noe povedenie nesovershennoletnih: potrebnost' vo vlasti i provokacii. V A. A. Zhavoronkova, O. S. Kravchenko (sost.), *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 29 sentyabrya 2023 goda, str. 185–192). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN AAUHOY.
- Gilinskij, Ya. I. (2023). Nekotorye problemy social'nogo kontrolya nad deviantnymi proyavleniyami. V A. A. Zhavoronkova, O. S. Kravchenko (sost.), *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 29 sentyabrya 2023 goda, str. 16–22). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN XVFGFP.

- Duhnovskij, S. V. (2023). Pravoposlušnaya motivaciya i kriminogennaya napravlennoŝt' u sub'ektov s raznymi temporal'nymi harakteristikami. V A. A. Zhavoronkova, O. S. Kravchenko (sost.), *Rossijskaya deviantologičeskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* (Sankt-Peterburg, 29 sentyabrya 2023 goda, str. 200–205). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN ESZZSY.
- Grosheva, L. I., Groshev, I. L., Grosheva, I. A. (2023). Vospriyatie deviacii v usloviyah diskretnosti virtual'nyh soobshchestv. V A. A. Zhavoronkova, O. S. Kravchenko (sost.), *Rossijskaya deviantologičeskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* (Sankt-Peterburg, 29 sentyabrya 2023 goda, str. 23–29). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN WVDWDQ.
- Zlokazov, K. V., Kaverina, L. V. (2022). Rossijskaya deviantologičeskaya panorama: teoriya i praktika (obzor pervoj mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii). *Rossijskij deviantologičeskij zhurnal*, 2 (3), 354–362. EDN KTJTBM. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-3-354-362>
- Kadyrova, Ch. A., Zajrbekova, A. A. (2023). Profilaktika professional'noj deformacii sotrudnikov organov vnutrennih del Kyrgyzskoj Respubliki. V A. A. Zhavoronkova, O. S. Kravchenko (sost.), *Rossijskaya deviantologičeskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* (Sankt-Peterburg, 29 sentyabrya 2023 goda, str. 276–280). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN GMEDMC.
- Kodoeva, A. Ch., Pogorelova, K. R. (2023). K voprosu o resocializacii osuzhdyonnyh. V A. A. Zhavoronkova, O. S. Kravchenko (sost.), *Rossijskaya deviantologičeskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* (Sankt-Peterburg, 29 sentyabrya 2023 goda, str. 214–219). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN EPGPID.
- Kuznecov, M. I. (2023). Uchastie nesovershennoletnih osuzhdennyh, otbyvayushchih nakazanie v vide lisheniya svobody, v profilaktike deviantnogo povedeniya podrostkov. V A. A. Zhavoronkova, O. S. Kravchenko (sost.), *Rossijskaya deviantologičeskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* (Sankt-Peterburg, 29 sentyabrya 2023 goda, str. 298–301). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN CLVXPN.
- Meshkova, N. V. (2023). Issledovanie osobennostej antisocial'noj kreativnosti v raznom sociopolitičeskom kontekste. V A. A. Zhavoronkova, O. S. Kravchenko (sost.), *Rossijskaya deviantologičeskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* (Sankt-Peterburg, 29 sentyabrya 2023 goda, str. 225–227). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN IAEZJS.
- Nechesova, S. V., Dvoryanchikov, N. V. (2023). Manifestaciya povedenčeskih narušenij v strukture ličnosti serijnyh seksual'nyh prestupnikov. V A. A. Zhavoronkova, O. S. Kravchenko (sost.), *Rossijskaya deviantologičeskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* (Sankt-Peterburg, 29 sentyabrya 2023 goda, str. 228–234). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN HOXHKY.
- Rossijskaya deviantologičeskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii (Sankt-Peterburg, 29 sentyabrya 2023 goda, sost. A. A. Zhavoronkova, O. S. Kravchenko) (2023). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. ISBN 978-5-91837-760-4. EDN VVALIQ.
- Cheburjonkov, A. A. (2023). Sovremennye podhody k izučeniyu motivacii deviantnogo povedeniya dolžnostnyh lic, sovershayushchih korrupcionnye prestupleniya. V A. A. Zhavoronkova, O. S. Kravchenko (sost.), *Rossijskaya deviantologičeskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* (Sankt-Peterburg, 29 sentyabrya 2023 goda, str. 92–99). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN QVASEE.
- Shabanov, L. V. (2023). Psihologičeskie issledovaniya deviantnogo povedeniya v sovremennoj social'noj psihologii otnošenij. V A. A. Zhavoronkova, O. S. Kravchenko (sost.), *Rossijskaya deviantologičeskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* (Sankt-Peterburg, 29 sentyabrya 2023 goda, str. 157–164). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN MLWZKI.

Информация об авторах:

Лариса Викторовна Каверина – кандидат филологических наук, главный редактор редакции журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» и газеты «На страже закона», ответственный секретарь редакции «Российского девиантологического журнала».

Александра Александровна Жаворонкова – научный сотрудник отделения координации и планирования научной деятельности научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 11.10.2023

Одобрена после рецензирования 21.10.2023

Опубликована 28.10.2023

About the authors:

Larisa V. Kaverina – Cand. Sci. (Phil.), editor-in-chief of the editorial board of the journal “Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia” and the newspaper “On Guard of the Law”, executive secretary of the editorial board of the “ Russian Journal of Deviant Behavior”.

Aleksandra A. Zhavoronkova – Researcher at the Department of Coordination and Planning of Scientific Activities of the Research Department St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted October 11, 2023

Approved after reviewing October 21, 2023

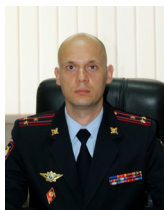
Accepted October 28, 2023

УДК 316.624

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-3-377-385

Девиантология: перспективные направления научных исследований крымских ученых

Сергей Анатольевич Буткевич

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
(Симферополь, Россия)
sbutkevich@mvd.ru

ORCID: 0000-0001-8122-2964

Аннотация

Введение. В преддверии 10-летнего юбилея Крымского филиала Краснодарского университета МВД России в систематизированном виде представлены результаты научных исследований его научно-педагогических работников в области девиантологии. Указаны основные предпосылки успешного выполнения научно-исследовательских работ и получения значимых результатов, востребованных территориальными органами МВД России предложений и рекомендаций. Определены перспективы проведения дальнейших изысканий в этой сфере, в том числе с учетом современных требований к подготовке специалистов и новых приоритетных профилей подготовки университета.

Цель исследования – анализ систематизированных научно-исследовательских работ, выполненных в Крымском филиале Краснодарского университета МВД России, и определение дальнейших перспективных направлений для изысканий в сфере девиантологии.

Методология, методы и методики. Методологической основой исследования стали философские, современные общие и специальные методы научного познания. Их использование обусловлено системным подходом, позволившим проанализировать проблемы комплексно и всесторонне, в единстве их социального содержания и юридической формы.

Результаты проведенной работы подтверждают своевременность, значимость и практическую востребованность результатов научных исследований, соответствие разрабатываемой тематики актуальным и перспективным проблемам в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, требующим научного разрешения.

Научная новизна статьи обусловлена комплексным и всесторонним анализом систематизированных научных исследований в сфере девиантологии, проведенных научно-педагогическими работниками Крымского филиала Краснодарского университета МВД России.

Практическая значимость. Представленный обзор может использоваться в научно-исследовательских целях для изучения проведенных разработок, а также в практической деятельности ОВД в сфере предупреждения различных девиаций на федеральном и региональном уровнях.

Ключевые слова

деструктивное поведение, превентивная деятельность, предупреждение девиаций, профилактика отклонений, радикальные взгляды, Республика Крым

Для цитирования: Буткевич, С. А. (2023). Девиантология: перспективные направления научных исследований крымских ученых. *Российский девиантологический журнал*, 3 (3), 366–374. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-377-385.

Emerging trends in deviantology in the Crimea

Sergey A. Butkevich

Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Simferopol, Russia)
sbutkevich@mvd.ru

ORCID: 0000-0001-8122-2964

Abstract

Introduction. On the eve of the 10th anniversary of the Crimea branch of Krasnodar University of the RF Ministry of the Interior, the results of scientific researches in deviantology are presented. The article stresses main prerequisites for the successful implementation of scientific researches and obtaining significant results, proposals and recommendations being significant for territorial authorities of the RF Ministry of the Interior. Further, it highlights research ideas in this area due to contemporary requirements for specialists' training and new key majors at university training.

The purpose of the study is to analyze systematized researches carried out at the Crimea branch of Krasnodar University of the RF Ministry of the Interior of Russia, and to determine further trends for the research in deviantology.

Methodology, methods and techniques. The methodological basis of the research is comprised of philosophical, modern general and special methods of scientific knowledge. Their use is due to a systematic approach, which made it possible to analyze the problems fully and comprehensively in the unity of their social content and legal form.

The results of the work confirm the timeliness, significance and practical relevance of the outcomes of scientific researches, compliance of the developed subject areas with current and emerging issues of law enforcement force required to be solved. **The scientific novelty** of the article is due to a comprehensive and integrated analysis of systematic scientific research in the field of deviantology conducted by scientific and pedagogical staff of the Crimea branch of Krasnodar University of the RF Ministry of the Interior.

Practical significance. The presented review can be useful for researchers as well as field officers of the law enforcement bodies to prevent various deviations at federal and regional levels.

Keywords

destructive behavior, preventive activity, prevention of deviations, precautions of abnormalities, radical views, the Republic of Crimea

For citation: Butkevich, S. A. (2023). Emerging trends in deviantology in the Crimea. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (3), 366–374. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-377-385.

С первых дней создания Крымского филиала Краснодарского университета МВД России¹ (далее – филиал) начала формироваться и сфера научных интересов профессорско-преподавательского состава, в первую очередь связанная с решением проблем переходного периода, обусловленных политико-правовой и социально-экономической адаптацией и интеграцией Крымского федерального округа в состав Российской Федерации. В то же время тематика научных разведок стала поэтапно смещаться в сторону профилактики различных проявлений противоправного (асоциального, антисоциального)

поведения, устранения его детерминант или минимизации последствий, имеющих как общегосударственные тенденции, так и региональную и даже локальную специфику.

Вполне логично, что вновь созданному структурному подразделению на базе одного из ведущих вузов юга России – Краснодарского университета МВД России – на воссоединенном с Российской Федерацией полуострове необходимо было о себе заявить научному сообществу, и желательно громко. Именно поэтому, начиная с 2014 года, стало доброй традицией издавать коллективные монографии в рамках подготовки

¹ Приказ МВД РФ от 5 мая 2014 г. № 400 «О создании Крымского филиала Краснодарского университета МВД России» (2014). Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70593392/>

исследований по грантовым проектам, поддержанных республиканскими правоохранительными органами и финансируемых Государственным Советом Республики Крым.

Первым таким изданием стала монография «Исследование проблем предупреждения наркомании и противодействия наркопреступности в Республике Крым» (Буткевич (ред.), 2014), в которой были проанализированы основные проблемы в деятельности органов публичной администрации, правоохранительных и иных государственных органов в данной области. В указанной работе, как и во всех последующих, исследования этой проблематики рассматривались через призму юриспруденции, теории управления, социологии, политологии, философии, психологии, педагогики, филологии и культурологии. В частности, детально изучено здоровье нации как социальная и философская проблемы, раскрыты особенности административно-правовых форм и методов предупреждения наркомании, даны подробные уголовно-правовая, криминологическая и криминалистическая характеристики наркопреступности, ее профилактики, освещены уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные аспекты противодействия наркобизнесу. Учитывая злободневность затронутой проблематики для нового субъекта Российской Федерации (включая вопросы ликвидации подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в составе ОВД и создания республиканского управления ФСКН; исключения возможностей использования заместительной метадоновой терапии для наркозависимых лиц; изменения источников и каналов наркотрафика и т.д. (Микитюк, 2017)), материалы монографии были внедрены в учебный процесс ведомственных образовательных организаций и практическую деятельность не только территориальных подразделений МВД России, но и республиканских подразделений Следственного комитета, ФСКН, ФСБ и прокуратуры.

Следующим изданием, подготовленным уже с учетом приоритетного профиля подготовки, закрепленным за вузом («Деятельность подразделений органов внутренних дел по противодействию экстремизму, терроризму и борьбе с организованной преступностью»), стала монография «Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики», посвященная анализу современных и потенциальных проявлений экстремизма и терроризма в регионе (Буткевич (ред.), 2015). В ней были приведены законодательные и доктринальные дефиниции указанных явлений, подробно охарактеризованы основные формы и методы осуществления экстремистской и террористической деятельности, еще тогда раскрыты особенности международного экстремизма и терроризма, в том числе проявлявшиеся по отношению к населению и инфраструктуре Республики Крым и города федерального

значения Севастополя. На основании проведенного изыскания авторским коллективом были разработаны предложения и рекомендации по усовершенствованию приемов и способов противодействия этим явлениям, оптимизации контрэкстремистской и антитеррористической деятельности уполномоченных субъектов. Кроме того, в рамках выполнения данного проекта кафедрой уголовного права и криминологии филиала (А. А. Кашкаровым, А. Н. Игнатовым) был подготовлен аналитический обзор «Анализ и прогноз развития оперативной обстановки по линии противодействия экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе» (по заявке ГУПЭ МВД России), а кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин (А. А. Коноплевой, Н. В. Чудиной-Шмидт) проведены занятия в системе профессиональной служебной подготовки с личным составом МВД по Республике Крым и с обучающимися образовательных организаций среднего и среднего профессионального образования г. Симферополя.

Интерес ученых филиала к данной проблематике во многом был связан с тем, что до событий «Крымской весны» (март 2014 г.) к задачам органов безопасности и правопорядка противодействие экстремизму не относилось, а борьба с терроризмом де-факто не осуществлялась, нормативно-правовые основы для осуществления правоохранительной деятельности в этой сфере были неактуальны, противоречивы, фрагментарны либо вообще отсутствовали. Как следствие, уже в начале 2010-х годов Украина столкнулась, с одной стороны, с геометрическим ростом радикальных и деструктивных проявлений псевдопатриотических объединений, квазирелигиозных организаций, (ультра)правых политических партий и провоенных формирований, часто даже не скрывавших своих истинных целей, декларируемые лозунги и саму незаконную деятельность, и с другой, – невозможностью органов безопасности и правопорядка ей противодействовать, анемией парламента и правительства (Игнатов, Кашкаров, 2015).

Общеизвестно, что краеугольным камнем в деятельности любого современного государства и общества является устранение причин и условий формирования девиантного поведения, а не ликвидация (минимизация) его последствий. Это касается абсолютно всех сфер жизнедеятельности социума и этапов функционирования стран, независимо от формы государственного устройства, политической системы и уровня их социально-экономического развития. В связи с этим мы продолжили работать в данном направлении, разрабатывая новые аспекты этой модифицирующейся проблематики или исследуя смежные вопросы, требующие решения для крымских правоохранителей, в первую очередь рассматривая их через призму девиантологии.

После трагических событий в Керченском политехническом колледже (17 октября 2018 г., скулшутинг) из МВД по Республике Крым поступила заявка на выполнение научно-исследовательской работы в виде методических рекомендаций по теме «Предупреждение экстремизма и терроризма в подростковой и молодежной среде». Подготовленные рекомендации содержали материалы для проведения мероприятий превентивного характера в образовательных организациях, местах проведения досуга и отдыха несовершеннолетних и предназначались не только для сотрудников правоохранительных органов, но и для администрации и педагогического состава образовательных организаций. Выполненная работа содержала такие разделы, как: социально-психологические особенности деструктивного поведения подростков и молодежи; актуальные тенденции популяризации радикальных и экстремистских идей в молодежной среде; предупреждение распространения деструктивной идеологии в информационно-коммуникационном пространстве; криминалистическая характеристика террористических актов, осуществляемых с участием несовершеннолетних и молодежи; взаимодействие родителей, педагогов и воспитателей с сотрудниками органов внутренних дел в данной сфере.

Несколько позднее кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала были подготовлены методические рекомендации «Использование результатов первичной диагностики склонности молодежи к деструктивному поведению в превентивной деятельности», которые содержали материалы для проведения профилактических, воспитательных и корректирующих мероприятий в образовательных организациях в целях определения склонности несовершеннолетних и молодежи к экстремистскому и террористическому поведению. Перечисленные выше работы получили высокие оценки не только сотрудников правоохранительных органов, но и администрации, педагогов, воспитателей и психологов учебных заведений среднего и высшего образования.

С учетом виртуализации абсолютно всех сфер жизни и интересов общества основной акцент в исследованиях научно-педагогических работников филиала поэтапно смещался на предупреждение девиаций и превенцию делинквентных проявлений в кибернетическом пространстве, прежде всего со стороны несовершеннолетних и молодежи. Весомые результаты, вызвавшие интерес не только научного сообщества, но и сотрудников правоохранительных и правозащитных органов, и заметный вклад в решение перечисленных вопросов внес профессорско-преподавательский состав кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала – А. А. Коноплева, Т. Е. Краутман, Л. Н. Никитина, М. И. Смирнова, О. В. Тутова, Н. В. Чудина-Шмидт.

В их работах, в частности, соотнесены нормы и девиации в культуре (Коноплева, 2019), установлены детерминанты формирования психологической зависимости от компьютерных игр у несовершеннолетних (Никитина, Смирнова, 2020), подробно рассмотрена кибераддикция как вид девиантного поведения подростков (Никитина, Медведев, 2020), охарактеризована склонность молодежи к деструктивному и радикальному поведению (Чудина-Шмидт, Литвинова, 2020), определены составляющие учебно-воспитательного процесса в ведомственных образовательных организациях в сфере обеспечения информационной безопасности обучающихся (Тутова, 2017) и формирования у них устойчивых мировоззренческих установок (Краутман, Балацкая, 2022).

Логическим продолжением серии их научных публикаций стали получение гранта Республики Крым молодым ученым, начальником кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала кандидатом психологических наук, доцентом Л. Н. Никитиной и подготовка коллективной монографии на тему «Личность в информационном пространстве: проблемы и перспективы исследования» (Буткевич (ред.), 2020). Это издание посвящено исследованию вопросов функционирования и развития информационного пространства, конструктивной и деструктивной деятельности его акторов, механизмов взаимодействия между государственными и общественными институтами в кибернетической сфере, изучению существующих и прогнозированию возможных угроз в информационном пространстве.

Другими словами, основное внимание уделено поиску решений проблем обеспечения безопасности индивидуума и социума от информационных рисков и вызовов в современных реалиях. Это обусловлено тем, что в условиях дальнейшего развития информационного общества и ИТ-технологий все большую важность приобретают вопросы обеспечения информационной безопасности, то есть предупреждение и устранение вариативными формами и методами угроз, рисков и вызовов человеку (жизнь, здоровье, культура, традиции и т. д.), обществу (демократические ценности, историческая память, духовно-нравственное наследие, менталитет, общественное согласие, политическая стабильность, этноконфессиональный полилог) и государству (конституционный строй, суверенитет, территориальная целостность, международный паритет, законность и правопорядок, социально-экономическое развитие и др.) в информационной сфере. Однако в современном многогранном и динамичном мире проблемы обеспечения информационной безопасности приобретают принципиально новые черты, поскольку они выходят далеко за пределы противодействия войнам и вооруженным конфликтам. В настоящее время они стали их основой, первоисточником

и главным оружием, используемым точно, адресно, для целевой аудитории либо массового поражения.

Учитывая важность затронутой тематики, очередным шагом стала разработка вопросов обеспечения ментальной безопасности молодежи в условиях реальных угроз и потенциальных вызовов при координации данного исследования заместителем начальника кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала кандидатом философских наук, доцентом А. А. Коноплевой. Итогом этой работы явилась монография, посвященная исследованию ключевых аспектов формирования и развития устойчивых мировоззренческих принципов молодежи в современных условиях, комплексному анализу и всесторонней характеристике вызовов ментальности, разработке предложений по предупреждению и нейтрализации существующих и возможных угроз в этом сегменте национальной безопасности (Буткевич (ред.), 2021). Продолжение исследования данных вопросов получило в работах старшего преподавателя кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин филиала кандидата политических наук Е. К. Обринской (Обринская, 2022).

По нашему мнению, специальные информационные операции оборонительного (защитного) и наступательного характера занимают особое место в системе действий и мероприятий по противодействию реальным и потенциальным угрозам национальной и ментальной безопасности как самостоятельный механизм информационно-психологического, нейролингвистического, психоаналитического, идеологического и другого манипулятивного воздействия и факультативный инструмент, используемый для деэскалации социальной, политической и экономической напряженности. В глобальном масштабе последствия от правильно организованных и эффективно проведенных специальных информационных операций будут ощущаться не только страной-противником, но и ее реальными и потенциальными союзниками, нейтральными государствами, представителями международного сообщества в условиях мирного сосуществования, кризисов, конфликтов и войн.

Очевидно, что в начале 2020-х годов Крымский полуостров не мог остаться в стороне от форсируемых и финансируемых коллективным Западом последствий информационного шума и провокаций сторонников и сочувствующих «оппозиционному» блоку. Как следствие, сфера научных интересов педагогических работников филиала сместилась на исследование детерминант деструктивных и радикальных проявлений протестной активности несовершеннолетних и молодежи, разработку предложений по совершенствованию форм и методов превенции данной противоправной деятельности, ее пресечению и пенализации, включая применение инновационных приемов и способов су-

блимации девиаций и стимулирования просоциальной модели поведения у подростков. Итогом проделанной работы стали серия научных публикаций и коллективная монография (Буткевич (ред.), 2022) в рамках назначенного республиканского гранта молодым ученым Крыма преподавателю-методисту учебного отдела филиала Е. С. Губченко.

Что касается учебного процесса, то в рамках изучения учебной дисциплины «Деятельность органов внутренних дел по правовому воспитанию и просвещению населения» в филиале второй год подряд проводится конкурс проектов «Право на сознание» среди курсантов 3-го и 4-го курсов, который оценивают в том числе сотрудники подразделений участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних. Цель данного мероприятия заключается в раскрытии у переменного состава творческого потенциала, расширении кругозора и развитии мотивации к деятельности по правовому просвещению и правовому воспитанию населения. При этом тематика выбираемых переменным составом проектов разнообразна, начиная от профилактики нарушений Правил дорожного движения, формирования положительного имиджа правоохранителей и завершая предупреждением девиаций в поведении мигрантов и превенцией дистанционных мошенничеств. В дополнение к указанной выше тематике с 2023–2024 учебного года курсанты этих же курсов будут изучать учебную дисциплину «Основы антикриминальной пропаганды». По нашему мнению, это мероприятие способствует более глубокому и правильному пониманию обучающимися задач полиции по правовому просвещению и информированию граждан, которые они будут выполнять в своей дальнейшей профессиональной деятельности. Кроме этого, конкурс должен способствовать раскрытию у будущих сотрудников полиции творческого, неординарного подхода в выборе правильных методов и адекватных средств в процессе коммуникации с населением в ходе осуществления общей и индивидуальной профилактической работы (включая категории с различными девиациями либо склонными к ним), развитию у них способностей повышать у граждан уровень юридической осведомленности, грамотности и сознательности, а также нулевой терпимости к отклонениям от норм права, морали и общепринятых правил поведения. В 2024 году проведение данного конкурса будет приурочено ко Дню подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации.

В связи с началом проведения специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины в феврале 2022 года Крымский полуостров, и так являющийся триггером для коллективного Запада и пребывающий в фокусе пристального внимания украинских вооруженных сил, террористических и диверсионно-разведывательных формирований и экс-

тримистских организаций, был атакован с новой силой, с особой жестокостью и цинизмом. Безусловно, последствия этих террористических актов, вариативных провокаций, информационных вбросов и других форм ведения информационно-психологической войны украинскими и западными специальными службами сказывались не только на крымчанах и севастопольцах, но и на гостях полуострова, в том числе прибывающих с туристическими целями. Поэтому после летне-курортного сезона 2022 года было принято совместное с республиканскими органами государственной власти решение осуществить изыскания в этой области.

После проведения подготовительного этапа исследования и сбора эмпирического материала в течение 2023 года авторским коллективом филиала был проведен комплексный анализ указанных выше проблем и вопросов, включавший исследование: основ правового, информационного и социогуманитарного обеспечения безопасности объектов туристской инфраструктуры в Республике Крым; факторов, влияющих на состояние безопасности туристской отрасли в регионе; основных направлений совершенствования деятельности правоохранительных органов и других субъектов обеспечения безопасности объектов туристской индустрии в Республике Крым, в том числе связанных с перспективами внедрения подразделений туристической полиции (Буткевич (ред.), 2023). Указанная работа проводилась в рамках выполнения грантового проекта от Государственного Совета Республики Крым, полученного старшим преподавателем кафедры административного права и административной деятельности ОВД филиала кандидатом юридических наук Г. М. Овсеянном.

Стоит подчеркнуть, что ученые филиала сработали на опережение, начав в последние годы проведение научных разведок по новым направлениям приоритетных профилей подготовки, закрепленных за университетом², например, «Деятельность подразделений по обеспечению охраны общественного порядка и общественной безопасности в период проведения публичных и иных массовых мероприятий» и «Деятельность подразделений по противодействию административным правонарушениям и преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий». Но, несомненно, базисом для многих научных изысканий в филиале стали наработки начальника Краснодарского университета МВД России доктора юридических наук, профессора А. В. Симоненко (Симоненко, 2012).

Резюмируя, отметим, что заложенный практически с нуля за почти 10 лет функционирования филиала усилиями научно-педагогических работников фундамент позволяет не только высоко оценивать востребо-

ванность, актуальность, своевременность, эффективность и результативность проводимой работы в этом направлении, но и проецировать траектории для дальнейших научных изысканий. В то же время с положительной стороны можно оценить привлечение к данной работе не только сотрудников соответствующих подразделений территориальных органов МВД России, но и обучающихся. Последние включаются в эту сферу деятельности постепенно, поэтапно, начиная участием в работе научного кружка кафедры филиала, подготовки докладов, публикаций тезисов и научных статей, выполнения курсовых работ и завершая подготовкой конкурсных научно-исследовательских и дипломных работ в рамках разрабатываемой кафедрой филиала проблематики. Сегодня в состав научного общества курсантов и слушателей филиала входят уже не менее 40 % переменного состава. Лучшими из обучающихся, рекомендованными после завершения обучения в филиале для поступления в адъюнктуру университета, имеющиеся наработки и полученный опыт выполнения научных исследований используются при подготовке диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

Как пример можно привести преподавателя кафедры уголовного права и криминологии филиала К. С. Абисову, которая поступила на обучение в филиал в 2014 году, являлась старостой научного кружка кафедры, становилась лауреатом престижных премий и стипендиатом на различных уровнях и после обучения в адъюнктуре университета на заочной форме успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук в 2023 году (Абисова, 2023). Что касается реализации грантовых проектов и подготовки коллективных монографий, то их разработка сопровождалась выполнением обучающимися научно-исследовательских работ по соответствующей тематике («Организационно-правовые основы участия граждан в охране общественного порядка в Республике Крым», 2019 г., В. Н. Лысенко; «Вопросы гармонизации межнациональных отношений в Республике Крым: история, реалии и перспектива», 2020 г., К. А. Новокольская; «Экстремистские версии идеологии неоязычества: общероссийские тенденции и крымская специфика», 2020 г., И. О. Кахута; «Профилактика вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность: общероссийская тенденция и крымская специфика», 2021 г., О. С. Литвинова; «Проблемы формирования правосознания крымской молодежи в условиях ведения гибридных войн с применением массмедиа», 2022 г., Н. Н. Кузьменко; «Профилактика распространения религиозного экстремизма на территории Республики Крым (гуманитарные аспекты)», 2023 г., Д. А. Власова). Каждый из

² Приказ МВД России от 14 июля 2023 г. № 519 «О внесении изменений в приказ МВД России от 29 августа 2012 г. № 820 «О профилизации образовательных организаций МВД России» (2023).

этих авторов стал лауреатом премии Государственного Совета Республики Крым в различных номинациях.

Таким образом, тематика и содержание последующих научных исследований филиала должны коррелировать со сводным перечнем актуальных проблем деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, требующих научного разрешения, в идеале – с учетом потенциальных вызовов и прогнозируемых рисков в средне- и долгосрочной перспективах для страны в целом и региона в частности. Но, полагаем, в приоритете должны оставаться именно вопросы девиантологии, полиобъектно и мультидисциплинарно исследуемые, всесторонне и комплексно решаемые в различных плоскостях знаний и отраслях наук. На наш взгляд, особое значение имеет дальнейшая разработка вопросов противодействия экстремизму, терроризму и их вариативным проявлениям, генезис и диффузия которых актуальны в локальных, региональных и федеральных масштабах. При этом исследователи должны гибко и оперативно реагировать на появляющиеся риски, модифицирующиеся угрозы и эволюционирующие вызовы в этой области (например, наши исследования зависимости от компьютерной игры «Pokemon Go», популярности «групп смерти» в социальных сетях, феномена «колумбайн» и др.). Соот-

ветственно, предметом таких научных исследований должны стать вопросы предупреждения распространения радикальной и деструктивной идеологии и кибербуллинга, прежде всего среди подростков и молодежи на различных интернет-площадках, исключения возможностей для разжигания конфликтов на этнонациональной и религиозной почве, дезэкстремизации миграционных процессов, недопустимости дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации и результатов специальной военной операции, в том числе благодаря формированию и культивированию в обществе гражданственности, патриотизма, медиакультуры, интернет-гигиены, информационной грамотности и сознательности, интереса к полезному и безопасному контенту в информационном пространстве, а также формирования устойчивых мировоззренческих установок у будущих стражей правопорядка.

В то же время уверены, что с учетом схожести проблем, с которыми уже столкнулись либо столкнутся органы безопасности и правопорядка в новых субъектах Российской Федерации, абсолютное большинство научных разработок филиала может быть применимо и в их правоохранительной и правозащитной деятельности, включая сферу профилактики девиаций в транзитивный и последующие периоды.

Список литературы

- Абисова, К. С. (2023). *Детерминация и предупреждение террористической деятельности*: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар.
- Буткевич, С. А. (ред.) (2014). *Исследование проблем предупреждения наркомании и противодействия наркопреступности в Республике Крым*: монография. Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз».
- Буткевич, С. А. (ред.) (2015). *Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики*: монография. Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России.
- Буткевич, С. А. (ред.) (2020). *Личность в информационном пространстве: проблемы и перспективы исследования*: монография. Симферополь: Полипринт.
- Буткевич, С. А. (ред.) (2021). *Обеспечение ментальной безопасности молодежи в условиях реальных угроз и потенциальных вызовов*: монография. Симферополь: Полипринт.
- Буткевич, С. А. (ред.) (2022). *Протестная активность несовершеннолетних и молодежи: причины, формы и методы профилактики деструктивных и радикальных проявлений*: монография. Симферополь: Полипринт.
- Буткевич, С. А. (ред.) (2023). *Безопасность на объектах туристской индустрии в Республике Крым: проблемы правового и организационного обеспечения*: монография. Симферополь: Полипринт.
- Игнатов, А. Н., Кашкаров, А. А. (2015). Проблемы профилактики преступлений экстремистской и террористической направленности в Крымском федеральном округе. *Мир юридической науки*, 10, 47–53.
- Коноплева, А. А. (2019). Соотношение нормы и девиации в культуре. В *Феноменология и профилактика девиантного поведения*: материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции (г. Краснодар, 18 октября 2019 г., стр. 113–115). Краснодар: Краснодарский университет МВД России.
- Краутман, Т. Е., Балацкая, Ю. Ю. (2022). Лексико-семантическое поле «ментальность/мировоззрение» сквозь призму влияния социальных сетей на мировоззрение молодежи. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики*, 2, 77–87. EDN NUBTSC. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2022.2.7>
- Микитюк, Ю. В. (2017). Теоретико-правовые основы формирования антинаркотического законодательства в Республике Крым. *Общество и право*, 4 (62), 176–181.

- Никитина, Л. Н., Медведев, П. А. (2020). Кибераддикция как вид девиантного поведения несовершеннолетних. В *Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции* (г. Новороссийск, 29 мая 2020 г., стр. 201–204). Краснодар: Краснодарский университет МВД России.
- Никитина, Л. Н., Смирнова, М. И. (2020). Причины и условия формирования психологической зависимости от компьютерных игр у несовершеннолетних. *Проблемы современного педагогического образования*, 68 (2), 252–255.
- Обринская, Е. К. (2022). Потенциал и перспективы развития и совершенствования государственного механизма обеспечения ментальной безопасности Российской Федерации. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*, 8 (1), 347–352.
- Симоненко, А. В. (2012). Система ценностных ориентаций в механизме преступного поведения личности. *Вестник Волгоградской академии МВД России*, 1 (20), 58–62.
- Симоненко, А. В. (2015). Развитие педагогических начал в криминологической теории и практике предупреждения преступлений. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 2 (66), 117–121.
- Тутова, О. В. (2017). Формирование информационной культуры курсантов как одна из составляющих обеспечения информационной безопасности. В *Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции* (г. Симферополь, 23 июня 2017 г., Том 2, стр. 332–335). Краснодар: Краснодарский университет МВД России.
- Чудина-Шмидт, Н. В., Литвинова, О. С. (2020). Склонность молодежи к проявлению экстремистских взглядов как признак роста антигуманистических идей. *Архонт*, 6 (21), 93–99.

References

- Abisova, K. S. (2023). *Determinaciya i preduprezhdenie terroristicheskoj deyatel'nosti*: dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar.
- Butkevich, S. A. (red.) (2014). *Issledovanie problem preduprezhdeniya narkomanii i protivodejstviya narkoprestupnosti v Respublike Krym*: monografiya. Simferopol': KRP «Izdatel'stvo «Krymchpedgiz».
- Butkevich, S. A. (red.) (2015). *Protivodejstvie ekstremizmu i terrorizmu v Krymskom federal'nom okruge: problemy teorii i praktiki*: monografiya. Simferopol': Krymskij filial Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii.
- Butkevich, S. A. (red.) (2020). *Lichnost' v informacionnom prostranstve: problemy i perspektivy issledovaniya*: monografiya. Simferopol': Poliprint.
- Butkevich, S. A. (red.) (2021). *Obespechenie mental'noj bezopasnosti molodezhi v usloviyah real'nyh ugroz i potencial'nyh vyzovov*: monografiya. Simferopol': Poliprint.
- Butkevich, S. A. (red.) (2022). *Protestnaya aktivnost' nesovershennoletnih i molodezhi: prichiny, formy i metody profilaktiki destruktivnyh i radikal'nyh proyavlenij*: monografiya. Simferopol': Poliprint.
- Butkevich, S. A. (red.) (2023). *Bezopasnost' na ob'ektah turistskoj industrii v Respublike Krym: problemy pravovogo i organizacionnogo obespecheniya*: monografiya. Simferopol': Poliprint.
- Ignatov, A. N., Kashkarov, A. A. (2015). Problemy profilaktiki prestuplenij ekstremistskoj i terroristicheskoj napravlenosti v Krymskom federal'nom okruge. *Mir juridicheskoy nauki*, 10, 47–53.
- Konopleva, A. A. (2019). Sootnoshenie normy i deviacii v kul'ture. V *Fenomenologiya i profilaktika deviantnogo povedeniya: materialy XIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (g. Krasnodar, 18 oktyabrya 2019 g., str. 113–115). Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii.
- Krautman, T. E., Balackaya, Yu. Yu. (2022). Leksiko-semanticheskoe pole «mental'nost'/mirovozzrenie» skvoz' prizmu vliyaniya social'nyh setej na mirovozzrenie molodezhi. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*, 2, 77–87. EDN NUBTSC. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2022.2.7>
- Mikityuk, Yu. V. (2017). Teoretiko-pravovye osnovy formirovaniya antinarkoticheskogo zakonodatel'stva v Respublike Krym. *Obshchestvo i pravo*, 4 (62), 176–181.
- Nikitina, L. N., Medvedev, P. A. (2020). Kiberaddikciya kak vid deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih. V *Aktual'nye problemy prava i pravoprimeritel'noj deyatel'nosti: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (g. Novorossiysk, 29 maya 2020 g., str. 201–204). Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii.
- Nikitina, L. N., Sмирнова, М. И. (2020). Prichiny i usloviya formirovaniya psihologicheskoy zavisimosti ot komp'yuternyh igr u nesovershennoletnih. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 68 (2), 252–255.
- Obrinskaya, E. K. (2022). Potencial i perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya gosudarstvennogo mekhanizma obespecheniya mental'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, 8 (1), 347–352.

- Simonenko, A. V. (2012). Sistema cennostnyh orientacij v mekhanizme prestupnogo povedeniya lichnosti. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii*, 1 (20), 58–62.
- Simonenko, A. V. (2015). Razvitie pedagogicheskikh nachal v kriminologicheskoy teorii i praktike preduprezhdeniya prestuplenij. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2 (66), 117–121.
- Tutova, O. V. (2017). Formirovanie informacionnoj kul'tury kursantov kak odna iz sostavlyayushchih obespecheniya informacionnoj bezopasnosti. V *Obespechenie obshchestvennoj bezopasnosti i protivodejstvie prestupnosti: zadachi, problemy i perspektivy: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Simferopol', 23 iyunya 2017 g., Tom 2, str. 332–335)*. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii.
- Chudina-SHmidt, N. V., Litvinova, O. S. (2020). Sklonnost' molodezhi k proyavleniyu ekstremistskikh vzglyadov kak priznak rosta antigumanisticheskikh idej. *Arhont*, 6 (21), 93–99.

Информация об авторе:

Сергей Анатольевич Буткевич – заместитель начальника Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (по учебной и научной работе), кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Крым.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 07.09.2023

Одобрена после рецензирования 08.10.2023

Опубликована 28.10.2023

About the authors

Sergey A. Butkevich – Deputy Head of the Crimea branch of Krasnodar University of the RF Ministry of the Interior (for Education and Science), Cand. Sci. (Jurid.), Docent, Honored Lawyer of the Republic of Crimea.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted September 07, 2023

Approved after reviewing October 08, 2023

Accepted October 28, 2023